

НОВАЯ НАУКА

Международный центр
научного партнерства

NEW SCIENCE

International Center
for Scientific Partnership

НАУЧНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ 2025

Сборник статей III Международного
научно-исследовательского конкурса,
состоявшегося 3 ноября 2025 г.
в г. Петрозаводске

г. Петрозаводск
Российская Федерация
МЦНП «НОВАЯ НАУКА»
2025

УДК 001.12
ББК 70
Н34

Ответственные редакторы:
Ивановская И.И., Кузьмина Л.А.

Н34 Научный потенциал 2025 : сборник статей III Международного научно-исследовательского конкурса (3 ноября 2025 г.). — Петрозаводск : МЦНП «НОВАЯ НАУКА», 2025. — 182 с. : ил., табл.

ISBN 978-5-00215-907-9

Настоящий сборник составлен по материалам III Международного научно-исследовательского конкурса НАУЧНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ 2025, состоявшегося 3 ноября 2025 года в г. Петрозаводске (Россия). В сборнике рассматривается круг актуальных вопросов, стоящих перед современными исследователями. Целями проведения конкурса являлись обсуждение практических вопросов современной науки, развитие методов и средств получения научных данных, обсуждение результатов исследований, полученных специалистами в охватываемых областях, обмен опытом. Сборник может быть полезен научным работникам, преподавателям, слушателям вузов с целью использования в научной работе и учебной деятельности.

Авторы публикуемых статей несут ответственность за содержание своих работ, точность цитат, легитимность использования иллюстраций, приведенных цифр, фактов, названий, персональных данных и иной информации, а также за соблюдение законодательства Российской Федерации и сам факт публикации.

Полные тексты статей в открытом доступе размещены в Научной электронной библиотеке Elibrary.ru в соответствии с Договором № 467-03/2018К от 19.03.2018 г.

УДК 001.12
ББК 70

ISBN 978-5-00215-907-9

Состав редакционной коллегии и организационного комитета:

Аймурзина Б.Т., доктор экономических наук
Ахмедова Н.Р., доктор искусствоведения
Базарбаева С.М., доктор технических наук
Битокова С.Х., доктор филологических наук
Блинкова Л.П., доктор биологических наук
Гапоненко И.О., доктор филологических наук
Героева Л.М., доктор педагогических наук
Добжанская О.Э., доктор искусствоведения
Доровских Г.Н., доктор медицинских наук
Дорохова Н.И., кандидат филологических наук
Ергалиева Р.А., доктор искусствоведения
Ершова Л.В., доктор педагогических наук
Зайцева С.А., доктор педагогических наук
Зверева Т.В., доктор филологических наук
Казакова А.Ю., доктор социологических наук
Кобозева И.С., доктор педагогических наук
Кулеш А.И., доктор филологических наук
Мантатова Н.В., доктор ветеринарных наук
Мокшин Г.Н., доктор исторических наук
Муратова Е.Ю., доктор филологических наук
Никонов М.В., доктор сельскохозяйственных наук
Панков Д.А., доктор экономических наук
Петров О.Ю., доктор сельскохозяйственных наук
Поснова М.В., кандидат философских наук
Рыбаков Н.С., доктор философских наук
Сансызбаева Г.А., кандидат экономических наук
Симонова С.А., доктор философских наук
Ханиева И.М., доктор сельскохозяйственных наук
Хугаева Р.Г., кандидат юридических наук
Червинец Ю.В., доктор медицинских наук
Чистякова О.В., доктор экономических наук
Чумичева Р.М., доктор педагогических наук

ОГЛАВЛЕНИЕ

СЕКЦИЯ КУЛЬТУРОЛОГИЯ	7
САКРАЛЬНЫЙ СИМВОЛИЗМ В КЛАССИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ	8
<i>Форикова Елена Анатольевна, Некита Андрей Григорьевич, Маленко Сергей Анатольевич</i>	
ОТ КИНОЗАЛА К СООБЩЕСТВУ: КАК КИНОФЕСТИВАЛИ ФОРМИРУЮТ ЗРИТЕЛЬСКУЮ СРЕДУ	17
<i>Сошникова Ирина Викторовна, Маленко Сергей Анатольевич, Некита Андрей Григорьевич</i>	
ОТ «МОДЕРНА» К «МОДЕРНИЗМУ»: ИСТОРИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ТЕРМИНА	24
<i>Токарев Вадим Евгеньевич, Маленко Сергей Анатольевич, Некита Андрей Григорьевич</i>	
ТРАНСФОРМАЦИЯ САКРАЛЬНОГО СИМВОЛИЗМА В ПРОСТРАНСТВЕ СОВРЕМЕННОЙ МАССОВОЙ КУЛЬТУРЫ.....	32
<i>Форикова Елена Анатольевна, Некита Андрей Григорьевич, Маленко Сергей Анатольевич</i>	
ИНТЕРНЕТ-МЕМЫ В СРЕДСТВАХ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ.....	40
<i>Бурнашева Маргарита Павловна, Маленко Сергей Анатольевич, Некита Андрей Григорьевич</i>	
ШАХМАТЫ И МЕМЫ: ИГРОВЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ ЭЛИТАРНОЙ И МАССОВОЙ КУЛЬТУРЫ.....	46
<i>Бурнашева Маргарита Павловна, Маленко Сергей Анатольевич, Некита Андрей Григорьевич</i>	
СЕКЦИЯ ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ	54
THE TRANSCAUCASUS AS AN IMPERIAL STRATEGIC UNIT: DYNAMICS OF ADMINISTRATION.....	55
<i>Badalyan Irina Vrezh</i>	
СЕКЦИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ	62
ДИНАМИКА ОСНОВНЫХ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ РАЗВИТИЯ РСО-АЛАНИЯ ЗА 2020-2025 ГГ.....	63
<i>Рахимова Равида Рамазановна</i>	
АНАЛИЗ ПРИЧИН СТАГНАЦИИ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ СФЕРЫ	70
<i>Ботиенко Алёна Витальевна, Кузнецов Максим Алексеевич</i>	
ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ГРАМОТНОСТЬ МОЛОДЁЖИ: ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОСТИ И ПУТИ РЕШЕНИЯ	81
<i>Дубач Анастасия Валерьевна, Свитич Анна Юрьевна</i>	

СЕКЦИЯ ТЕХНИЧЕСКИЕ НАУКИ.....	88
ВЛИЯНИЕ АКВАРИУМНОЙ ВОДЫ НА РОСТ ТРАВЯНИСТЫХ РАСТЕНИЙ И ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЕЁ ВОЗДЕЙСТВИЯ НА БЕТОН.....	89
<i>Шрайнер Юлия Олеговна</i>	
О РАЗРАБОТКЕ СИСТЕМЫ ДОКУМЕНТООБОРОТА ДЛЯ КОМПАНИИ	98
<i>Щербатюк Анастасия Сергеевна, Жилейко Алёна Андреевна, Уланова Юлиана Андреевна</i>	
ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРИМЕНЕНИЯ БЕЗГЛЮТЕНОВЫХ МУЧНЫХ СМЕСЕЙ ДЛЯ КОНДИТЕРСКИХ ИЗДЕЛИЙ.....	103
<i>Балкыбекова Жулдыз Мараткызы</i>	
СЕКЦИЯ ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ	110
СРАВНЕНИЕ ИНСТИТУТА КРАЙНЕЙ НЕОБХОДИМОСТИ В ОТЕЧЕСТВЕННОМ И ЗАРУБЕЖНОМ УГОЛОВНОМ ПРАВЕ	111
<i>Слободчиков Иван Федорович</i>	
ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ПРИМЕНЕНИЯ ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫХ ОБЕСПЕЧИТЕЛЬНЫХ МЕР ЗАЩИТЫ В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ	119
<i>Гордеев Сергей Витальевич, Политов Георгий Константинович</i>	
СЕКЦИЯ МЕДИЦИНСКИЕ НАУКИ	124
РОЛЬ МЕДИЦИНСКИХ СЕСТЕР В УХОДЕ ЗА ПАЦИЕНТАМИ С ОСТРЫМ ИНФАРКТМ МИОКАРДА.....	125
<i>Быстрова Дарья Юрьевна, Маринин Дмитрий Анатольевич, Румянцева Виктория Александровна</i>	
ОСОБЕННОСТИ ОКАЗАНИЯ НЕОТЛОЖНОЙ ПОМОЩИ ПРИ ЛЕГОЧНОМ КРОВОТЕЧЕНИИ У ПАЦИЕНТОВ С ДЕСТРУКТИВНЫМИ ФОРМАМИ ТУБЕРКУЛЕЗА ЛЕГКИХ НА ДОГОСПИТАЛЬНОМ ЭТАПЕ	135
<i>Рахимова Дарья Васильевна, Рахимов Линар Маратович</i>	
СЕКЦИЯ ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ	140
РОЛЬ ПРОЕКТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ, ИНТЕРАКТИВНЫХ МЕТОДОВ И ДИСТАНЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ОБУЧЕНИИ СТАРШЕКЛАССНИКОВ.....	141
<i>Овчинников Алексей Юрьевич</i>	
СЕКЦИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ	145
ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПРОФИЛАКТИКИ ИНТЕРНЕТ-ЗАВИСИМОСТИ СОВРЕМЕННЫХ ПОДРОСТКОВ В УСЛОВИЯХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ.....	146
<i>Шелудченко Максим Олегович</i>	

СЕКЦИЯ ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ.....	154
СИСТЕМА ОБРАЗОВ КОНЦЕПТА «МУЗЫКА» В ПОЭЗИИ М.А. БОГДАНОВИЧА.....	155
<i>Михайлова Елена Владимировна</i>	
СЕКЦИЯ ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ.....	164
СОЦИАЛЬНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ В КОНТЕКСТЕ ЦИФРОВОЙ ЗАВИСИМОСТИ: ГРАНИ ФИЛОСОФСКОГО ОСМЫСЛЕНИЯ	165
<i>Осипова Валерия Юрьевна, Некита Андрей Григорьевич, Маленко Сергей Анатольевич</i>	
СЕКЦИЯ ФИЗИКО-МАТЕМАТИЧЕСКИЕ НАУКИ	174
ОБ ОБРАТНОЙ ТЕОРЕМЕ ТЕОРИИ ПРИБЛИЖЕНИЙ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ФУНКЦИЙ ПО ГАРМОНИЧЕСКИМ ИНТЕРВАЛАМ	175
<i>Капашева Жулдыз Галымкызы</i>	

СЕКЦИЯ КУЛЬТУРОЛОГИЯ

САКРАЛЬНЫЙ СИМВОЛИЗМ В КЛАССИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ

Фори́кова Елена Анатольевна

аспирант

Некита Андрей Григорьевич

д.филос.н., проф.

Маленко Сергей Анатольевич

д.филос.н., проф.

ФГБОУ ВО «Новгородский государственный
университет имени Ярослава Мудрого»

Аннотация: В статье прослеживается эволюция сакральной символики в мировой культуре от первобытных времён до эпохи модернизма. Символические системы развивались в разных цивилизациях, проникали в искусство и трансформировались под влиянием религиозных, философских и социальных изменений: от Древнего мира через Средневековье и Возрождение к стилям Нового времени (барокко, рококо, классицизм, романтизм, реализм) и модернизму.

Ключевые слова: символика, искусство, культура, религия, сакральный, эпоха, стиль.

SACRED SYMBOLISM IN CLASSICAL CULTURE

Forikova Elena Anatolyevna

Nekita Andrey Grigorevich

Malenko Sergey Anatolyevich

Abstract: The article traces the evolution of sacred symbolism in world culture from primitive times to the era of modernism. Symbolic systems developed in different civilizations, penetrated into art, and transformed under the influence of religious, philosophical, and social changes: from the Ancient World through the Middle Ages and the Renaissance to the styles of the Modern Age (Baroque, Rococo, Classicism, Romanticism, and Realism) and modernism.

Key words: symbolism, art, culture, religion, sacred, era, style.

Сакральная символика в культуре и, в целом, символическое восприятие мира присутствовали на протяжении всех периодов развития человечества, всякий раз погружая человека «в архаическую и заветную атмосферу создания примордиальных <...> сообществ» [1, с. 95]. Зарождались эти тенденции еще с момента появления «человека разумного», то есть в первобытные времена. Сначала самые первые люди на земле интуитивно наделяли сакральными смыслами окружающие их ландшафты, природные объекты, затем переносили их на свои примитивные рисунки и резные орнаменты, оставляемые ими на стенах пещер, камнях, домашней утвари, по-своему раздумывая об устройстве мироздания и существовании неведомых сил.

В эпоху Древнего мира, в разных культурах и цивилизациях существовали свои символические системы, с помощью которых люди пытались объяснить различные явления, происходящие в мире – природные, исторические, связанные с практикой, а также с духовным и душевным миром человека. Эти системы были тесно связаны с формированием различных мифологий и верований. Свои знаковые системы (коды) существовали в Древнем Египте, Месопотамии, Китае, Индии, в античной Греции и Риме, а также у древних славян.

Живописцы, скульпторы, архитекторы, поэты, сказители использовали символические коды для зашифровки и одновременно образного и глубинного выражения своих идей. Через символы древние люди пытались объяснить природные и жизненные явления, человеческие эмоции и страсти. Но, в первую очередь, в них аккумулировались, а затем и тщательно передавались от поколения к поколению религиозные представления человечества, транслировались сакральные страхи и благоговение перед сверхъестественным и неизведанным. Отражение символических систем древних народов было достаточно изощренным и разнообразным по форме и содержанию: росписи, рельефы, гробницы, пирамиды египтян, храмовые постройки индийцев, мифы и статуи греков и римлян, славянский пантеон и т.д.

С наступлением Средних веков и постепенным утверждением христианства в Европе символическое восприятие мира все более усложнялось и обрастало дополнительными смыслами. Появлялись новые образы и метафоры, складывались определенные религиозные каноны, формировалась основы христианской иконографии, насквозь проникнутой сакральным символизмом. Православные иконы, католические скульптуры и готические соборы оформлялись множеством декоративных деталей, каждая из которых

несла в себе определенный сакральный смысл. Изображения нимба, чаши с вином, голубя, рыбы, священной книги, ключей от рая, креста, пальмовой ветви, агнца и др. – все это было не просто деталями обстановки, а важными символическими элементами, каждый из которых «рассказывал» определенную историю из Ветхого Завета, Евангелия, содержащую глубочайшие религиозные идеи.

В эпоху Возрождения сакральная символика продолжает сохраняться в искусстве. Однако, с активным развитием в это время и светской культуры, религиозный символизм начинает приобретать несколько иное значение. Художественные образы теперь не только выражают строгие христианские идеи, но и пытаются осмыслить красоту и богатство природного и вещественного мира (Леонардо да Винчи «Мадонна в скалах», Рафаэль «Диспута», Тициан «Поклонение младенцу Христу», «Брак в Кане Галилейской» и т. д.). В это время среди мастеров проявляется значительный интерес к искусству и мифологии Античности. Художники создают многочисленные образы, исполненные радости и полноты бытия. Аскетизм, отвержение плоти, телесных наслаждений и высокая духовная устремленность Средних веков сменяется любовью и интересом к жизни, материальному миру. Показательно, что в произведениях искусства в это время сакральные христианские символы органично уживаются с мифологическими образами.

В XVIII-XIX веках, в связи с развитием науки, хозяйственной и политической сфер, значительно усиливается светское начало в культуре, появляются различные художественные направления и стили, сменявшие друг друга, – барокко, рококо, классицизм, ампи́р, романтизм, сентиментализм. Это постепенно приводит к развитию и совершенствованию всей системы символов в культуре, обогащению ее новыми образно-смысловыми элементами и идейными концепциями. Развивается и символическая система.

Конечно, наряду с этим продолжает существовать и религиозная тема, которая активно эксплуатируется в искусстве. Но все чаще религиозные сюжеты преподносятся художниками как мирские жанровые сценки. Евангельские образы органично вписываются в реальную жизнь, исторический, либо и вовсе повседневный, бытовой фон. Таким образом, в культуре и искусстве Нового времени все более сливаются воедино религиозная (сакральная) и светская символика.

Символизм в искусстве пышного, помпезного, богатого на декор, эмоциональный динамизм и художественную вычурность барокко

(конец XVI – XVIII века) был направлен на образно-символическое выражение философских идей о сложном и противоречивом устройстве мироздания, о сосуществовании добра и зла, быстротечности времени и непостоянстве мира (П. Рубенс «Страшный Суд», «Святой Георгий, поражающий дракона», Рембрандт «Блудный сын») [2]. Кроме того, мастера активно использовали аллегорические и метафорические образы для критики власти, религиозной системы, образа жизни известных деятелей. Наиболее популярные символы, применяемые в это время: *череп* (олицетворение неизбежности смерти), *нож* (напоминание об уязвимости человечества), *песочные часы*, *мыльные пузыри* и *курительная трубка* (символы скоротечности бытия и неуловимости земных удовольствий), *медицинские инструменты* (аллегория болезней и бренности человеческого тела), *свеча в цельном виде* или ее *огарок* (метафора человеческой души), *агнец* (олицетворение чистоты, невинности и жертвенности) (Ф. Сурбаран «Агнец божий»), *короны, троны, мантии, жезлы, мечи, гербы* (символы власти и величия монархов). Специально оговоримся, что искусство барокко возникло во многом под влиянием усиления позиций католической церкви, которая активно строила церкви и соборы и стремилась пышно декорировать их, утверждая, тем самым, свое величие и власть.

Рококо (начало – середина XVIII века) – позднее или облегченное барокко – представляло собой романтический стиль, как и классическое барокко изобилующий декором, но, в отличие от него, более легкий, не перегруженный эмоциональными контрастами и тяжеловесными деталями. Ключевой его идеей стало прекрасное, но бесполезное. Рококо явилось своеобразной реакцией на строгость классицизма и велеречивость большого стиля, на чопорный этикет двора французского монарха Людовика XIV.

Рококо стало также тем стилем, который выявил духовный кризис аристократического сословия во Франции в период абсолютизма. Об этом говорили легкие жанровые и пасторальные сценки с налетом эротики, изображающие танцы, прогулки, развлечения, в которых проглядывала чрезмерная увлеченность чувственной стороной жизни и пустыми наслаждениями (Ф. Буше «Пастораль», Ж.О. Фрагонар «Качели»), олицетворяющие «уходящие вкусы эпохи» [3, с. 47; 4]. Казалось, персонажи «рокайльных» сцен вдруг разом перестали помнить о смерти и задумываться о глубоких «вечных» проблемах бытия. Тем не менее в картинах рококо символы используются довольно часто, но они, в основном, связаны с темой любви и чувственности, земных удовольствий: *веер* (атрибут кокетства, тайного

любовного языка), *нераспустившийся бутон розы* (символ непорочности), *разбитый кувшин* (аллегория утраченной невинности). Несмотря на свою явную светскость, воспевание земного начала, применяемые в произведениях рококо символы, приобретают своеобразный сакральный характер. Они воспевают земную любовь как священный дар бытия (Ф. Буше «Венера и Купидон», «Фонтан любви»).

Становление классицизма (XVII – первая треть XIX веков) в европейском искусстве было определено развитием политических идеалов, связанных с концепцией «просвещенной монархии» как самого лучшего государственного устройства, с утверждением идей «общественного договора», «естественного права», «разумного эгоизма». «Специфика классицизма состоит в том, что он явился новой версией канонического искусства после великого переворота, совершенного в эпоху Ренессанса, и, таким образом, входил в известное противоречие с духом культуры, плодами которой сам питался» [5, с. 9]. В то же время в художественном плане классицизм, и особенно его поздний вариант – ампир – своей строгостью, лаконичностью форм, соразмерностью композиций явился своеобразным протестом против чрезмерной пышности и декоративной перегруженности барокко. Классицизм выражал высокие священные идеи героизма, патриотического духа, умеренности в мирских удовольствиях (Ж.-Л. Давид «Клятва Горациев»). Он заново и в несколько иной интерпретации «переоткрыл» для представителей тогдашнего европейского светского общества возвышенные идеалы Античности, которые приобрели особый сакральный дух. Картины представителей классицизма наполнены образами античных богов или героев – полководцев, реально существовавших в истории, либо мифологических персонажей, которые сражаются с врагами, защищают свой дом, родину, слабых и обездоленных (Н. Пуссен «Великодушие Сципиона», А. Лосенко «Прощание Гектора с Андромахой»). В классических произведениях вновь начинает цениться красота гармоничного, атлетически сложенного человеческого тела, как и во времена Античности.

В произведениях эпохи классицизма популярными символами становятся: мотивы античной архитектуры и скульптуры (*арки, колонны, барельефы*), военная атрибутика (*шлемы, копья, мечи*), растительные элементы (*лавровые венки, пальметты, листья аканта* (аллегии героизма, власти, триумфальных побед)).

Как реакция на чрезмерный рационализм, самоуверенный оптимизм, игнорирование мира чувств, эмоциональных полутонов эстетики классицизма и

философии Просвещения возникли новые художественные направления – сентиментализм (конец XVIII – начало XIX веков) и романтизм (третья четверть XVIII века – вторая половина XIX века). Представители сентиментализма, в противовес превосходству разума, сопровождавшего классицизм, обратились к миру чувств и «жизни сердца». Герои сентименталистских произведений несколько наивны и прямолинейны в проявлениях своих чувств. Темы, которые интересуют мастеров сентиментализма, – любовь, тихие семейные ценности, восторг перед природой, умиление детьми и животными (Т. Гейнсборо «Портрет четы Эндрюс», В. Боровиковский «Лизонька и Дашенька», Ж.-Б. Грез «Верность»).

Романтики пошли гораздо дальше сентименталистов, обратившись к глубокому и всестороннему изучению внутреннего мира человека, его эмоциональной сферы, интуиции, тончайших движений души. Их образы гораздо глубже, сложнее и драматичнее, по сравнению с произведениями сентименталистов (К. Брюллов «Последний день Помпеи», Э. Делакруа «Свобода, ведущая народ») [6]. Романтики вновь переоткрывают для себя образный мир Средневековья, в отличие от классицистов, которые игнорировали его художественные традиции. Также их интересуют мифологические предания, история, обычаи, культурные и художественные традиции разных времен и народов. В сферу их интересов попадает все необычное, экзотическое, иррациональное, потусторонний мир, сверхъестественные силы, религиозные идеи. Особое вдохновение романтики находят в природе. Они одухотворяют и обожествляют ее. Так, например, пейзажи «Крест в горах» (Теченский алтарь), «Этапы жизни», «Странник над морем тумана» немецкого живописца романтического направления – К. Д. Фридриха – приобретают сакральный характер и глубокий религиозный смысл. Излюбленные символы романтиков: *море* (олицетворение изменчивости жизни, бега времени, ускользающего мгновения) (Т. Жерико «Плот Медузы»), *корабль* (аллегория нестигаемости и жизненной стойкости), *лес* (метафора двойственности мира, содержащего светлое и темное начала), *огонь* (символ энергии, страсти, силы, очищения и обновления жизни), *птица* (аллегория одиночества и жизненных потерь).

Следующим направлением, которое в очередной раз трансформировало художественный и идейно-символический вектор европейского искусства, стал реализм (со второй четверти до конца XIX века). С развитием науки, экономических отношений, усложнением политической жизни художники

начали проявлять большое внимание к реальной действительности, изучать ее во всей полноте [7]. У них возникла некоторая усталость от повышенной эмоциональности, излишнего драматизма и экзотичности романтизма. Им больше не хотелось приукрашивать действительность, делать ее более яркой и интересной. Они стремились изображать жизнь такой, какая она есть. Причем, реалистов, как и романтиков, также интересовал и внутренний мир человека, психология отношений. Но в этом уже не было той излишней экзальтированности и нарочитой эффектности романтизма. Реалистов продолжала занимать религиозная тема. Но они уже представляли евангельские сюжеты как бытовые сцены из реальной жизни, наделяя образы своих героев глубоким психологизмом, исследуя их эмоции и мысли трезвым умом и взирая на них объективным взглядом. Причем реалисты по-прежнему обращались и к религиозной тематике, но, апеллируя к «голой действительности», они воплощали в своих произведениях глубокие сакральные символы («Христос в Гефсиманском саду», «Тайная вечеря», «Голгофа», «Распятие» Н. Ге, «Похороны в Орнане» Г. Курбе, «Анжелюс» и «Сеятель» Ж.-Ф. Милле).

С началом XX века в европейской культуре наступает эпоха модернизма. Ускорение научно-технического прогресса приводит к кардинальным изменениям в сфере художественного творчества. Мастера устают от традиций старого искусства и активно ищут новые формы. Это было время активных творческих инноваций, появления большого количества живописных течений, ярких, выделяющихся, не похожих друг на друга. И именно начало XX века ознаменовалось формированием такого художественно направления, как символизм. В указанный период появляется большое количество философских учений символистского толка, которые предлагают самые различные концепции символического восприятия мира, основанные на психологическом, историческом, мифологическом, художественном контекстах. Развитие символизма в философии оказало значительное влияние на всю культуру, в том числе и на изобразительное искусство.

В эпоху символизма вновь происходит усиление внимания к искусству Средних веков, эпохи романтизма, древних культур. Символисты создают сложные, противоречивые и многозначные произведения, в которых они размышляют о религиозных вопросах, проблемах и бренности бытия, о двойственности человеческой природы, противоречивости жизни, о борьбе добра и зла, света и тьмы (Г. Моро «Пьета», О. Редон «Закрытые глаза», «Будда», Г. Климт «Три возраста женщины» М. Врубель «Демон») [8-13].

Образы художников этого направления часто воспринимаются как глубокие сакральные символы, содержащие в себе целый комплекс философских идейных концепций. Любимые мотивы символистов: *цветы* (аллегии страсти, любви, чистоты), *солнце и луна* (метафоры света и тьмы, дня и ночи, добра и зла, жизни и смерти), *птицы* (символы свободы и духовности), *маска* (воплощение скрытых человеческих эмоций, лицемерия и фальши человеческой натуры), *змея* (аллегория греха), *совы* (образы мудрости), *младенец* (олицетворение чистой, невинной души), *чаша* (образ искупительной жертвы Христа), *череп* – олицетворение бренности скоротечности жизни.

Помимо символизма, в модернистскую эпоху развивается целый ряд направлений, которые, кроме интенсивных новаторских поисков в области художественной формы, стремятся и к обновлению внутреннего содержания, к созданию новых идейных концепций и метафорических систем [14]. Так, глубокими символическими образами, выходящими на религиозно-сакральный уровень наполнены такие выдающиеся картины экспрессионистов: (Э. Мунк «Крик», «Мадонна», О. Дикс «Семь смертных грехов»), представителей метафизической живописи, абстракционистов (В. Кандинский «День Всех Святых I», «Распятый Христос»), сюрреалистов (Р. Магритт «Гнев богов», Христос Святого Иоанна Креста»).

Таким образом, можно постулировать, что эволюция сакральной символики как универсального языка культуры представлена в сложном процессе трансформации от первобытных интуитивных озарений до парадоксальных систем модерна. Она является не архаичным пережитком, а живым механизмом культуры, который адаптируется к изменениям мировоззрения, сохраняя при этом глубинную связь с вечными вопросами бытия. История сакральной символики отражает эволюцию человеческого сознания: от мистического трепета перед непознанным к попыткам рационально осмыслить мир, не утрачивая при этом сакрального измерения реальности.

Список литературы

1. Некита А.Г., Маленко С.А. Услужить индустриям ностальгии: мифология советского Чебурашки в лабиринтах потребительской безысходности //Индустрии впечатлений. Технологии социокультурных исследований (EISCRT). – 2024. – № 2(7). – С. 86-126. [https://doi.org/10.34680/EISCRT-2024-2\(7\)-86-126](https://doi.org/10.34680/EISCRT-2024-2(7)-86-126)

2. Яйленко Е.В. Шедевры эпохи барокко. – М.: Бином. Лаборатория знаний / Олма, 2020. – 256 с.
3. Федотова Е.Д. Франсуа Буше. – М.: Белый город, 2016. – 48 с.
4. Агратина Е.Е. Фрагонар. Грани рококо. – М.: БуксМАрт, 2022. – 336 с.
5. Даниэль С.М. Европейский классицизм. Эпоха Пуссена. Эпоха Давида. – СПб.: Азбука-Классика, 2003. – 304 с.
6. Жаринов Е. Роковой романтизм. Эпоха демонов. – М.: АСТ, 2020. – 640 с.
7. Калитина Н.Н. «Эпоха реализма» во французской живописи XIX века. – Л.: Ленинградский государственный университет имени А.А. Жданова, 1972. – 289 с.
8. Белый А. Символизм как миропонимание. – М.: Азбука-Классика, 2023. – 554 с.
9. Вольф Н. Символизм. – М.: Арт-Родник, 2011. – 96 с.
10. Светлов С. Гюстав Моро. – М.: Планета, 2011. – 112 с.
11. Гибсон М. Одилон Редон. – Кельн: Taschen, 2017;
12. Агеева З. Михаил Врубель. Жизнь и трагедия гения русского символизма. – М.: Родина, 2023. – 117 с.
13. Крючкова В.А. Символизм в изобразительном искусстве. – М.: Изобразительное искусство, 1994. – 274 с.
14. Герман М.Ю. Модернизм. – М.: Азбука, 2021. – 384 с.

© Форикова Е.А., Некита А.Г.,
Маленко С.А., 2025

ОТ КИНОЗАЛА К СООБЩЕСТВУ: КАК КИНОФЕСТИВАЛИ ФОРМИРУЮТ ЗРИТЕЛЬСКУЮ СРЕДУ

Сошникова Ирина Викторовна

аспирант

Маленко Сергей Анатольевич

д.филос.н., проф.

Некита Андрей Григорьевич

д.филос.н., проф.

ФГБОУ ВО «Новгородский государственный
университет имени Ярослава Мудрого»

Аннотация: Статья рассматривает роль зрительских кинофестивалей как культурных событий, формирующих региональную идентичность. Авторы описывают форматы подобных мероприятий, характеризуют их просветительскую миссию и вклад в развитие отечественного кинопроката. Также подчеркивается важное значение фестивалей для популяризации российского кино, сохранения культурного наследия и стимулирования событийного туризма в нашей стране.

Ключевые слова: кинофестиваль, культура, регион, показ, зритель, программа, мероприятие.

FROM THE CINEMA HALL TO THE COMMUNITY: HOW FILM FESTIVALS CREATE A VIEWING ENVIRONMENT

Soshnikova Irina Viktorovna

Malenko Sergey Anatolyevich

Nekita Andrey Grigorevich

Abstract: The article examines the role of film festivals as cultural events that shape regional identity. The authors describe the formats of such events, characterize their educational mission, and highlight their contribution to the development of domestic film distribution. The article also emphasizes the importance of festivals in promoting Russian cinema, preserving cultural heritage, and stimulating event tourism in Russia.

Key words: кинофестиваль, культура, регион, показ, зритель, программа, мероприятие.

Зрительские кинофестивали сегодня становятся настоящими культурными событиями для жителей и гостей того или иного региона. В отличие от индустриальных профессиональных фестивалей, мероприятия, ориентированные на зрительскую аудиторию, как правило, имеют ярко выраженную жанровую или тематическую окраску конкурсной программы – четкое концептуальное направление работы, максимально актуальное для региона его проведения.

Примерами подобных успешных мероприятий вполне могут служить такие отечественные киносмотр, как: Арктический международный кинофестиваль «Золотой Ворон» (г. Анадырь, Чукотка), Международный фестиваль фильмов и программ о космосе «Циолковский» (г. Калуга и Калужская область), Всероссийский фестиваль исторических фильмов «КиноВЕЧЕ» (г. Тверь и Тверская область), Всероссийский кинофестиваль молодого кино «МОСТ» в арт-кластере Таврида (Республика Крым, г. Судак) и так далее.

Показательно, что программа таких мероприятий, как правило, очень насыщена. Во-первых, конкурсных направлений в таком случае может быть несколько. Их максимальный спектр следующий: игровое, документальное и анимационное кино в полнометражной и короткометражной секциях, конкурс сериалов (пилотных серий проектов). Помимо конкурсных направлений классическим подходом к организации мероприятий такого рода является «украшение» программы специальными событиями, творческими встречами и ретроспективными показами в самых необычных местах на карте конкретного города и региона.

В этом смысле, достаточно интересным и во многом показательным примером стал 2022 год, когда все мировое кинематографическое сообщество отмечало 90-летие народного артиста РСФСР, кинорежиссера Андрея Тарковского. Несомненно, эта тема была отмечена в программе большинства киносмотр, но делалось это на редкость деликатно, с учетом специфики каждого региона и оригинальной тематики фестиваля.

Так в рамках МКФ фильмов и программ о космосе «Циолковский» в Калуге был организован специальный показ самой «космической» киноленты из фильмографии Андрея Арсеньевича – «Солярис». Показательно, что фильм в этом году также отмечал свой полувековой юбилей. Зрителям картину представила исполнительница главной его роли – заслуженная артистка РСФСР Наталья Сергеевна Бондарчук. Самым необычным в этом событие было

выбранное место показа – калужский Дом Музыки. Во-первых, интерьер здания очень напоминает по образу «земные» эпизоды фильма, а, во-вторых, в его концертном зале установлен орган. Как известно, в «Солярисе» неоднократно звучит фа-минорная хоральная прелюдия Иоганна Себастьяна Баха в обработке классика отечественного кино – композитора Эдуарда Артемьева. Кинопоказ проходил в сопровождении живого исполнения музыкальных произведений на органе в полном соответствии с сюжетом картины. Безусловно, такое событие стало центральным событием этого кинофестиваля. При этом в итоге в восторге были не только зрители, но и было получено большое количество позитивных откликов профессионалов от кино, а также от представителей прессы, которые также были на высоте.

Однако в древнем Великом Новгороде в рамках Всероссийского фестиваля исторических фильмов «ВЕЧЕ» юбилей Андрея Тарковского был отмечен совершенно иначе. Для показа неслучайно была выбрана хрестоматийная картина «Андрей Рублёв», в которой достаточно подробно показаны взаимоотношения и совместная работа двух великих иконописцев Феофана Грека и Андрея Рублева. Перед намеченным сеансом, всех зрителей предварительно пригласили на экскурсию в Церковь Спаса Преображения на Ильине улице, где бережно хранятся подлинные фрески Феофана Грека. После посещения храма, зрители проследовали в расположенный по соседству Музей Кино, где в кинозале после вступительного слова киноведа о создании картины стартовал показ фильма. Бесспорно, к такого рода насыщенным и разносторонним событиям организаторы и зрители готовятся целый год, а уже после мероприятия еще несколько месяцев обсуждают прошедшее событие и лауреатов фестиваля, размещая фильмы-победители в репертуаре региональной киносети.

Очевидно, что в подобной ситуации Министерство культуры РФ совместно с Фондом кино кровно заинтересованы в возрождении и укреплении государственной кинопрокатной сети (по примеру советской модели), чтобы иметь возможность беспрепятственно запускать отечественные релизы в широкий национальный кинопрокат.

Основой государственной кинопрокатной сети становятся региональные областные кинотеатры. По программе Федерального фонда социальной и экономической поддержки отечественной кинематографии (Фонд кино) уже более десяти лет многие кинотеатры в городах и в малых населенных пунктах регионов страны были оснащены за счет государственных субсидий

современным проекционным оборудованием и киноэкранами. По итогу работы в регионах возрождаются целые киносети (в некоторых случаях до 25 киноустановок). После оснащения, согласно договору, в таких сетях на протяжении пяти лет 50% репертуара должны составлять фильмы отечественного кинопроизводства. Постепенное объединение региональных сетей в одну большую федеральную, несомненно, поможет большинству российских фильмов дойти до проката и все-таки найти своего зрителя.

В наше время областные киносети становятся сердцем кинофестивалей, проходящих в различных регионах России. Здесь встречается сочетание задач и направлений работы с двух сторон: кинотеатры формируют репертуарную политику, ориентируясь на новые отечественные фильмы. Кроме того, региональные киносети также кровно заинтересованы в проведении социально-значимых культурных мероприятий, поддерживающих и пропагандирующих отечественный кинематограф – кинонедели, кинофестивали. Укажем, что подобная «социокультурная деятельность дает не только духовные, но и материальные результаты, приводя к техническому прогрессу, улучшению условий труда и жизни. Создание музеев, выставок, театров, культурных центров, центров творчества и досуга – все это относится к результатам социокультурной деятельности общества каждого государства» [1].

Культурно-просветительская деятельность кинофестивалей отражается в организованных показах, дискуссиях и мастер-классах, основанных на одном из самых воспринимаемых видах искусства – кинематографе, который втягивает «массового зрителя в долгосрочную “большую игру” по развлекательному потреблению элементов “индустрии впечатлений”» [2, с. 94], получая максимальное количество переживаний во всех кинематографических направлениях, переданных доступным и понятным для всех поколений языком кино. Таким образом интеллектуальный досуг несет не только развлекательную функцию, но и демонстрирует высокую просветительскую миссию.

Именно кинофестивали становятся крупными культурными событиями региона и вырабатывают у представителей молодого поколения привычку кинопосещения – встречи с авторскими проектами, с фильмами, несущими в себе многослойные смыслы и художественные высказывания. Кроме того, в залы возвращается и старшее поколение зрителей, еще с советских времен имеющее «привычку кинохождения». Е. Паксина отмечает в этой связи, что «функция регулирования культурной политики также относится к кругу

социокультурных функций художественного фестиваля, особенно если говорить не только о международном, но и о региональном фестивале. Во многих регионах это мероприятие имеет статус заметного явления культурной политики. Благодаря проведению такого фестиваля региональное министерство культуры может отслеживать новые тенденции в искусстве, узнавать предпочтения общества, оценивать степень интереса социума к искусству и непосредственно к конкретному мероприятию. Следовательно, функция регулирования культурной политики может быть сформулирована и в более широком смысле – как нормативно-регламентирующая функция, ведь именно фестиваль искусств отражает способность властей к последовательному расширению и углублению культурных контактов, к ненавязчивому приобщению социума к разным видам творчества, их созерцанию и осмыслению» [1].

Кроме того, миссия кинофестивалей должна заключаться в укреплении престижа отечественного кинематографа, связанного с традицией ознакомления российских зрителей с лентами текущего киносезона, созданных как столичными кинокомпаниями, так и региональными кинематографистами в разных направлениях: игровом, документальном, анимационном. Кроме того, в задачу таких мероприятий входит и популяризация лучших мировых кинопроизведений посредством формирования знаковых ретроспектив. Работа кинофестивальных оргкомитетов должна побуждать к открытию и последующей круглогодичной работе местных региональных кино клубов, лекториев – в государственных киносетях, школах, библиотеках. Сохранение культурного кода древней многонациональной России, разнообразного и яркого, как лоскутное одеяло, в наши дни становится всё более актуальным! Именно поэтому, как считает Н. Головецкий, «Крупнейшие кинофестивали мира <...> привлекают в города-организаторы значительный приток туристов, а также обеспечивают освещение местных достопримечательностей в мировых СМИ. Так кинофестивали становятся инструментом продвижения и кино, и места их проведения. Кинофестивали, таким образом, становятся элементом событийного туризма» [3, с. 90].

Научная и социально-практическая актуальность нашей статья подтверждается многочисленными киносмотрами, проходящими на территории России. Безусловно, их социально-культурная миссия может стать еще более эффективной и значимой только лишь при формировании проработанной

кинофестивальной политики – объединяющем общенациональном проекте, который способствует культурной идентификации общества.

Полагаем, что культурологический подход, а также материалы из практики проведения отечественных кинофестивалей позволят рассмотреть и структурировать социально-культурную работу кинофестивального движения, обнаружить недостатки и предложить качественные решения в целях его развития и совершенствования. В связи с этим А. Старикова пишет: «Сохранение нематериального культурного наследия в последние десятилетия стало одним из главных вопросов в культурной политике России. Многие этносы борются за сохранение и возрождение своих национальных традиций, стремятся к получению поддержки со стороны государства в развитии своего культурного потенциала» [4]. Подтверждением вышесказанному служат примеры успешных с точки зрения зрителей и отмеченных профессионалами кинопроектов из разных регионов страны. Это и уникальный якутский кинематограф – обладатель многочисленных наград международных кинофестивалей, и красочная Башкирская анимация, и самобытные фильмы Татарстана, Урала, Арктических регионов России.

Роль регионального кинофестиваля также анализирует К.А. Кравченко, который в своей статье справедливо указывает на «основные кинематографические регионы России: Якутия, Татарстан, Башкирия, Чувашия, Екатеринбург, Калмыкия, Новосибирск, Сахалин, Чечня, Бурятия, Иркутск. Через понятие «регион» мы можем обозначить любую часть Российской Федерации с чётко выраженными географическим положением, обладающим экономической и культурной самобытностью. Однако разные исследователи по-разному проводят региональные границы» [5, с. 140].

Фестивали различных видов искусств имеют весомое значение в многонациональном культурном пространстве, что особенно важно для нашей страны. Являясь культурной универсалией, фестивали устанавливают взаимосвязь и порождают взаимовлияние в глобальном культуротворческом процессе, что отмечают в своих исследованиях Шехтер Т.Е. [6, 7] и Хренов Н.А. [8].

Таким образом, кинофестивали действуют как культурные катализаторы, которые: 1) помогают зрителям осознать свою принадлежность к определённой культурной общности (региональной, национальной); 2) создают пространство для диалога между прошлым и современностью; 3) формируют устойчивые практики культурного взаимодействия; 4) способствуют сохранению и развитию культурного наследия через призму киноискусства.

Поэтому современный кинофестиваль – это не просто череда показов, а успешный способ формирования и конструирования индивидуальной и коллективной идентичности, посредством приобретения опыта совместного переживания, осмысления и обсуждения кинотекстов в зрительской аудитории, развития регионального кино и продвижения туристических локаций.

Список литературы

1. Паксина Е.Б. Социокультурные функции фестиваля искусств // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 1-1. – С. 1884–1884. – URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=18601> (дата обращения: 19.05.2025).
2. Некита А.Г., Маленко С.А. «Чебурашечья» игра в «пасхалки»: от киносимуляций досугового рая к разрушению национальной идентичности // Индустрии впечатлений. Технологии социокультурных исследований (EISCRT). – 2024. – № 4(9). – С.88-131. [https://doi.org/10.34680/EISCRT-2024-4\(9\)-88-131](https://doi.org/10.34680/EISCRT-2024-4(9)-88-131).
3. Головецкий Н.Я., Туманов А.И. Кинофестивали как фактор развития социальной инфраструктуры и туристической привлекательности региона // Вестник Московского университета имени С. Ю. Витте. Серия 1: Экономика и управление. – 2017. – № 3(22). – С.90–94.
4. Старикова А.С. Фестиваль национальных культур как форма сохранения нематериального культурного наследия // Молодой учёный. – 2018. – № 18 (204). – С. 454–458. – URL: <https://moluch.ru/archive/204/5002> (дата обращения: 19.05.2025).
5. Кравченко К.А. Региональное кино России: к проблеме определения // Парадигма. – 2022. – № 36. – С.139–149.
6. Шехтер Т.Е. Искусство как реальность. Очерки метафизики художественного. – СПб : Астерион, 2005. – 258 с.
7. Шехтер Т.Е. Художественное пространство как сфера бытования искусства // Метафизические исследования. – 1998. – № 6. – С. 340–352.
8. Хренов Н.А. Социально-психологические аспекты взаимодействия искусства и публики. – М.: Наука, 1981. – 304 с.

© Сошникова И.В., Маленко С.А.,
Некита А.Г., 2025

**ОТ «МОДЕРНА» К «МОДЕРНИЗМУ»:
ИСТОРИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ТЕРМИНА**

Токарев Вадим Евгеньевич

аспирант

Маленко Сергей Анатольевич

д.филол.н., проф.

Некита Андрей Григорьевич

д.филол.н., проф.

ФГБОУ ВО «Новгородский государственный
университет имени Ярослава Мудрого»

Аннотация: В статье анализируется многозначность термина «модернизм», используемого в разных видах искусства и исторических контекстах. Авторы рассматривают этимологию самого понятия, его эволюцию от XVI к XX веку, которая находилась под влиянием различных социокультурных процессов (индустриализация, урбанизация, войны). Опираясь на концепции Фуко, Хабермаса, Бхабха, освещаются ключевые трактовки модернизма с его амбивалентностью и противоречивостью как художественного и философского феномена.

Ключевые слова: модернизм, современность, модерн, искусство, культура.

**FROM «MODERN» TO «MODERNISM»:
A HISTORICAL AND SEMANTIC ANALYSIS OF THE TERM**

Tokarev Vadim Evgenievich

Malenko Sergey Anatolyevich

Nekita Andrey Grigorevich

Abstract: The article analyzes the ambiguity of the term "modernism" as it is used in different art forms and historical contexts. The authors examine the etymology of the concept and its evolution from the 16th to the 20th century, which was influenced by various sociocultural processes (industrialization, urbanization, and wars). Drawing on the concepts of Foucault, Habermas, and Homi Bhabha, the

article highlights key interpretations of modernism, highlighting its ambivalence and contradictions as an artistic and philosophical phenomenon.

Key words: modernism, modernity, art, culture.

Существуют различные трактовки термина «модернизм». Среди них встречаются такие представления как период, стиль, жанр или их разнообразные сочетания. В основе слово «модерн» – в переводе с латинского modo, значащее "текущий", имеющее более всеобъемлющее значение, чем "модернизм". К примеру, на исходе 5 века н.э. латинское «modernus» относилось к христианскому настоящему в оппозиции к римскому прошлому. В широком смысле этого слова «модерн» («современный») зачастую может употребляться для описания авангарда. Однако после Второй мировой войны смысл слова «модерн» («современный») сместился на значение происходящий «прямо сейчас», а его прежний смысл передается термином «contemporary» [1, 2].

Авангардность, радикальность, революционность, прогрессивность современного искусства положили начало рождению термина «модернизм». А. Рембо апеллировал именно к этим смыслам, заявляя о том, что нужно быть абсолютно современным. В настоящий момент исследователями не принято обращаться к какому-то одному «модернизму», его рассматривают в каждом виде искусства отдельно. Такая практика получила распространение с шестидесятых годов XX века, когда в изобразительном искусстве организовался своеобразный канон художников-модернистов. Тем не менее возрастает количество художественных критиков предлагающих альтернативных авторов, работы которых претендуют на расширение или смещение рамок первоначального канона. Таким образом, относительно точное определение модернизма в изобразительном искусстве может предполагать наличие исключений и альтернативных интерпретаций [1].

Примером альтернативной истории модернизма в изобразительном искусстве могут служить работы Camden Town Group или London Group, имеющие меньшую популярность, в отличие от живописи Пикассо или Матисса. Общая характеристика искусства модернизма не изменяется, но многие утверждения, который делались в семидесятых годах прошлого века, теперь могут быть оспорены. К примеру, европейское происхождение модернизма можно поставить под сомнение в связи с тем фактом, что в основе его художественной традиции стоят элементы культур Востока, Азии и

Африки. Происхождение слова «модернист» имеет достаточно старые корни. На исходе XVI шестнадцатого века слово имело отношение к «современному человеку» той эпохи, в XVIII веке так обращались к стороннику современной литературы, в отличие от древней. Термин «модернизм» впервые появился для обозначения тенденций, характерных для нового времени, позже в девятнадцатом веке он применялся к современным мнениям и стилям. На исходе девятнадцатого века можно наблюдать применение термина «модернизм» к прогрессивным тенденциям в католической церкви [3].

В литературе это понятие появляется у Т. Харди в 1891 году для описания текущей индустриализации. Для широкого описания литературной традиции в источниках оно начало часто использоваться только в шестидесятых годах XX века, знаменуя собой, собственно, уже завершение этого этапа. Литературные корни термина уходят в творчество Ш. Бодлера и Г. Флобера, творчество которых пришлось на последнее десятилетие XIX века, однако кульминация пришлась на период перед Первой мировой войной [4, 5].

С точки зрения изобразительного искусства модернизм вмещает в себя довольно широкий диапазон авангардных течений и изобразительных стилей: экспрессионизм, имажинизм, сюрреализм, футуризм, дадаизм, вортицизм, формализм. Импрессионизм иногда относят к живописи модернизма, по формально-живописным характеристикам. Идейними предтечами модернизма можно назвать Ч. Дарвина, К. Маркса, Ф. Ницше. Среди фигур, оказавших серьезное влияние на развитие изобразительного искусства, несомненно, стоит указать на «отца психоанализа» З. Фрейда. Оговоримся, что искусство модернизма сопряжено с постоянными экспериментами, попытками разработать почву «новой традиции», отказавшись от старой, проникнутой формализмом [2, 6, 7].

Социокультурная подоплека модернизма – это расцвет и упадок европейских империй, эмансипация женщин, научно-техническая революция, внедрение серийного производства на заводах и фабриках, Первая мировая война, индустриализация, экономический кризис середины XIX века. Таким образом, можно утверждать, что изобразительное искусство модернизма выступает, как концентрированное выражение масштабного социокультурного кризиса и колоссальных перемен в европейском обществе на границе XIX–XX веков [2, 7].

Термин «современность» в середине XIX века употребляет Бодлер. В его эссе «Художник современной жизни» описана амбивалентность тогдашнего искусства. С одной стороны, его главным «героем» выступает *современность*, как воплощение всего мимолетного или случайного, а с другой – *вечное и незыблемое*. С позиций модернизма можно интерпретировать современность как совокупность переживаний «новой жизни», сформировавшейся под воздействием трансформаций, опосредованных индустриализацией, урбанизацией, секуляризацией и общей модернизацией бытия человека и общества. Самыми заметными чертами этого художественного направления выступают дезинтеграция и реформирование, фрагментация и стремительность изменений в обществе, а также эфемерность и ощущение незащищенности. Одна из очевидных и характерных особенностей – это новые представления о времени и пространстве. Течение жизни ускоряется, мобильность человека повышается, средства коммуникаций находятся в постоянном развитии, путешествия становятся популярными и доступными среднему классу – все это отражает динамизм, хаотичность и революционность той эпохи и, несомненно, ее культуры [1, 5, 8].

Подобный общественный сдвиг различным образом осмысливался на переходе из XIX в XX век. Например, Э. Дюркгейм сконцентрировался в своей интерпретации на факторе усиления разделения труда. С другой стороны, М. Вебер говорил о разочаровании рациональной трактовкой мира, а Ф. Теннис называл постепенную трансформацию взаимоотношений в сельской общине в анонимные и неортодоксальные отношения городского общества (*Gemeinschaft* и, соответственно *Gesellschaft*). Попытки примириться с меняющейся действительностью ложатся в базис новой социологической науки [9, 10].

В начале XX века формируется мощное идейно-философское объединение под названием Франкфуртская теоретическая школа, которую представляют Т. Адорно, М. Хоркхаймер, Г. Маркузе, Э. Фромм, В. Беньямин. Последний в своем девятом «Тезисе по философии и истории» представляет визуализацию «кошмара истории» в виде «Ангела истории» с лицом, обращенным к прошлому и его обломкам. Ангел пытается пробудить мертвых и восстановить утраченное и разрушенное, но, влекомый бурей из Рая, все дальше уносится от развалин прошлого, катастрофически растущих в числе. Буря в данном контексте – наиболее зримая метафора прогресса. Подобный художественный образ истории как хронологически упорядоченным и

концентрированным развалинам прошлого максимально близок Ш. Бодлеру, Ф. Кафке, Т.С. Элиоту и Дж. Джойсу. Таким образом, история предстает как апогей прошлого и предтеча будущего, определяя момент разрыва ткани социокультурных отношений и сценариев их эстетической репрезентации. С этой позиции можно наблюдать две диаметрально противоположные точки зрения на проблематику модернизма. С одной стороны, позитивную и жизнеутверждающую: Ф.Т. Маринетти, Ле Корбюзье, В. Маяковский. С другой – апокалиптическую и депрессивную: Т.С. Элиот, У.Б. Йейтс, Э. Паунд, Д.Х. Лоуренс [11].

В общем смысле, «современность» (модерность) не совсем точный и, зачастую, справедливо оспариваемый термин. Существует несколько мнений, согласно которым понятие «современность» распространяется на время: во-первых, с эпохи Возрождения; во-вторых, с эпохи научных революций семнадцатого века (Г. Галилей, Т. Гоббс, И. Ньютон, Г. В. Лейбниц, Р. Декарт); в-третьих, с эпохи Просвещения восемнадцатого века (связано со стремлением к господству над природой, рациональностью как основой справедливости, морали и другим ценностям и благам) [5].

М. Фуко заявлял о том, что современность есть скорее отношение, чем эпоха, позиционируя человеческий разум в качестве центра картины мира, на периферии относительно него оставлял религию, экономику, науку. Современность у Фуко характеризовалась становлением капитализма, организацией государственного регулирования, появлением социальных исследований, развитием институционализации, усилением администрирования и контроля. Критика модернизма в этом смысле опирается на обвинения в смене традиционных методов порабощения на альтернативные, когда система принуждения, религия и суверенная власть трансформируются в другой дисциплинарный инструментарий достижения социального господства [12, 13].

Ю. Хабермас, с другой стороны, вступал как своеобразный защитник модернизма, утверждая, что «проект современности», который был сформулирован философией Просвещения в XVIII веке, заключался в развитии универсальной науки, права, морали и независимого искусства, организованных общей логикой, с целью внесения рационального начала в повседневную жизнь. Хабермас также постулирует незавершенность современности как постоянно продолжающегося процесса. По его убеждениям, перманентно продолжается процесс ее «самоопредмечивания», выражающийся

в многочисленных отождествлениях и проекциях. Одним из контраргументов в этой связи, является факт того, что, несмотря на материальные выгоды, превалирование разума и научного подхода к жизни не привело к прорыву в сфере индивидуальной автономии или к всплеску самопознания человека. Более того, человек, при такой постановке вопроса вообще может быть низведен до статуса «рационального животного», а религиозная и духовная жизнь постепенно редуцируется. При этом усиливается комплексность представлений о психобиологической сущности человека, он становится более эмоционально, психологически и технологически зависимым от окружающей среды. Стремление к переменам, преображению без конкретики, ранее задаваемой религиозной составляющей, несут только сиюминутное удовлетворение и поверхностные смыслы [14].

Глобальная экспансия европейской культуры с ее универсализующими тенденциями в эпоху модернизма усиливает свои позиции, преобразая глобальные системы управления и подчинения. Хоми Бхабха в 1991 и Пол Гилрой в 1993 годах выступают с критикой модернизма, выдвигая идеи контрмодернизма, опирающегося на колониальные и постколониальные модели. В этом дискурсе модернизм уже рассматривается как культурная и эстетическая рефлексия поздней современности (модерности) и процесс модернизации. Поэтому художники-модернисты, с одной стороны, всячески приветствовали революционные способы производства и потребления, возможные благодаря технологическим новшествам. С другой стороны, они же всячески противились гомогенизации и любым проявлениям массовости в искусстве, что обусловило «неотвратимую девальвацию уровня образования и культуры» [15, с. 93] в обществе. Такая парадоксальность, амбивалентность убеждений и социальных тенденций, сочетающая революционность с реакционностью представляет типичную атмосферу первой половины XX века. В целом, это можно охарактеризовать как состояние сильного страха перед реновациями и восхищенное прославление борьбы с пережитками прошлого, отчаяние, нигилизм и фанатический энтузиазм творчества [1].

Список литературы

1. Childs P. Modernism. – London: Routledge, 2000. – 243 с.
2. Armstrong, T. Modernism: A Cultural History. – Cambridge: Polity Press, 2005. – 195 с.

3. Бранская Е.В., Панфилова М.И. Модерн, модернизм, постмодернизм (к определению понятий) // Инновационная наука. – 2015. – № 3. – С. 263–267. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/modern-modernizm-postmodernizm-k-opredeleniyu-ponyatiy> (дата обращения: 11.09.2025).
4. Хренов Н.А. Война в истории проекта модерна: социокультурный контекст // Ярославский педагогический вестник. – 2014. – № 1. – С. 202–210. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/voyna-v-istorii-proekta-moderna-sotsio-kulturnyy-kontekst> (дата обращения: 17.09.2025).
5. Calinescu M. Five faces of modernity. – Durham: Duke University Press, 2003. – 419 с.
6. Cohen A.J. Imagining the unimaginable: World war, modern art and the politics of public culture in Russia, 1914-1917. – Lincoln: University of Nebraska Press, 2008. – 246 с.
7. The Cambridge history of modernism. – Cambridge: Cambridge University Press, 2016. – 971 с.
8. Modernism and the Spirit of the City. – London: Routledge, 2003. – 275 с.
9. Кильдюшов О.В. Категориальная дихотомия gemeinschaft/gesellschaft в социологической классике: Тённис – Вебер – Фрайер – Парсонс // Вестник РУДН. Серия: Социология. – 2023. – № 1. – С. 9–25. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kategorialnaya-dihotomiya-gemeinschaft-gesellschaft-v-sotsiologicheskoy-klassike-tyonnis-veber-frayer-parsons> (дата обращения: 02.09.2025).
10. Frisby D. Fragments of Modernity: Theories of Modernity in the Work of Simmel, Kracauer and Benjamin. – Cambridge: MIL Press, 1988. – 331 с.
11. Яркеев А.В. Метафизика чрезвычайного положения в философии В. Беньямина // Социодинамика. – 2019. – № 1. – С. 42–48. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metafizika-chrezvychaynogo-polozheniya-v-filosofii-v-benyamina> (дата обращения: 11.09.2025).
12. Старостина Д.А. Биополитика в концепции м. Фуко: тело как инструмент управления обществом // Теория и практика общественного развития. – 2022. – № 6(172). – С. 80–85. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/biopolitika-v-kontseptsii-m-fuko-telo-kak-instrument-upravleniya-obschestvom> (дата обращения: 12.09.2025).
13. Megill A. Prophets of Extremity: Nietzsche, Heidegger, Foucault, Derrida. – Berkeley: University of California Press, 1987. – 427 с.

14. Ткаченко Д.А. Проект современности: смысл и судьба // Социально-гуманитарные знания. – 2016. – № 8. – С. 228–232. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/proekt-sovremennosti-smysl-i-sudba> (дата обращения: 26.09.2025).

15. Некита А.Г., Маленко С.А. «Чебурашечья» игра в «пасхалки»: от киносимуляций досугового рая к разрушению национальной идентичности //Индустрии впечатлений. Технологии социокультурных исследований (EISCRT). – 2024. – № 4(9). – С. 88-131. [https://doi.org/10.34680/EISCRT-2024-4\(9\)-88-131](https://doi.org/10.34680/EISCRT-2024-4(9)-88-131)

© Токарев В.Е., Маленко С.А.,
Некита А.Г., 2025

ТРАНСФОРМАЦИЯ САКРАЛЬНОГО СИМВОЛИЗМА В ПРОСТРАНСТВЕ СОВРЕМЕННОЙ МАССОВОЙ КУЛЬТУРЫ

Форикова Елена Анатольевна

аспирант

Некита Андрей Григорьевич

д.филос.н., проф.

Маленко Сергей Анатольевич

д.филос.н., проф.

ФГБОУ ВО «Новгородский государственный
университет имени Ярослава Мудрого»

Аннотация: В статье анализируется трансформация символических систем в условиях развития массовой культуры. Изменение смыслов и культурных функций современных символов (коммуникация, идентификация, манипуляция) связано с интенсивным влиянием на них экономики и политики. Динамичный характер массовой культуры формирует свой собственный круг «сакральных кодов», обуславливающих глобальную культурную идентичность, что в свою очередь вызывает критику со стороны представителей классической традиции.

Ключевые слова: массовая культура, символ, образ, значение, общество, трансформация, идентичность, культурный код.

THE TRANSFORMATION OF SACRED SYMBOLISM IN THE SPACE OF MODERN MASS CULTURE

Forikova Elena Anatolyevna

Nekita Andrey Grigorevich

Malenko Sergey Anatolyevich

Abstract: The article analyzes the transformation of symbolic systems in the context of the development of mass culture. The changing meanings and cultural functions of modern symbols (communication, identification, and manipulation) are influenced by the economy and politics. The dynamic nature of mass culture creates its own set of "sacred codes" that shape global cultural identity, leading to criticism from representatives of the classical tradition.

Key words: mass culture, symbol, image, meaning, society, transformation, identity, cultural code.

С развитием массовой культуры постепенно уходят в прошлое и старые символические системы, так или иначе имеющие связь с классической культурой, рождаются совершенно новые символы и культурные коды. Масштабная трансформация символов в массовой культуре происходит под влиянием целого ряда различных факторов, включающих в себя радикальное изменение общественных норм и ценностей; развитие цифровых и других инновационных технологий; наделение старых символов, заимствованных из разных культур и эпох новыми более современными и актуальными смыслами; эволюция экономических отношений; развитие бизнеса; появление новых отраслей экономики, например, сферы рекламы и маркетинга; возникновение новых жанров, направлений во всех видах культуры и искусства.

В современном мире массовая культура, «как совокупность субкультурных явлений, заполняющих социокультурное пространство России» [1, с. 167], охватывает все сферы жизни. Она формирует мировосприятие, убеждения и поведение людей. Нынешние символы служат средствами коммуникации, выполняют функцию идентификации и стратификации общества. Если символические образы классической культуры отличались гораздо большей смысловой нагрузкой, эмоциональной, идейной и ментальной сложностью, то символы массовой культуры зачастую выглядят упрощенными и примитивными, хотя, не менее яркими и выразительными, что обусловлено их ориентацией на неизмеримо большие слои населения и ориентацией на простоту и скорость восприятия социокультурной информации.

Символы в массовой культуре выступают связующими мостами между различными народами, культурами, социальными группами. Они помогают преодолевать языковые и культурные барьеры, создавать универсальные системы, понятные самой широкой аудитории, а затем и поддерживать их существование. Элементы массовой культуры участвуют в формировании и публичной презентации общественного мнения, ценностей и стереотипов. Все современные масс-медиа (телевидение, радио, кино, Интернет, социальные сети) выступают площадками, через которые транслируются эти образы, оказывающие мобилизующее или же, наоборот, стабилизирующее воздействие на социум в целом и отдельные его группы в частности.

Символические образы массовой культуры вплетаются в политический дискурс, в котором «все большую популярность приобретают визуальные

способы манипуляции чувствами и мыслями людей» [2, с. 86]. Они могут выступать источником вдохновения и одновременно быть причиной стрессов и даже депрессивного отношения к жизни. Так, например, сопоставление себя и своей жизни с идеализированными образами из социальных сетей (в блогах и реалити-шоу) способно значительно понизить самооценку, породить, а затем и развить чувство разочарования в самом себе и всей социальной жизни.

Массовая культура активно эксплуатирует подобные символические образы для манипулирования сознанием людей, а также использует их в целях формирования и последующего управления общественным мнением. Так, для политиков с помощью определенных коммуникативных средств и визуальных и инструментов СМИ создают позитивный имидж, что повышает их популярность и обеспечивает лояльность к нему среди электората. Замечено, что политические лидеры, активно эксплуатирующие в своей практике национальные и героические символы, способны вызвать у людей патриотические чувства и благоприятное отношение к себе, обеспечив себе победу на выборах.

В настоящее время наиболее популярными образами, активно претендующими на статус современных символов, являются те, которые в изобилии присутствуют в Интернете, а особенно в его важнейшем, наиболее массовом и повседневно используемом сегменте – социальных сетях. Интернет за последние десятилетия буквально превратился в новое «божество» для массового человека, а образы, пропагандируемые в нем, – в современные «сакральные» символы. Люди, которые активно презентуют себя и свои идеи в соцсетях, блогеры, стримеры, коучи, спикеры, тренеры, создатели контента, за короткое время превратились в новых кумиров, «духовных вождей», своеобразных символов эпохи массовой культуры, за которыми идет общество и, в первую очередь, молодежь. Настоящими актуальными культурными символами стали и популярные социальные платформы: ВКонтакте, TikTok, Одноклассники, Telegram и другие.

Следует оговориться, что символические формы современной массовой культуры вообще, и, в частности, Интернет-сообщества, отличаются разнообразием. Сюда входят и знаки, повсеместно распространенные в молодежной культуре, – эмодзи, мемы; используемые в маркетинге – слоганы, логотипы, определенные цветовые сочетания, эмблемы брендов и др. Указанные элементы облегчают и даже упрощают коммуникацию, отражают актуальные социальные и культурные тренды, создают новые возможности для самовыражения.

Популярные образы массовой культуры всегда тесно сопряжены и с экономической сферой. А. Круглов справедливо утверждает, что современная массовая культура, по сути, это «народная культура» народа, уже не получаемая им в традиции, которую стихийно творил он сам и которая являлась образом и гарантией его существования, а приобретаемая им в качестве промышленного товара от тех, кто этим кормится» [3, с. 152]. В маркетинге активно применяется визуальная символика с целью привлечения внимания целевой аудитории к предлагаемому продукту или услуге. Известные бренды часто придумывают собственные, ни на что не похожие образы, которые потом успешно делают их частью культурной идентичности покупателей. Таким образом, символы не только воплощают содержание, смыслы, идеи, но и преобразуются в экономические активы, которые в значительной степени оказывают воздействие на поведение потребителей.

Трансформация символических образов отражает и изменения, происходящие в социальной структуре общества. Так, через них активно транслируются определенные идеи, популярные на данный момент в социуме. Например, в последнее время наиболее актуальными трендами в мире являются экологическое движение, терпимость к людям других наций, народов, рас, вероисповеданий, уважение к людям с ограниченными возможностями, их поддержка и связанный с этим инклюзивный подход, забота о животных и т.д.

Одна из важных функций символов массовой культуры – формирование идентичности современного человека. Для большинства людей популярные и раскрученные культурные образы выступают главными элементами самовыражения, инструментами демонстрации принадлежности к какой-либо социальной группировке. Так, молодые люди с помощью определенных символических атрибутов начинают ощущать себя частью какой-либо субкультуры. Они придумывают собственные уникальные образы, с помощью которых выделяются в обществе и укрепляют свою связь с какой-либо социальной группой.

В формировании современной символической системы участвует и культура потребления. Ее главный инструмент – коммерческая реклама – создает идеализированные образы, на которые потребители начинают равняться, формирует определенные стандарты жизни, поведения, служащие ориентирами и образцами подражания для людей.

Важно отметить, что массовая культура не просто создает какие-либо символические образы, но и, подобно культуре классической, формирует сакральные коды. Они представляют собой символические идеи,

концентрированно выражаемые в определенной внешней форме и приобретающие затем статус универсальных, важнейших для общества, своего рода священных атрибутов, достойных поклонения и подражания.

Сакральные коды массовой культуры – это своеобразная матричная структура, включающая в себя конкретные архетипы (первообразы). Так, например, особо популярные в обществе фильмы выходят на уровень мировой славы: «Звездные войны», «Властелин колец», «Аватар». Показательно, что в пространстве массовой культуры художественные метафоры, демонстрируемые в указанных фильмах, достаточно быстро приобретают характер сакральных символов – люди восхваляют их, поклоняются им: «образы супергероев, существующих в комиксах и кино, символизируют надежду и силу, отражая стремление к справедливости и борьбе с несправедливостью. Супергерои становятся проекцией идеалов, к которым стремится общество, а их победы и поражения резонируют с личными и коллективными переживаниями» [4].

К сакральным кодам массовой культуры можно отнести ставшие культовыми имена известных героев из книг и фильмов: Штирлиц, Гарри Поттер, Шерлок Холмс, Мата Хари; реальных музыкантов: Элвис Пресли, Боб Дилан, Виктор Цой, члены группы The Beatles и т.д. Исследователи справедливо отмечают, что повальное и зачастую огульное «увлечение внедрением архетипических смыслов свидетельствует о чрезвычайной актуальности сакральной тематики и героических образов, которые отсылают к наиболее культурноценным смыслам и символическим формам организации коллективного бытия» [5, с. 3].

Таким образом, одновременно с активным развитием массовой культуры, в мире стало распространяться и достаточно критическое отношение к пропагандируемым в ее пространстве символическим образам. Представители высокой, элитарной, классической культуры, которая, несмотря на упадок, все еще продолжает существовать и сохраняется до сих пор, пусть и в ограниченных масштабах, вполне обоснованно подвергают конструктивной критике образы и идеи, продвигаемые массовой культурой.

Художники, писатели, музыканты, композиторы и философы, относящие себя к классической традиции, справедливо критикуют символические метафоры массовой культуры за ее пустоту, коммерческую ангажированность, однобокость, отсутствие глубоких смыслов и идей, стандартизированность внешних форм выражения, короткий временной период «жизни» большинства

популярных трендов.

Однако, с символическими образами массовой культуры все обстоит не так уж однозначно. В прежние времена в классической культуре также существовали определенные каноны и стандарты, по которым создавались произведения изобразительного искусства, литературы, музыки. Стоит признать, что свои каноны и специфические стандарты существуют и сейчас, в пространстве культуры массовой. Правда, стоит признать, что ориентированы они, в основном, на экстремальные эмоции, впечатления, хайп и прибыль.

Если говорить об односторонности и плоскостности массовых образов, то здесь также возникает достаточно дискуссионная ситуация. Символы массовой культуры склонны к деконструкции привычных, классических образов. «Разбирая» привычный образ на его составляющие, деятели современной массовой культуры способны создавать что-то новое, необычное, заставляющее зрителей по-новому переосмысливать значение и контекст привычных символов.

Символы массовой культуры могут интерпретироваться и трактоваться по-разному. Так, например, образ природы может одновременно выступать как символ красоты, гармонии и изобилия мира, так и указывать на экологические проблемы и подводить потребителя к проблемам защиты окружающей среды.

Современные интеллектуалы также обеспокоены тем, что процесс глобализации, затрагивающий культуру широких масс и создающий усредненные, универсальные символы, понятные во всем мире, может в итоге привести к уничтожению культурной идентичности этносов и наций, утрате самобытных традиций и обычаев.

Таким образом, символические образы современной массовой культуры представляют собой сложный и многоаспектный феномен, изменяющийся в ответ на преобразования, происходящие в обществе. Поэтому мы можем утверждать, что массовая культура далеко не статична. Она, как в свое время и классическая культура, постоянно подвергается эволюции и трансформации, следуя за изменениями, происходящими в экономической, политической, идеологической жизни общества и в коллективном сознании социума. Стоит согласиться с идеей о том, что в «нашем понимании массовая культура представляет собой не столько как систему знаков, сколько некую среду, в

которой функционирует нечто как знак. В связи с этим следует рассматривать тексты массовой культуры не как комплексы уже устоявшихся знаков, при изучении которых исследователю необходимо обнаружить явные и скрытые значения, закрепленные за ними объективно, а как процесс семиоза, в ходе которого тот, кто воспринимает информацию, обнаруживает в некоторых объектах знаковые функции и интерпретирует их в соответствии с определенными кодами, принятыми в системе массовой культуры [6].

Массовая культура, как и любая другая культура, создает универсальные образы, непременно выходящие на уровень сакральных символов, в которых сосредотачиваются базовые духовные идеалы, культурные и нравственные ценности конкретных эпох. «Коллажность культуры, эклектическое сочетание «всего со всем» также рассматривается как новое «естественное» состояние для отдельного человека и для социума» [7, с. 16]. Сценарии подобных символов постоянно корректируются новыми поколениями. Показательно, что динамика изменений, происходящих в сакральных символических образах, как раз отражает реальные изменения общественных норм. Преобразование значений символов под воздействием духа времени демонстрирует, как социум адаптируется и трансформирует свои ценности.

Список литературы

1. Ильин А.Н. Массовая культура и субкультуры современного общества: специфика соотношения // Общественные науки и современность. – 2011. – № 4. – С.167–176.
2. Некита А.Г., Маленко С.А. Визуальная милитаризация бытия: голливудские стратегии эстетизации насилия // Индустрии впечатлений. Технологии социокультурных исследований (EISCRT). – 2024. – № 1(6). – С. 85–133. [https://doi.org/10.34680/EISCRT-2024-1\(6\)-85-133](https://doi.org/10.34680/EISCRT-2024-1(6)-85-133)
3. Антология мысли в афоризмах /сост. В.Ю. Шойхер. – М.: Вече, 2014. – 399 с.
4. Ионников С.Н. Образы и символы в массовой культуре. – URL: <https://proza.ru/2024/11/01/1475> (дата обращения: 08.10.2025).
5. Федина О.В., Маленко С.А. Сакральные элементы в символическом поле массовой культуры // Ученые записки Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого. – 2018. – № 5(17). – С. 1-3.

6. Лаптева М.Л., Жигалиева Ж. Э. Символы массовой культуры в лексико-фразеологической репрезентации // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. – 2020. – № 1(1). – С. 70-78.

7. Массовая культура: современные западные исследования. – М.: Фонд научных исследований «Прагматика культуры», 2005. – 339 с.

© Форикова Е.А., Некита А.Г.,
Маленко С.А., 2025

ИНТЕРНЕТ-МЕМЫ В СРЕДСТВАХ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

Бурнашева Маргарита Павловна

аспирант

Маленко Сергей Анатольевич

д.филос.н., проф.

Некита Андрей Григорьевич

д.филос.н., проф.

ФГБОУ ВО «Новгородский государственный
университет имени Ярослава Мудрого»

Аннотация: статья посвящена философско-культурологическому исследованию интернет-мемов в современных средствах массовой информации. Авторы ставят перед собой цель показать специфику представления интернет-мемов в рекламе, PR, маркетинге и средствах массовой информации. Комплексность, краткость и эмоциональная окраска интернет-мемов помогают средствам массовой информации быстро и точно доносить определённые идеи до целевой аудитории. Статья содержит обзор научных статей по проблематике исследования. Авторы приходят к выводу о том, что интернет-мем является уникальным феноменом и действенным инструментом массовой культуры по продвижению символов, культурных кодов и ценностей, а также по побуждению индивидов и социальных групп к трансформации социального поведения («побуждение к действию») с целью получения прибыли в денежной или же символической форме.

Ключевые слова: мем, интернет-мем, средства массовой информации, маркетинг, информационное пространство, массовая культура.

INTERNET MEMES IN THE MASS MEDIA

Burnasheva Margarita Pavlovna

Malenko Sergey Anatolyevich

Nekita Andrey Grigorievich

Abstract: The article is devoted to the philosophical and cultural research of Internet memes in modern mass media. The authors aim to show the specifics of the

presentation of Internet memes in advertising, PR, marketing and the media. The complexity, brevity and emotional coloring of Internet memes help the media to quickly and accurately convey certain ideas to the target audience. The article contains an overview of scientific articles on research issues. The authors conclude that the Internet meme is a unique phenomenon and an effective tool of mass culture to promote symbols, cultural codes and values, as well as to encourage individuals and social groups to transform social behavior ("motivation to act") in order to make a profit in monetary or symbolic form.

Key words: meme, internet-meme, mass media, marketing, information space, mass culture.

Современные средства массовой информации переживают глубокую трансформацию под влиянием цифровых технологий и изменений в коммуникативных практиках целевых аудиторий. Специалисты отмечают, что существует тенденция пресыщения информацией через глобальную сеть «Интернет», что определённым образом влияет и на характер потребления контента аудиторией. А традиционные форматы подачи информации в официальных источниках и группах все чаще уступают более эмоционально заряженным и визуально насыщенным единицам коммуникации.

Один из наиболее ярких примеров подобной коммуникации являются интернет-мемы. В данном случае мы можем рассматривать мем как полимодальную культурную единицу, органично сочетающую в себе визуальный образ, глубокий смысл и определенную общесоциальную, групповую или же корпоративную ценность. Интернет-мемы распространяются со скоростью вируса, при этом постоянно претерпевая трансформацию и ценностное значение исходя из нужной целевой аудитории, а «при развитии цифровизации выполняют роль своеобразного метаязыка интернет-пользователей» [1, с. 187].

Если говорить о восприятии пользователями информационного сообщения, то стоит отметить, что особую популярность быстро набирают статьи или очерки с так называемым «креолизированным» текстом, совмещающим в себе визуальную и вербальную составляющую. Безусловно, любой читатель, даже если он не заинтересован в поиске конкретной информации, пролистывая ленту в социальных сетях или новостную ленту на любой из медиа-платформ, в первую очередь, обращает внимание на яркий

броский заголовок или визуальный образ, нежели на огромный монотонный текст, состоящий из большого количества страниц.

Именно интернет-мемы сегодня стали наиболее яркими образцами таких креолизованных текстов, которые особенно удобны в рамках «быстрой» коммуникации в глобальной сети «Интернет». Во многом их популярность связана и с тем, что автор того, или иного мема пытается донести читателю не только информацию о каком-либо важном социальном, культурном, экономическом или политическом событии, актуальном как для конкретной социальной группы, так и для всех граждан, но и передать свои эмоции, чувства и переживания, используя шутку или иронию в процессе визуализации сути события.

Следует отметить, что зарождение идеи интернет-мема началось с момента появления книги английского этолога Ричарда Докинза «Эгоистичный ген» [2]. Однако не стоит забывать, что мем – это не только наименьшая культурная единица, но и лингво-культурный и информационный феномен, который имеет свойство трансформироваться исходя из запросов, потребностей и установок конкретного временного и социокультурного пространства.

С появлением глобальной сети «Интернет» и социальных сетей мир столкнулся с ситуацией колоссального перенасыщения информацией. При этом средства массовой информации активно используют механизмы PR и пропаганды, которые появились еще много лет назад. Показательно, что как самостоятельный инструмент пропаганды и более доступной формы передачи информационных сообщений от автора к аудитории интернет-мем активно воздействует на эмоциональную память, подспудно трансформируя восприятие и мировоззрение, заставляя современного массового человека оперировать короткими визуальными образами с минимумом текста.

Московская исследовательница С. Канашина, безусловно, права в своем утверждении о том, что интернет-мем «может рассматриваться как современный медиатекст, потому что, во-первых, он является медиапродуктом и функционирует в системе СМИ, а именно Интернета. Во-вторых, интернет-мем – массово ориентированное текстовое произведение, т.е. адресован большому количеству людей» [3, с. 108].

Характерно, что сегодня интернет-мемы проникли уже не только в сферу PR, но и в рекламу, и на телевидение. Например, можно вспомнить российскую рекламу от МТС «Зима близко» с прямой ссылкой к сериалу «Игра престолов», а компания «Мегафон» сняла всеми любимую рекламу с

актёром Стивеном Сигалом. Отметим, что этот персонаж сам по себе является популярным и узнаваемым у российского зрителя [6]. Часто происходит и наоборот: яркие и вирусные рекламные ролики, интригующие новостные сюжеты также быстро «растаскиваются» на смешные образы в интернет-мемах.

По справедливому указанию исследователей из Воронежа М. Черникова, Л. Первозчиковой и Е. Авдеенко в современном медиапространстве абсолютную доминирующую роль занимают так называемые «простые мемы», ориентированные на трансляцию в основном развлекательных сообщений в основных медиаформатах. Ученые указывают, что впервые «простые» мемы подверг аналитическому рассмотрению американский эксперт в сфере медиа Д. Рашкофф. Он акцентировал функциональное сходство – в частности, скорость и незаметность распространения – «простых» мемов и вирусов, одинаково заражающих (вплоть до «эпидемий») большие массы людей, что позволило исследователю ввести термин «медиавирус» [4, с. 30].

Безусловно, интернет-мемы как медиа-вирусы распространяются с неимоверной скоростью, активно поглощая всё информационное пространство вокруг. Важно, что у каждого такого мема есть своя целевая аудитория, есть смысл и культурный код, заложенный внутри авторского послания, который может быть как общеизвестным, так и анонимным. Любое событие на мировой арене уже самим фактом своего существования предполагает создание интернет-мемов средствами массовой информации с целью их последующего использования в коммуникационных практиках.

В контексте наших рассуждений очень важно, что интернет-мемы имеют знаковую природу и схожесть с симулякрами (как их понимал французский философ Ж. Бодрийяр), так как, и те, и те другие могут «перевернуть» или подменить реальность. В данном случае, действительно, важен уже не столько сам факт и достоверная информация, сколько «симулятивная» реакция аудитории на полученное сообщение.

С. Шомова отмечает, что современный «интернет-мем, представляет сегодня область особого интереса специалистов в области политических и коммуникативных наук, занимающихся влиянием цифровизации повседневных практик на установки и поведение людей» [5, с. 254].

При этом также важна и финансовая составляющая интернет-мема. Любая политическая партия, любой бренд или компания платят большие деньги средствам массовой информации, маркетологам, SMM-специалистам за «правильно» сформированный интернет-мем, который повлияет не только на

мировосприятие и мироощущение заказчика в глазах потребителя, но и сможет побудить к конкретному действию.

Кроме всего прочего в пространстве современных СМИ появилось понятие «новостные интернет-мемы», понимаемые исследователями как «совокупность коротких статических или динамических сочетаний изображений и фраз, создаваемых посредством компьютерных технологий и активно распространяемых в социальных сетях и мессенджерах для выражения оценочного отношения к актуальным событиям в различных сферах общественной жизни» [6]. Наконец, средства массовой информации практически повсеместно используют интернет-мемы и для продвижения собственных товаров и услуг [7].

Мы можем сделать промежуточный вывод о том, что «мем» и его виды органично и надолго «влились» в пространство массовой культуры и средства массовой информации. На наш взгляд, интернет-мемы остаются на пике популярности потому, что современная молодёжь уже не может представить свою жизнь без гаджетов, социальных сетей и в целом глобальной сети «Интернет». Каждое новое поколение всё больше и больше погружается в это виртуальное информационное пространство и цифровую среду. А раз так, то без трендовых, удобных и интересных форматов коммуникации, быстро и эффективно транслирующих информацию от продавца к потребителю и обратно уже никак не обойтись.

Кроме того, в силу ёмкости, сжатости, эмоциональной насыщенности и визуальной выразительности, интернет-мемы могут гораздо быстрее и точнее передавать информационные сообщения от индивида к индивиду, от индивида к социальной группе, от социальной группы к социальной группе. Очень важно, подчеркнуть, что от формата использования указанного феномена на практике – миссия, цель и задача – напрямую зависит и весь его социокультурный эффект (позитивный или негативный).

Уже упоминавшиеся нами выше коллеги из Воронежа акцентируют внимание на том важном факте, что в настоящее время «всё пространство культуры представляет собой непрерывно ведущуюся конкурентную борьбу как простейших мемов, так и их устойчивых комбинаций (сложноорганизованных мемов)» [8, с. 26].

Наш предварительный обзор показал, что сегодня современное информационное общество практически повсеместно использует интернет-мемы во всех сферах жизни: политика, экономика, культура, маркетинг, PR и

реклама, а также средства массовой информации. Различные источники непрерывно черпают друг у друга информацию для создания и распространения интернет-мемов, на фоне чего активно разворачивается медийная конкуренция, свидетелями которой мы становимся практически ежедневно.

Список литературы

1. Шаповалова Е. В. С юмором о транспорте и диких кабанах: как интернет-мемы отражают локальную культурную идентичность городов России //Индустрии впечатлений. Технологии социокультурных исследований (EISCRT). – 2025. – №2 (11). – С.180-211. [https://doi.org/10.34680/EISCRT-2025-2\(11\)-180-211](https://doi.org/10.34680/EISCRT-2025-2(11)-180-211).
2. Докинз Р. Эгоистичный ген. М.: Corpus (АСТ). – 2013. – 277 с.
3. Канашина С. В. Интернет-мем как медиатекст // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. – 2019. – Т. 19. – вып. 1. – С. 107–112.
4. Черников М.В., Перевозчикова Л.С., Авдеенко Е.В. Мем-манипуляция как инструмент информационных войн // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Обществ. науки. – 2023. – № 3. – С. 25–37.
5. Шомова С. А. «Война мемов»: новые повороты информационного противостояния //Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2019. – № 5. – С. 250-269.
6. Иванов Д. Ведь мы этого достойны. Как мемы помогают нам вступать в коммуникацию друг с другом // N + 1: интернет-издание. – URL: <https://nplus1.ru/material/2018/01/12/mems-and-communication> (дата обращения: 27.10.2025).
7. Бубнов А.Ю. Интернет-мемы в информационных войнах: от развлечения к когнитивному оружию //История РФ: сайт. – URL: <https://history.ru/magazine/article/internet-memy-v-informacionnyh-voynah-ot-razvlecheniya-k-kognitivnomu-oruzhiyu> (дата обращения: 28.10.2025).
8. Черников М. В., Перевозчикова Л. С., Авдеенко Е. В. Мем-манипуляция как инструмент информационных войн //Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Обществ. науки. – 2023. – № 3. – С. 25–37.

© Бурнашева М.П., Маленко С.А., Некита А.Г., 2025

ШАХМАТЫ И МЕМЫ: ИГРОВЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ ЭЛИТАРНОЙ И МАССОВОЙ КУЛЬТУРЫ

Бурнашева Маргарита Павловна

аспирант

Маленко Сергей Анатольевич

д.филос.н., проф.

Некита Андрей Григорьевич

д.филос.н., проф.

ФГБОУ ВО «Новгородский государственный
университет имени Ярослава Мудрого»

Аннотация: статья посвящена исследованию интернет-мемов и шахматной игры. Авторы статьи ставят перед собой цель сопоставить шахматы и интернет-мемы и доказать, что оба феномена представляют собой различные игровые сценарии в рамках классической конкуренции элитарной и массовой культуры. Причём оба феномена также имеют правила и могут размывать границы сознания, трансформируя индивидуальное и массовое сознание. Определенная специфика может интерпретироваться не только в прямом смысле, поражая игроков здесь и сейчас, но и умышленно через метафоричные формы в качестве вируса. В статье проведен краткий анализ литературы на тему игры и её сущности, а также приведены примеры интернет-мемов на шахматную тему. Исследование показало, что элитарная культура шахматной игры перерастает в массовую культуру благодаря интернет-мемам, искусственно или специально созданным с конкретными целями и под конкретных потребителей. Авторы приходят к выводу о том, что в настоящее время, индивид не сможет быстро и чётко отличить игру от реальности, попав в ловушку интернет-вирусов таких как интернет-мемы. Сегодня игра преследует нас повсюду, оставляя отражение не только в нашем сердце, через вызванные эмоции, но и отпечатки в нашем сознании. Благодаря исследованию необходимо переосмыслить и пересмотреть шахматную игру и её влияние на социокультурную коммуникацию, а также психологию поведения человека.

Ключевые слова: мем, интернет-мем, игра, шахматы, маркетинг, элитарная, массовая культура.

CHESS AND MEMES: GAME ELEMENTS OF ELITE AND POPULAR CULTURE

Burnasheva Margarita Pavlovna
Malenko Sergey Anatolyevich
Nekita Andrey Grigorievich

Abstract: the article is devoted to the study of Internet memes and chess. The authors aim to compare chess and Internet memes and prove that both phenomena represent different game scenarios within the classical competition between elite and mass culture. Moreover, both phenomena have rules and can blur the boundaries of consciousness, transforming individual and mass consciousness. The specific features can be interpreted not only in a literal sense, affecting players in the present moment, but also intentionally through metaphorical forms as a virus. The article provides a brief analysis of the literature on the game and its essence, as well as examples of internet memes on the topic of chess. The study shows that the elite culture of chess is becoming a mass culture due to internet memes that are artificially or purposefully created for specific purposes and consumers. The authors conclude that individuals are currently unable to quickly and accurately distinguish between the game and reality, as they are trapped by internet viruses such as internet memes. Today, the game haunts us everywhere, leaving a reflection not only in our hearts through the emotions it evokes, but also a scar in our minds. Through research, it is necessary to rethink and reconsider the game of chess and its impact on sociocultural communication, as well as the psychology of human behavior.

Key words: meme, internet-meme, game, chess, marketing, elite culture, mass culture.

В настоящее время шахматы и мемы являются популярными элементами многовековой конкуренции элитарной и массовой культуры, всякий раз приобретающей тот, или иной вид исходя из конкретной ситуации, времени, эпохи или состояния наличного социокультурного пространства. Также отметим, что оба феномена являются неотъемлемыми элементами игровой культуры, несомненно, влияющей на сознание индивидов и социальную реальность. Так, шахматы развивают логическое, стратегическое, креативное, критическое и творческое мышление, в тоже время и мемы как

наименьшая культурная единица также достаточно серьезно влияют как на индивидуальное, так и на коллективное или массовое сознание [1].

Шахматы как великая древняя игра, появившаяся ещё в V веке в Индии, сегодня имеют вес и популярность не только в своей, собственно, игровой форме, но и в качестве некоторой значимой и достаточно символичной метафоры на геополитической арене. Например, всемирно известный Збигнев Бжезинский бывший советник по национальной безопасности американского президента Дж. Картера в годы «холодной войны», консультант Центра стратегических и международных исследований знаменит, кроме всего прочего и тем, что анализировал геополитическую ситуацию тех времён, интерпретируя всё происходящее как шахматную игру. Основная идеологическая линия его книги «Великая шахматная доска: господство Америки и её геостратегические императивы» – безусловный приоритет на удержание Соединёнными штатами Америки (далее – США) своего экономического, политического, культурного превосходства для удержания контроля над странами Евразии. При этом, З. Бжезинский сравнивает Евразию с «великой шахматной доской», за превосходство в которой и связанные с этим геополитические преимущества идёт борьба США. Главная цель – не допустить, чтобы появился сильный соперник. Также и в шахматной игре, соперники борются за преимущества, нападая на слабости друг друга и контролируя ключевые линии и поля [2, с. 6].

З. Бжезинский утверждает, что основными «фигурами на этой "великой шахматной доске" выступают евразийские государства. Однако среди этих фигур активными (то есть белыми?) оказываются Франция, Германия, Россия, Китай и Индия, а, например, Великобритания и Япония не попадают в эту группу. "Активные", ..., – это те страны, которые имеют собственную геостратегию, и их интересы могут столкнуться с интересами США» [2, с. 9]. Если вспомнить из истории, то очень часто таким «неугомонным» государством, со своими амбициозными планами выступала Россия, которая «вестернизированные ценностные матрицы» [3, с. 259] всегда была готова опровергнуть многовековым опытом воплощения собственных традиционных, духовно-нравственных ценностей.

Однако, вернёмся к тому, что шахматы – это все-таки игра. Но что же такое игра? Существует бесчисленное множество игр, но примечательно, что в сознании любого индивида, социальной группы или общества, игра, практически всегда, ассоциируется с чувством риска и умелости, а также с

отдыхом и развлечением. По мнению французского антрополога, социолога и эссеиста Кайуа Роже игра является легкомысленной, так как не несёт никакого вреда для жизни, и не имеет стеснения для любого игрока [4, с. 7]. «Словом jeu [«игра»] французы называют карточную колоду, то есть набор карт, или же набор шахматных фигур, необходимых для игры в шахматы» [4, с. 9]. То есть, уже первоначальная интерпретация игры направлена на определённый материальный продукт, с помощью символического потенциала которого можно отвлечься от реальности и погрузиться в некоторый воображаемый, виртуальный мир, став каким-либо игроком или даже персонажем, примерив на себя другой архетипичный образ.

Однако игрой также можно назвать особенное виртуозное исполнение музыканта, артиста или актёра, с определёнными характеристиками, качественно отличающими его игру от других. Следует отметить, что любая игра имеет свои границы (правила) и определённые особенности, например, оригинальный ход игрока. Если мы говорим о шахматной игре, то в ней есть веками формировавшиеся правила хода – первые всегда ходят «белые». Соответственно, игра – это многогранный символический феномен, который может «работать» одновременно и по заранее оговоренным правилам, и, в тоже время, уже в процессе самого действия, размывая границы. Говоря о политике, экономике, социальных отношениях, культуре и даже войнах, игра выступает в качестве универсального регулятора, «контролёра» взаимоотношений и коммуникации сторон, «играющих» в эту жизнь.

«В эпоху так называемых куртуазных войн условной была даже стратегия. Марши и контрмарши расчислялись и выстраивались подобно шахматным комбинациям, и иные теоретики даже считали, что для победы нет необходимости в сражениях. Такие войны очевидно сродни своеобразной игре – игре смертельной, разрушительной, но идущей по правилам» [4, с. 16]. Не зря, существует множество исторических легенд и мифов о том, что шахматы своим величием и сакральным авторитетом могли определять ход взаимоотношений (например, войн) между государствами. В каких-то легендах короли, императоры и князи в действительности играли шахматную партию, чтобы поделить территории, а в каких-то преданиях шахматные комбинации и стратегии помогали выигрывать на полях реальных сражений.

Безусловно, «игра единосущна культуре, чьи сложнейшие и значительнейшие проявления тесно сплетены с игровыми структурами – или же просто представляют собой игровые структуры, принимаемые всерьёз,

возведенные в институты, в законы, ставшие императивными, принудительными, непреложными структурами, то есть правилами социальной игры, нормами такой игры, которая уже не есть игра» [4, с. 107]. Р. Кайуа утверждает, что любая социальная структура или институт схожа с игрой, поскольку существует на её принципах и должна придерживаться равновесия с целью осуществлению своей деятельности. Любые принципы игры, как и существования структуры, института, социальной группы, культуры, или же всего государства существуют во благо или же во зло. Однако во всех случаях работают одни и те же движущие силы или мотивация, а именно:

«• потребность в самоутверждении, желание показать себя самым лучшим;

- любовь к соперничеству, к рекордам или просто к преодолению трудностей;
- ожидание милостей судьбы или погоня за ними;
- удовольствие от тайны, притворства, переоблачения;
- удовольствие испытывать страх или внушать его другим;
- стремление к повтору, к симметрии или же, напротив, радость импровизировать, выдумывать, бесконечно варьировать решения;
- радость от выяснения тайн, разгадывания загадок;
- удовлетворение, доставляемое любым комбинаторным искусством;
- желание испытать себя, соревнуясь в силе, ловкости, скорости, выносливости, устойчивости, изобретательности; разработка правил и кодексов, обязанность соблюдать их, соблазн их обойти;
- наконец, опьянение и упоение, стремление к экстазу, желание пережить сладостную панику» [4, с. 109].

По мнению известного американского психолога и психиатра Эрика Бёрна: «Игрой мы называем серию последовательных дополняющих скрытых транзакций, приводящих к четко определенному предсказуемому исходу» [5, с. 59]. Исследователь справедливо отмечает, что игра отличается от развлечения, процедуры и ритуала тем, что у игры всегда есть скрытая мотивация и она предполагает какой-то выигрыш. Хотя если мы говорим о неких предметных играх, например, о шахматах, то выигрыш далеко не всегда присутствует, так как в шахматной игре существует понятие «ничья», что предполагает компромисс между двумя сторонами конфликтной ситуации.

Мем схож с игрой и тем, что способен существовать по определённым правилам, опираясь на суть конкретной эпохи, традиции, ценности, культурные коды и символы, а также на социокультурное пространство и целевую

аудиторию, на которую он направлен. Помимо этого, сам процесс конструирования и деконструкции может подразумевать под собой игровой концепт. Следует также упомянуть и игровую концепцию культуры голландского культуролога Й. Хейзинги. По его мнению, игра – это «действие, протекающее в определенных рамках места, времени и смысла, в обозримом порядке, по добровольно принятым правилам и вне сферы материальной пользы или необходимости. Настроения игры есть отрешенность и воодушевление священное или просто праздничное, смотря по тому, является ли игра посвящением или забавой. Само действие сопровождается чувствами подъема и напряжения и несет с собой радость и разрядку» [6, с. 41]. Следовательно, мы можем утверждать, что «мем» также является игрой, причём, одновременно как элитарной, так и массовой культуры, поскольку изначально «мем» понимался как наименьшая культурная единица, а сейчас, в цифровую эпоху, мемы и сами распространяются со скоростью вируса [7], поглощая и захватывая на своём пути сотни и тысячи людей.

Разнообразие интернет-мемов о шахматах, как о хитрой и интеллектуальной борьбе с соперником, а, заодно, и с самим собой, огромное количество. Причём, интернет-мемы о шахматах, по нашему мнению, также можно разделить на некоторые подгруппы: о правилах, о политике, о национальной или этнической принадлежности, об истории и т.д. [8]

Таким образом, следует сделать промежуточный вывод о том, что шахматы, как и интернет-мемы, несмотря на кажущуюся разнородность, выполняют сходные социокультурные функции, выступая одновременно и в качестве игр, и в качестве оригинальных медиаторов между элитарной и массовой культурой. Шахматы, традиционно относимые к сфере культуры элитарной, благодаря истории своего возникновения и солидным, отраженным в многочисленных памятниках мировой культуры, традициям, сохраняют свой высокий интеллектуальный статус. Но, благодаря цифровизации и активной популяризации в медиа-пространстве, шахматы всё активнее проникают в массовую культуру: как самостоятельная игра и мощный обучающий, развивающий элемент, так и посредством созданных интернет-мемов на шахматную тематику. Интернет-мемы, напротив, изначально зарождаются в пространстве массовой культуры, но при их грамотном и умелом использовании способны обрести глубину и смысловую многослойность, местами даже приближаясь к формам элитарного творчества.

При этом оба феномена оказывают существенное влияние на трансформацию массового сознания, формируя новые способы коммуникации и придавая необычные, ранее никогда не существовавшие конфигурации смысловой нагрузки в рамках какого-либо визуального сообщения. Также, шахматы и мемы, как игровые дискурсы создают и поддерживают единение и приверженность индивидов ценностям и идеалам конкретных социальных групп. И, как мы уже упоминали в начале нашей статьи, развивают эмоциональное, критическое, ассоциативное, творческое, креативное, логическое и стратегическое мышление, поскольку формируют столь необходимые в современном мире навыки выбора и просчёта последствий, прививают чувство ответственности за свои чувства, мысли и действия. Ввиду этого, авторы являются категорическими приверженцами идеи повсеместного включения игровых практик, присущим шахматам и мемам, в современную образовательную деятельность.

Список литературы

1. Докинз Р. Эгоистичный ген. М.: Corpus (АСТ), 2013. – 277 с.
2. Бжезинский З. Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы. – М.: Междунар. отношения. – 1999. – 256 с.
3. Некита А. Г., Маленко С. А. «Коктейльный» Чебурашка: медийные технологии создания и продвижения образа в российском массовом кинематографе. Индустрии впечатлений. Технологии социокультурных исследований (EISCRT). – 2024. – №3(8). – С.238-275. [https://doi.org/10.34680/EISCRT-2024-3\(8\)-238-275](https://doi.org/10.34680/EISCRT-2024-3(8)-238-275)
4. Кайуа Р. Игры и люди /пер. с франц. С. Зенкина. – М: АСТ, – 2022. – 288 с.
5. Берн Э.Л. Игры, в которые играют люди. Люди, которые играют в игры. – М.: Эксмо, 2014. – 860 с.
6. Хейзинга Й. Homo Ludens / Человек играющий: ст. по истории культуры / пер. с ни-дерланд. и сост. Д. В. Сильвестрова. – М.: Айрис-пресс, 2003. – 496 с.

7. Броуди Р. Психические вирусы. Как программируют ваше сознание. – М.: Поколение, 2007. – 304 с. – URL: http://www.uhlib.ru/psihologija/psihicheskie_virusy/p3.php (дата обращения: 01.10.2025).

8. Juza M. Internet memes – creation, distribution, social meaning // Studia Medioznawcze (Media Studies). – 2013. – № 4 (55). – P. 49-62.

© Бурнашева М.П., Маленко С.А., Некита А.Г., 2025

**СЕКЦИЯ
ИСТОРИЧЕСКИЕ
НАУКИ**

THE TRANSCAUCASUS AS AN IMPERIAL STRATEGIC UNIT: DYNAMICS OF ADMINISTRATION

Badalyan Irina Vrezh

PhD Candidate at the Chair of History
of Neighboring Countries of Armenia
Yerevan State University

Scientific adviser: **Zohrabyan Eduard Lendrush**

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor
Yerevan State University, Faculty of History,
Chair of History of Neighboring Countries of Armenia

Abstract: This article explores the Russian Empire's administrative policy in the South Caucasus in the early 19th century, highlighting its strategic role as a "buffer zone." It examines 1840s reforms, the Caucasian Committee, Vorontsov's role, and local governance changes, showing how imperial power was centralized while incorporating regional specificities.

Key words: transcaucasia, administrative policy, caucasus committee, viceroyalty, governorship, Vorontsov, territorial division.

ЗАКАВКАЗЬЕ КАК ИМПЕРСКОЕ СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПОДРАЗДЕЛЕНИЕ: ДИНАМИКА УПРАВЛЕНИЯ

Бадалян Ирина Врежовна

аспирант кафедры истории
сопредельных с Арменией стран

Ереванский государственный университет

Научный руководитель: **Зограбян Едуард Лендрушович**

канд. истор. наук, доцент факультета истории

Кафедра истории сопредельных с Арменией стран

Ереванский государственный университет

Аннотация: Статья рассматривает административную политику Российской империи на Южном Кавказе в первой половине XIX века, подчеркивая его стратегическую роль как «буферной зоны». Анализируются

реформы 1840-х, Кавказский комитет, роль Воронцова и изменения местного управления, демонстрируя централизацию имперской власти с учетом региональных особенностей.

Ключевые слова: Южный Кавказ, административная политика, Кавказский комитет, наместничество, вице-королевство, Воронцов, территориальное деление.

In the first decade of the 19th century, the Russian Empire gradually established its authority in the Caucasus through military successes. As a result of the Russo-Persian (1804–1813, 1826–1828) and Russo-Turkish (1806–1812, 1828–1829) wars, the Transcaucasus was incorporated into the Empire. This process required a new administrative structure capable of governing a multi-ethnic, multi-confessional, and socially complex region. In this context, Tiflis occupied a special position due to its geographical location, diverse population, and administrative significance.

For years, the initial meaning of Russia's Caucasian policy was determined by its military-strategic position. Since the end of the 15th century, the southern and southeastern borders of the Russian state had consisted of vast steppe territories along which numerous nomadic peoples constantly moved, bringing death and destruction to Russian towns and villages.

This was the reason why the Caucasus was initially perceived in Russian leadership plans as a “buffer zone,” whose stability and security were crucial for the security of Russia itself. It is evident that this factor was the dominant determinant of Russia's Caucasian policy [1, p. 5]. At the beginning of the 19th century, the political and military activities of the Russian Empire gained new momentum in the Caucasus-Caspian region. Bordering Persia to the east and the Ottoman Empire to the south, it became a key stronghold for the expansion of Russian influence and the consolidation of imperial policy.

One of the principal objectives of Alexander I's foreign policy was to complete the program initiated by Peter I and continued by Catherine II, thereby securing Russia's full hegemony in the Caucasus. Consequently, the establishment of military supremacy in the region became a prerequisite for ensuring administrative stability. The Empire faced a new challenge: to create a governance system capable of effectively controlling this strategically significant territory. Within this context, administrative reforms in the Caucasus commenced in the 1840s.

The difficult military-political situation that emerged in the Caucasus, precipitated by the Caucasian War, necessitated measures aimed at reforming the

governance system by concentrating both military and civil authority in a single hand. Nicholas I recognized the need for certain administrative changes to secure the loyalty of the local population to Russian authorities.

In 1840, Emperor Nicholas I established a temporary supreme administrative body, the Caucasian Committee, to govern the Caucasus and oversee its administration. The Committee became the highest executive and legislative authority in the region. In the same year, the "Institution for the Administration of the Caucasian Region" was enacted, which established the main administration of the Caucasian Region and, according to this document, divided the region into the Georgian-Imeretian Province and the Caspian Province [2, p. 105]. Thus, the general imperial principle of governance was extended to the Caucasus, which adversely affected Russian administration, as many laws proved practically inapplicable in the region.

The shortcomings that had emerged were addressed only in 1845 with the establishment of the Viceroyalty of the Caucasus. It was decided to centralize the senior Caucasian administration, previously based in Saint Petersburg, within the framework of the Caucasian Committee [3, p. 97]. The Committee was established as a permanent institution, with its declared primary objective being the creation of a special administrative system in the Caucasus and the “establishment of stable civil welfare” [4, p. 263]. In parallel with the Caucasian Committee, the Viceroyalty of the Caucasus was also created. Through the establishment of supreme territorial and local administrative institutions, various districts of Transcaucasia and the Caucasus were geopolitically delineated with new administrative boundaries, thereby forming a unified regional structure.

The appointment of Count Vorontsov as Viceroy by Nicholas I was motivated by the Emperor's need not only for a high-ranking administrator capable of unifying military and civil authority in the Caucasus but also for a trusted individual on whom he could personally rely. Ministers and chief administrators, who became the Viceroy's principal adversaries, were compelled to take his authority into account.

Various imperial institutions were tasked with developing and implementing effective policies in the peripheries. For certain regions, special institutions were established, separate from the national supreme bodies - the State Council and the Council of Ministers - imparting a distinctive character to the administration of these territories at both the local and central levels [4, p. 253].

Between 1845 and 1854, the main powers of the Viceroy of the Caucasus were defined and consolidated, and for the Caucasian Committee, this decade became a

period of peak activity and practical significance. Vorontsov resolutely and consistently defended the prerogatives of the Viceroy. He sought to prevent interference in Caucasian affairs by the ministers based in Saint Petersburg. The Viceroy did not recognize ministerial oversight, even when it was sanctioned by the Emperor. By decisively repelling bureaucratic and hierarchical encroachments by the ministers, the Viceroy left them with only one means of influence and control over his activities—the Caucasian Committee. At the same time, participation in the Committee's work imposed an additional burden on the ministers.

When making important decisions, Vorontsov would often wryly add, "...it is also fortunate that I am not obliged to consult Saint Petersburg about this" [5, p. 388]. Military authority was now vested in the Viceroy, the Minister of War, and the Emperor. The institution of the Viceroy was definitively established in 1846. On January 6, the "Regulations on the Relations of the Caucasian Viceroy" were enacted, delineating the functions of the Caucasian Committee and the Viceroy. In the realm of civil administration, Vorontsov was granted the authority to exercise oversight as the (chief) prosecutor over all official and unofficial institutions and personnel under the Viceroy's jurisdiction. The Viceroy was also responsible for engineering and communications districts, construction commissions, and committees. The Caucasian Viceroyalty was removed from the general Russian administrative system, rendering the region more autonomous in economic and administrative affairs. The positive effect was further reinforced by the longstanding amicable relationship between the Viceroy and the President of the Caucasian Committee, which facilitated their effective collaboration [2, p. 108-109].

Until 1845, all criminal and civil proceedings in the Caucasus were subject to all-Russian legal norms. The only exception was the preservation of Sharia courts for Muslims. Vorontsov decided to adapt the administration of the Caucasus to local conditions. This challenge was further compounded by the vastness of the Caspian Sea region and the Georgian-Imeretian province. To improve governance in the Transcaucasian region, the Viceroy implemented a new administrative-territorial division of the Caucasian Viceroyalty, with maximal subdivision. Initially, Vorontsov divided the region into four provinces. On December 14, 1846, the "Regulations on the Division of the Caucasian Viceroyalty" were enacted, comprising the provinces of Tiflis, Kutaisi, Derbent, and Shamakhi. In 1849, a fifth province, Yerevan, was established. The new administrative division also enabled the population to better connect with provincial authorities, as it reduced the need to traverse long distances. This reform facilitated interethnic coordination by allowing the various peoples of the

Caucasus (Armenians, , Georgians, Muslims, Dagestanis) to be represented at the provincial rather than district level (Armenians in Yerevan, Georgians in Tiflis, Georgian-Imeretians in Kutaisi, Dagestanis in Dagestan, and Muslims in Shamakhi) [2, p. 109]. In 1847, the Guria region, Samegrelo, and the princely Svaneti were removed from the jurisdiction of the Black Sea coastal administration and incorporated into the Kutaisi provincial administration. This improved governance, as the provincial capital (Kutaisi) was significantly closer to the populations of Samegrelo, Svaneti, and Guria than the Black Sea coastal administration had been [2, p. 110].

The administrative reforms implemented by Vorontsov in the governance of the Transcaucasus were also influenced by the threat of war from Turkey. The situation in the region was further exacerbated by the Caucasian War and repeated attempts by the Murids to relocate military operations to the Shamakhi province in order to incite anti-Russian Muslim uprisings. As a result, civil administration in the Transcaucasian Viceroyalty ceased to be identical to the governance system in the rest of Russia.

Vorontsov facilitated the introduction of military governors with broad powers in the region, granting them decisive authority over all aspects of both military and civil administration [2, p. 111]. The territorial-administrative system of the Caucasian Viceroyalty was founded on a strict principle of centralization. A military administration was also established in the Tiflis Governorate, which included the Jarbelokhani District and the Elisli Sultanate, predominantly inhabited by Lezgins. These territorial units were consolidated into a single military district. The districts of Kutaisi and Yerevan were headed by district governors vested with police powers over criminal and civil matters. The district head combined judicial and police authority. Other local governmental bodies remained largely unchanged, including governorates, courts and tribunals, offices of public welfare, and prosecutor's offices. In the governorates of Kutaisi, Derbend, and Yerevan, district courts and civil and criminal tribunals were replaced by provincial courts, which examined all cases beyond the jurisdiction of the police authorities.

The estates of the treasury and state chambers were abolished, and their functions were transferred to the provincial administrations [2, p. 111]. This administrative structure facilitated the centralization of authority, which was of vital importance in the context of the Caucasian War. Vorontsov also reformed the judicial system of the Transcaucasian region by introducing courts that rendered decisions based on the customary law of the mountaineers. The Viceroy was aware of the

shortcomings of the Russian legal framework and opposed the rapid Russification of the regions populated by Muslims, which lacked a developed civic consciousness.

At the same time, the decisions of the courts operating based on adat were accepted by the local population and relieved the state judicial system and the police of responsibility for a significant number of cases, which would have otherwise required considerable time and resources for investigation and trial, the involvement of officials, and the presentation of accused persons and witnesses, among other procedures [2, p. 113].

Another aspect of the Viceroy's judicial work in the Caucasus was the implementation of all-Russian legal norms. Although Vorontsov sought to adapt Russian legislation to local conditions, he simultaneously extended the applicability of numerous Russian laws to the Transcaucasian region. To this end, the Viceroy aimed to make the laws understandable and practicable for the native Caucasian population. Vorontsov endeavored to overcome the legal illiteracy of the local inhabitants.

Since 1845, in order to disseminate government decisions, it was decided to publish laws in public places and squares throughout the Transcaucasian region in Armenian, Georgian, and Turkic languages. Local populations began receiving instructions in Georgian and Russian regarding deadlines and procedures for judicial processes, enabling them to defend their legal rights in court. On January 1, 1854, the Tiflis Commercial Court was opened, where cases were adjudicated efficiently in Persian, Armenian, and Georgian. Gradually, numerous Russian laws came into effect in the Transcaucasus, which were both feasible and necessary to implement [2, p. 115]. An important measure was the introduction of the institution of noble assemblies by Vorontsov, which were organized under his administration in the Tiflis and Kutaisi provinces. These assemblies became an integral part of the administrative structure of the Viceroy [2, p. 116].

Thus, the outcome of Vorontsov's administrative activities was that executive authority in the Caucasus became predominantly military, with the institution of military governors endowed with broad powers being introduced. The reforms implemented by the Viceroy in the administrative system and courts of the Caucasus consolidated executive and judicial authority. The Caucasian judicial system incorporated highland customary law as the legislative basis for decisions in both criminal and civil cases. Several provincial councils were stripped of a significant portion of their powers, which were transferred to the Viceroy and the governors.

References

1. Bocharnikov, I. The Caucasian Policy of Russia in the 10th–20th Centuries. – Moscow, 2013. – 256 p.
2. Munayev, V. The Activities of M. S. Vorontsov in the Caucasus in 1844–1854. – 15 p. – URL: <https://www.reenactor.ru/ARH/PDF/Mynyaev.pdf> (accessed: 10.10.2025).
3. Urushadze, A. The Caucasian Committee and the Caucasian Viceroy: Formation and Features of Relations in 1845–1854. // Bulletin of the Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. – Vol. 7, No. 4, 2011. – pp. 96–100.
4. Remnev, A. The Autocratic Government: The Committee of Ministers in the System of Higher Administration of the Russian Empire (Second Half of the 19th – Early 20th Century). Higher Territorial Committees of the 1850s – Early 1880s. – Moscow, 2010. – 512 p.
5. Kharitonov, A. Memoirs. Russkaya Starina, No. 5, 1894. – 792 p.

© Badalyan I.V.

**СЕКЦИЯ
ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
НАУКИ**

УДК 334

ДИНАМИКА ОСНОВНЫХ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ РАЗВИТИЯ РСО-АЛАНИЯ ЗА 2020-2025 ГГ.

Рахимова Равида Рамазановна

студент

Научный руководитель: **Макоева Фатима Афсатиевна**

ассистент

ФГБОУ ВО «Северо-Осетинский государственный
университет имени Коста Левановича Хетагурова»

Аннотация: Экономика регионов Российской Федерации претерпевает значительные трансформации, охватывая широкий спектр хозяйственных процессов. В условиях глобализации и усиливающейся конкуренции на международной арене, развитие и обеспечение экономической самодостаточности субъектов федерации становятся стратегическими приоритетами государственной политики. Уникальные природные ресурсы, экономический потенциал и человеческий капитал регионов признаются важнейшими детерминантами устойчивого экономического роста страны. В данной статье представлен анализ понятия социально-экономического развития Республики Северная Осетия-Алания и значение показателей социально-экономического развития региона для развития территории.

Ключевые слова: социально-экономическое развитие, регион, экономические показатели, ВРП, производство.

DYNAMICS OF THE MAIN SOCIO-ECONOMIC INDICATORS OF THE DEVELOPMENT OF THE REPUBLIC OF NORTH OSSETIA-ALANIA IN 2024-2025

Rakhimova Ravida Ramazanovna

Scientific adviser: **Makoeva Fatima Afsatievna**

Abstract: The economy of the regions of the Russian Federation is undergoing significant transformations, encompassing a wide range of economic processes. In the context of globalization and increasing competition in the international arena, the development and ensuring of economic self-sufficiency of the constituent entities of

the federation have become strategic priorities of state policy. The unique natural resources, economic potential, and human capital of the regions are recognized as the most important determinants of sustainable economic growth in the country. This article provides an analysis of the concept of socio-economic development of the Republic of North Ossetia-Alania and the significance of indicators of socio-economic development of the region for the development of the territory.

Key words: socio-economic development, region, economic indicators, GRP, production.

Главная цель современного государства — эффективная социальная политика, которая является ключевым направлением деятельности и центральным приоритетом в развитых странах. Оценка эффективности правительства во многом зависит от развития социальной сферы. Социальная политика направлена на удовлетворение потребностей всех членов общества в соответствии с социальными ценностями, где центральным элементом всегда остается человек.

В России наблюдается значительная социально-экономическая дифференциация регионов, что требует равномерного развития социальной инфраструктуры. Каждая территория самостоятельно определяет цели и задачи, выбирает наиболее важные условия социально-экономического развития, учитывая свои особенности [1].

В рамках анализа и мониторинга социальной политики необходимо учитывать как региональные особенности, так и общенациональные цели. Основной задачей является обеспечение устойчивого социального прогресса и повышение качества жизни населения на всей территории страны.

Социально-экономические показатели играют ключевую роль в выявлении диспропорций в уровне жизни между регионами. Их анализ позволяет определить приоритетные направления социальной политики, оценить требуемые ресурсы и спрогнозировать социальное благополучие населения. Эти данные также способствуют разработке целевых мер поддержки различных социальных групп, прогнозированию спроса на товары длительного пользования и оценке платёжеспособности граждан, что, в свою очередь, позволяет формировать стратегии поддержки предприятий и организаций, занимающихся производством таких товаров.

Таким образом, комплексный анализ социально-экономических показателей является необходимым элементом для разработки эффективной

социальной политики, направленной на достижение устойчивого социального прогресса и улучшение качества жизни населения.

Рассмотрим динамику социально-экономических показателей на примере одной из республик Северо-Кавказского федерального округа Республики Северная Осетия-Алания.

Основные социально-экономические показатели РСО-Алания включают численность постоянного населения (678826 чел. на 1 января 2025 года), с преобладанием городского населения (63,34% или 429976 чел.). Социально-экономическое развитие Республики Северная Осетия-Алания характеризуется сильной промышленной базой, включающей пищевую промышленность, цветную металлургию, электроэнергетику и машиностроение.

В «Прогнозе социально-экономического развития Российской Федерации на 2026 год и на плановый период 2027 и 2028 годов», подготовленном на основе комплексного анализа текущих тенденций и вызовов, сформулированы ключевые задачи федерального Правительства. Особое внимание уделяется новым подходам и методам их решения, которые учитывают специфику регионального развития и соответствуют современным потребностям. В документе также рассматриваются вопросы разработки, своевременного утверждения и реализации нормативно-правовых актов, направленных на обеспечение устойчивого роста отдельных регионов и повышение их конкурентоспособности в рамках национальной экономики [2]. Для разработки и реализации комплексной стратегии регионального развития, направленной на достижение устойчивого экономического роста, идентификацию и минимизацию рисков, а также поддержание социально-экономической стабильности, необходимо провести углубленный анализ текущего состояния региона. Этот анализ должен включать оценку соответствия региона критериям экономической устойчивости, а также его способности адаптироваться к изменяющимся внешним и внутренним условиям. Важно, чтобы данный аналитический процесс был синхронизирован с мерами, предпринимаемыми Правительством Российской Федерации, направленными на повышение устойчивости экономики субъектов Федерации и страны в целом в условиях экономической неопределенности и турбулентности.

Так, в рамках стратегического планирования была утверждена «Стратегия социально-экономического развития Республики Северная Осетия-Алания до 2030 года» [3].

Рассмотрим динамику основных социально-экономических показателей Республики за 2020-2024 гг. в таблице 1.

Таблица 1

**Динамика основных социально-экономических
показателей РСО-Алания за 2020-2024 гг.**

(в сопоставимых ценах в процентах к предыдущему году)

	2020	2021	2022	2023	2024	Изменение, 2024 г. к 2020 г.	
						Абсолютное, + ; -	Относительное, %
Численность населения (на конец года)	99,6	99,2	99,3	99,7	99,9	0,3	100,3
Численность безработных (в среднем за год)	117,3	95,7	90,9	82,5	65,0	-52,3	55,4
Численность безработных, зарегистрированных в органах службы занятости населения (на конец года)	в 3,5 р	27,3	56,6	84,9	133,4	-216,6	38,1
Реальные располагаемые денежные доходы населения	93,9	100,1	103,8	107,5	100,0	6,1	106,5
Реальная начисленная зарботная плата работников организаций (с учетом индекса потребительских цен)	103,0	101,1	97,2	106,1	106,1	3,1	103,0
Инвестиции в основной капитал	85,3	113,8	108,0	96,0	106,2	20,9	124,5
Промышленное производство	129,7	114,2	109,8	123,5	99,9	29,8	77,0
Продукция сельского хозяйства	107,2	104,7	109,5	106,8	98,2	-9	91,6

Продолжение таблицы 1

Ввод в действие общей площади жилых помещений	104,7	134,6	106,1	140,9	106,2	1,5	101,4
Оборот розничной торговли	92,0	108,2	97,4	107,1	106,8	14,8	116,1
Платные услуги населению	85,4	105,7	106,0	99,5	107,1	21,7	125,4

Источник: составлено по данным Росстата

Проводя анализ социально-экономических показателей по Республике Северная Осетия-Алания, можно сделать вывод, что численность населения в 2024 году по отношению к 2020 году увеличилась на 0,3%, а по сравнению с 2023 годом на 0,2%. Численность безработных людей в 2024 году сократилась на 52,3% или темп снижения составил 44,6%., по сравнению с 2023 годом темп снижения составил 21,2%. Численность безработных, зарегистрированных в органах службы занятости населения, сократилась на 61,9% по сравнению с 2020 годом, но увеличилась 57,1% по сравнению с 2023 годом. Реальные располагаемые денежные доходы населения за последние четыре года выросли на 6,5%.

Валовой региональный продукт (ВРП) Республики Северная Осетия-Алания демонстрирует значительную зависимость от аграрного сектора, сферы торговли и государственного управления. Проекты по закладке яблоневых садов и разведению аквакультуры форели способствовали интенсификации сельскохозяйственного производства. Регион обладает значительным гидроэнергетическим потенциалом, рационально эксплуатируемым девятью гидроэлектростанциями, что свидетельствует о высокой степени интеграции возобновляемых источников энергии в региональную экономику [4].

В рамках стратегического развития Северной Осетии-Алании внедряются масштабные инвестиционные инициативы, направленные на повышение туристического потенциала региона. На территории республики выявлено более 300 минеральных и пресных источников, обладающих целебными свойствами, что создает благоприятные условия для развития санаторно-курортной отрасли. В горных районах функционируют многочисленные турбазы и альпинистские лагеря, доступные для посещения в течение всего года, что способствует круглогодичному привлечению туристов и развитию внутреннего туризма.

В 2024 году объем инвестиций в экономику и социальную сферу республики, аккумулированный из всех доступных источников финансирования, достиг значения в 51428,0 миллионов рублей. Данный показатель составляет 106,2% относительно аналогичного уровня, зафиксированного в 2023 году. Анализ динамики оборота розничной торговли в 2024 году демонстрирует значение в 194,8 миллиарда рублей, что в сопоставимых ценах соответствует 106,8% относительно соответствующего периода предыдущего года. Объем платных услуг, предоставленных населению, достиг отметки в 37414,6 миллионов рублей, что составляет 107,1% по сравнению с аналогичным показателем 2023 года. Индекс промышленного производства, охватывающий все отрасли экономики, составил 99,9%, что свидетельствует о стабильности промышленного сектора.

Анализируя основные социально экономические показатели развития РСО-Алания в 2025 году отметим, что индекс промышленного производства в январе-августе 2025 года составил 78% по отношению к аналогичному периоду 2024 года [5].

РСО-Алания богата природными ресурсами: полиметаллические руды (цинк, свинец, медь, серебро), доломиты, минеральные воды, разведанные запасы нефти.

Сельское хозяйство включает производство мяса, молока, овощей и фруктов. Объем продукции сельского хозяйства всех сельхозпроизводителей (сельхозорганизации, крестьянские (фермерские) хозяйства, население) в январе-июне 2025 года в сопоставимой оценке составил 6809,4 млн. рублей, или 100,9% к уровню соответствующего периода 2024 года (за январь-июнь 2024 г. - 100,9%) [6].

В Национальном инвестиционном рейтинге, который оценивает работу субъектов над созданием благоприятных условий для развития бизнеса и инфраструктуры, РСО-Алания в 2022 году расположилась на 14 месте [7]. В 2025 году занимает 83 место в итогах оценки инвестиционной привлекательности регионов России. В целом в 2025 году СКФО остается наиболее проблемным с точки зрения инвестиционной привлекательности макрорегионом. Все республики СКФО относятся к категории с умеренной инвестиционной привлекательностью. Республика Северная Осетия-Алания в условиях заметного ослабления показателей промышленного производства переместилась на одну ступень ниже (IC8).

Таким образом, приоритетными задачами являются повышение качества жизни населения и рост человеческого капитала. Перспективными направлениями для региона являются развитие туризма, использование природных ресурсов, таких как горнолыжные курорты и заповедники, а также привлечение инвестиций и развитие инноваций.

Список литературы

1. Карапетова А.Л., Зубенко А.В. Анализ и оценка результатов реализации стратегии социально-экономического развития Республики Северная Осетия-Алания // Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени К.Л. Хетагурова. 2023. № 2. С. 160-171.
2. Прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на 2026 год и на плановый период 2027 и 2028 годов [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/bc142016f6ab3772370bb0b4541fc778/prognoz_socialno_ekonomicheskogo_razvitiya_rf_2026-2028.pdf (дата обращения 26.10.2025).
3. Стратегия социально-экономического развития Республики Северная Осетия-Алания до 2030 года [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <https://www.economy.gov.ru/material/file/19e28f0794c45959ff28a652c52492bb/strategoa.pdf?ysclid=mhaviqbdtj895892481> (дата обращения 26.10.2025).
4. Токаева А.Б., Токаева Б.Б. Северный Кавказ: проблемы и перспективы социально-экономического развития Владикавказ, 2021.
5. Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: https://26.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/dok%2008_2025.pdf (дата обращения 26.10.2025).
6. Социально-экономическое положение Республики Северная Осетия-Алания в январе-июне 2025 года [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <https://sevosetia.ru/economy/tpost/9fna0ht3z1-sotsialno-ekonomicheskoe-polozhenie-resp?ysclid=mhau0z4cgt838417918> (дата обращения 26.10.2025).
7. Северная Осетия заняла 14 место в Национальном рейтинге состояния инвестиционного климата в субъектах РФ [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <https://economy.alania.gov.ru/news/2886> (дата обращения 29.10.2025).

© Рахимова Р.Р., 2025

АНАЛИЗ ПРИЧИН СТАГНАЦИИ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ СФЕРЫ

Ботиенко Алёна Витальевна

старший преподаватель кафедры инноватики
и строительной физики имени профессора И.С. Суровцева

Кузнецов Максим Алексеевич

студент

ФГБОУ ВО «Воронежский государственный
технический университет»

Аннотация: В данной статье авторами рассматривается проблема замедления научно-технического прогресса в настоящий момент и в ближайшем будущем. Авторы пришли к этому выводу через исторический анализ, показывая, что главные технологические прорывы последних двух столетий были спровоцированы глобальными войнами и кризисами. Итогом этого анализа становится неутешительный диагноз: современное научное сообщество переживает стадию «депрессии».

Ключевые слова: НТП, научно-технический прогресс, замедление, развитие, оборудование, изобретательство.

ANALYSIS OF THE CAUSES OF STAGNATION IN THE SCIENTIFIC AND TECHNICAL SPHERE

Botienko Alyona Vitalievna

Kuznetsov Maxim Alekseevich

Abstract: In this article, the authors consider the problem of slowing down scientific and technological progress at the present moment and in the near future. The authors came to this conclusion through historical analysis, showing that the major technological breakthroughs of the last two centuries were triggered by global wars and crises. The result of this analysis is a disappointing diagnosis: the modern scientific community is experiencing a stage of "depression".

Key words: scientific and technological progress, deceleration, development, equipment, invention.

С момента своего зарождения до настоящего времени человечество постоянно что-то изобретало: новые методы и способы ведения быта, технологические и производственные процессы, технологии или привычные в быту вещи. Не стоит забывать про улучшение уже известных продуктов, ведь именно так от копья и колеса мы пришли к баллистической ракете и гиперкарам, от травяных отваров и мазей до печати органов на 3D-принтере и изменению генома.

В истории науки и техники есть один наглядный пример развития общества: привязанный к крепкой палке хорошо заточенный камень стал первым топором, и в момент своего появления он стал радикальной инновацией. Произошло это в позднем палеолите, примерно от 35 до 12 тысяч лет назад [1]. Спустя сотни лет человеческое общество стало не только изобретать что-то новое, но и постепенно видоизменять и улучшать уже существующие предметы и процессы (например, уже известный топор).

Инновации и научно-технический прогресс стали одним из ключевых факторов в развитии экономики, производства и прочих аспектов человеческой жизни [2]. Современный человек относится к прогрессу и многим научно-техническим разработкам как к чему-то привычному, тому, что было всегда и всегда будет, но это не так.

В данной статье разберём период с 1800 года по 2025 год. За этот период мир и общество довольно сильно изменились, хотя в рамках истории это довольно небольшой отрезок времени. С 1800 года человечество совершило множество знаковых открытий и изобретений, включая Вольтов столб (1800), двигатель внутреннего сгорания (1824, 1859), фотографию и телефон (XIX век), а также лампу накаливания (1838, 1854), динамит (1867) и бессемеровский процесс стали (1856). Важными стали открытие радиоактивности (1896), теория относительности (1905), пенициллин (1928), открытие ДНК (1953), интернет (1969), персональный компьютер (1970-е), мобильный телефон (1973), изобретение Wi-Fi (1985) и развитие CRISPR (2012) [3, 4].

Человеку, далёкому от изобретательства и инноватики, данная тенденция покажется крайне положительной, так как можно наблюдать активный прогресс науки и техники, который, в свою очередь, является триггером экономического роста. Однако не всё так оптимистично. Всё больше специалистов

инновационной сферы сходятся во мнении, что с начала нового тысячелетия не наблюдалось значительных проявлений прогресса (исключение – отдельные отрасли промышленности). В качестве подтверждения разберём смартфон. Согласно открытым источникам сети Интернет, известно, что первые телефоны с сенсорными экранами появились в 1990-х годах, но IBM Simon 1994 года стал первым в истории смартфоном с таким дисплеем и был предшественником современных устройств [5]. Несмотря на инновации, такие телефоны были дорогими и коммерчески неудачными, пока в 2007 году компания Apple не выпустила iPhone, который сделал сенсорные технологии массовыми [6]. Однако с этого момента сфера электроники перестала производить принципиально новую продукцию, наблюдаются лишь незначительные модификации и усовершенствования устаревших технологий (беспроводные зарядки и наушники, гнущиеся экраны, слот для второй SIM-карты, карты памяти формата microSD и т.д.).

Снижение глобального развития и его связь с экономикой

Чтобы разобраться в причинах снижения глобального развития, необходимо ответить на несколько вопросов: «Что происходило в мире в пик изобретательства?», «Сколько учёных занималось разработками?», «Какова вероятность, что общество находится в стадии упадка?» и «Каковы ещё наблюдаются структурные причины стагнации?». Рассмотрим каждый из пунктов.

1. Что происходило

В обозначенном отрезке времени произошли одни из самых масштабных военных конфликтов: Отечественная война и Наполеоновские войны, Первая Мировая, Вторая Мировая и т.д. Многие государства были вынуждены выделять значительные инвестиции в военную промышленность, а предприятия, выпускающие бытовую продукцию, перепрофилировать в военные. Так, многие автомобильные заводы стали производить танки, котельные заводы – двигатели, кондитерские фабрики – концентраты каш и галеты и т.д. [11]. Были изобретения, которые сначала нашли применение в армии, а затем стали частью повседневной жизни гражданских людей: консервы, маргарин, суперклей, аэрозольный баллончик, застёжка-липучка, микроволновая печь, гигиенические прокладки, помимо этого были заложены

основы современных компьютеров и интернета [7, 8]. Известно, что США тратили около 40% ВВП страны на оборону вместо привычных 3% в мирное время; Германия вложила инвестиций в ракеты Фау-2 в 2 раза больше, чем США в Манхэттенский проект; были созданы первые ЭВМ, такие как Colossus и Bombe, которые работали над расшифровкой немецкой Enigma.

Таким образом, мы видим, что потребность в техническом прорыве дала толчок огромному экономическому росту. На 1943-1945 гг. экономический прирост составил +70% и +20% у США и СССР, соответственно. После 1950 года - +90% и +50%, а большинство военных изобретений стали обыденной базой для мирной жизни. Например, Colossus стал прототипом персонального компьютера, ракетные технологии Фау-2 стали основой космических программ, а проект «Манхэттен» стал основой ядерного века [12].

2. Количество учёных в коллективе

В истории науки и техники можно заметить тенденцию: большинство открытий и изобретений было создано одним человеком либо небольшой группой учёных (в среднем до 5 человек). Чем ближе к настоящему моменту, тем большее количество людей принимает участие в научных исследованиях и разработках. История изобретательских мастерских за последние два столетия прослеживается в следующих трендах (табл. 1, рис. 1) [9]:

Таблица 1

Визуализация тенденций изобретательских коллективов

Тренд	Года	Кол-во участников	Характер
От одиночек к командам	1800-1900	1-5 → 10-50	Индивидуальные изобретатели → Мастерские
От команд к организациям	1900-1950	50-100 → 100-500	Промышленные лаборатории → Исследовательские институты
От организаций к экосистемам	2000-2025	500-2000 → 2000-5000+	Глобальные коллаборации, открытые исходные коды

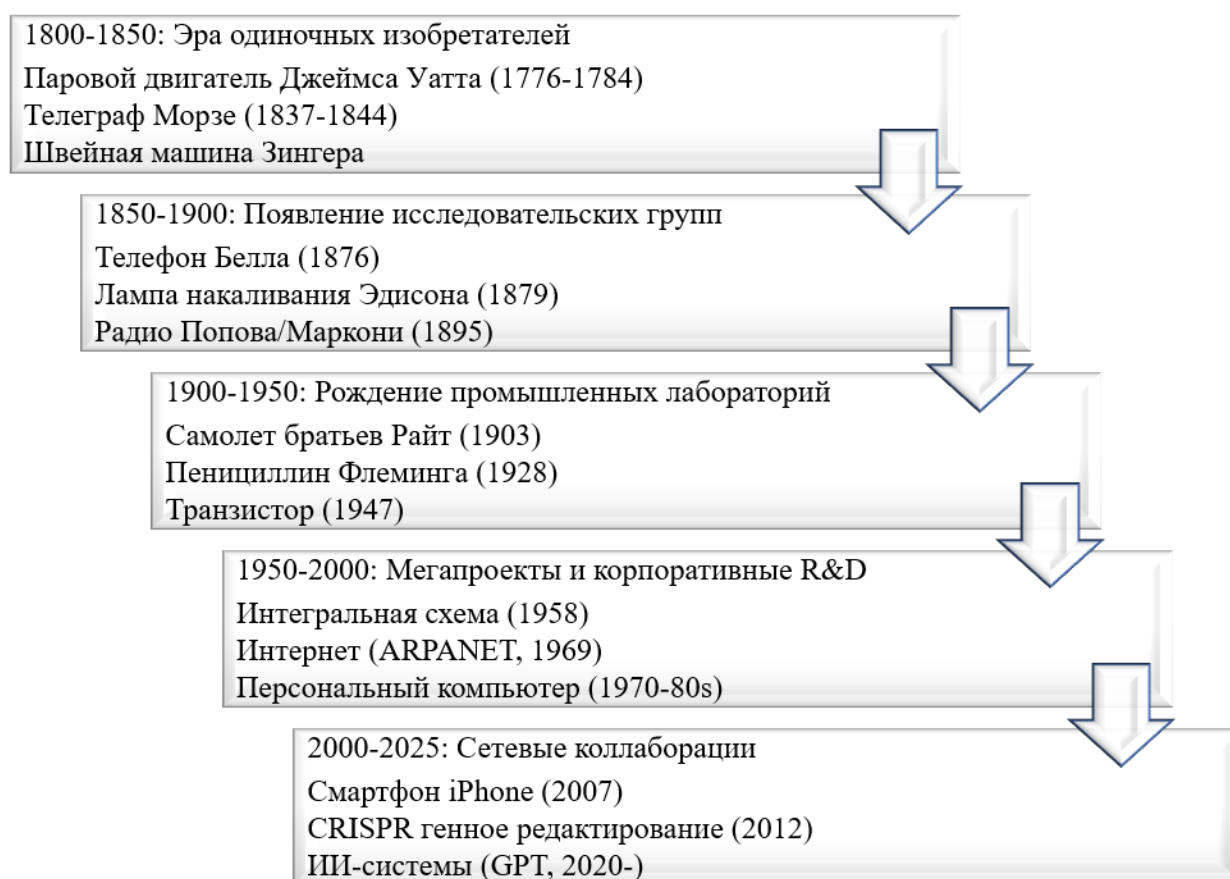

Рис. 1. Тенденции изобретательских коллективов 1800-2025 гг.

Наблюдаются следующие критические переходные точки:

- 1840-1860: Появление патентных бюро и профессиональных инженеров;
- 1920-1940: Создание корпоративных R&D центров;
- 1960-1980: Возникновение междисциплинарных исследовательских программ;
- 2000-2020: Развитие открытых инноваций и краудсорсинга.

Представленные данные наглядно показывают, что на данный момент существует явная проблема с изобретательством. С чем это связано, снижением склонности к творчеству и изобретательству или недостаточным массивом знаний у учёных, точно не известно, однако можно утверждать, что на данный момент создание нового продукта требует большего количества информации, времени и финансирования, чем когда-либо. Один человек не может самостоятельно осилить весь цикл современных НИОКР.

3. Кризис науки, переход к новому технологическому укладу

Существует вероятность, что в данный момент уже сделаны все объективные открытия и созданы простейшие изобретения. У авторов есть предположение, что современный период связан с переходом в нисходящую фазу 6-го технологического уклада (цифровые технологии) (рис. 2), где все последующие научные прорывы будут требовать больших энергетических мощностей, колоссальных финансовых вложений, высокоспециализированных и узконаправленных учёных, намного большего времени, чем раньше, и самых неожиданных комбинаций наук и научных течений [10].

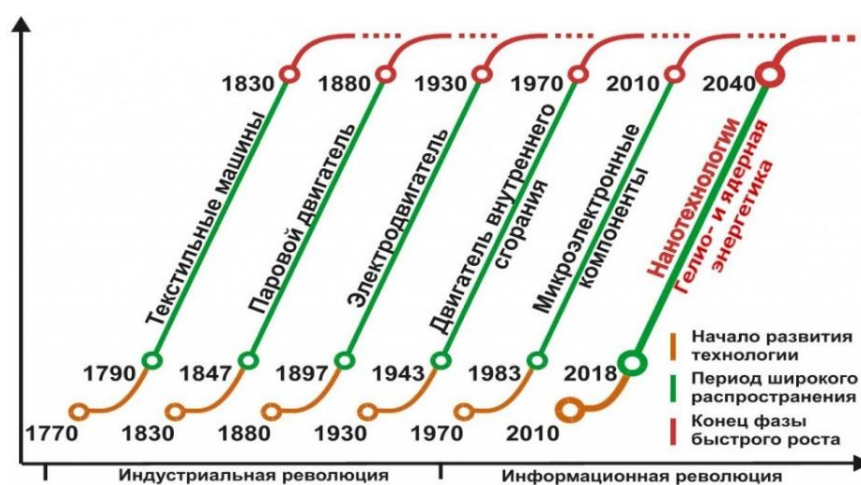

Рис. 2 Технологические уклады

На данный момент остро стоит проблема бюрократизации науки и кризиса междисциплинарности (рис. 3).

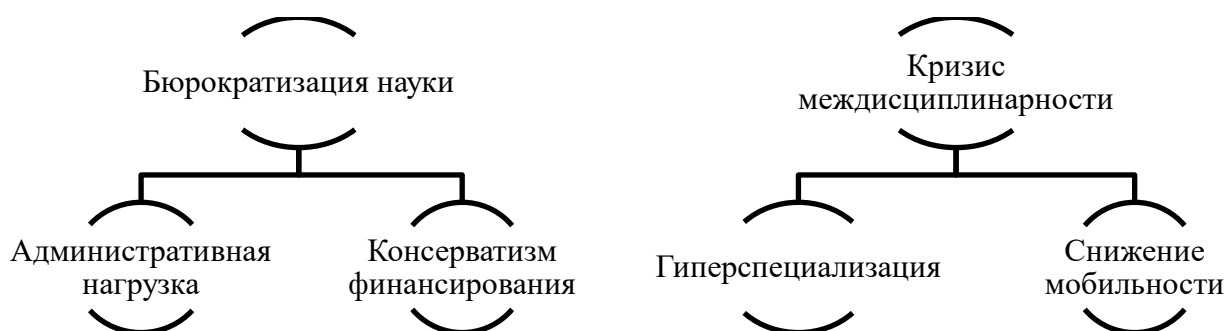

Рис. 3. Структурные причины стагнации

Административная нагрузка выражается тем, что учёные стали тратить больше своего времени на написание отчётов вместо проведения самих исследований. Несмотря на то, что пандемия Covid-19 активизировала системы

производства знаний, уровень образования во многих странах значительно снизился [13]. Так, во многих странах сохраняется проблема получения образования малообеспеченными слоями населения, что впоследствии ведёт к недостатку научных кадров с высшим образованием [14].

В докладе ЮНЕСКО по науке за 2021 год сделан вывод о том, что странам необходимо увеличить инвестиции в исследования и инновации, чтобы добиться успеха в переходе к цифровой и «зелёной» экономике. Более 30 стран уже увеличили расходы на исследования с 2014 года в соответствии со своими обязательствами по достижению Целей устойчивого развития. Несмотря на этот прогресс, восемь из десяти стран по-прежнему выделяют на исследования менее 1% ВВП, что усугубляет их зависимость от иностранных технологий [14].

Согласно отчёту за 2022-2023 года национального научного фонда (NSF), США продолжают оставаться лидером по рецензируемым исследовательским публикациям, научному влиянию и международному сотрудничеству. Несмотря на то, что объём научных статей в открытом доступе существенно вырос в период с 2003 по 2022 год, большинство статей в Scopus и Web of Science являются специфичными и узконаправленными [15].

В то же время по данным Росстата, с 2015 года число исследователей с учёной степенью сократилось на 20% (табл. 2), снизилось количество учёных, меняющих страну проживания и работы [16].

Таблица 2

**Динамика числа исследователей со степенями
по федеральным округам в 2015 и 2024 г.**

	2015	2024	Изменение, год к году, %
Центральный федеральный округ	58560	46892	20
Северо-Западный федеральный округ	13769	10673	22,5
Южный	5492	3950	28
Северо-Кавказский	3255	2320	29
Приволжский	9267	8349	10
Уральский	5115	4129	19
Сибирский	11198	9719	13
Дальневосточный	4877	3554	27

Стоит ли ожидать замедления НТП в ближайшее время?

На данный момент наблюдается замедление множества технологий: энергетика, самолётостроение, кораблестроение.

В транспортной отрасли наблюдается стагнация в преодолении скоростных барьеров: крейсерская скорость пассажирских авиалайнеров не претерпела значительных изменений с конца XX века [17]. Аналогично, в судостроении грузоподъёмность контейнеровозов класса ULCS (Ultra Large Container Ship) достигла практического потолка в 24000 TEU, а дальнейший рост сдерживается пропускной способностью портовой инфраструктуры и логистическими ограничениями [18]. В энергетическом секторе, несмотря на прогресс в области возобновляемых источников энергии (ВИЭ), сохраняются системные проблемы: нерешённые вопросы эффективного аккумулирования энергии, сохраняющаяся зависимость от углеводородного сырья и высокая капиталоемкость перехода к низкоуглеродной генерации [19]. При этом информационно-коммуникационные технологии (ИКТ) демонстрируют устойчивый экспоненциальный рост, определяемый законом Мура и его производными [20].

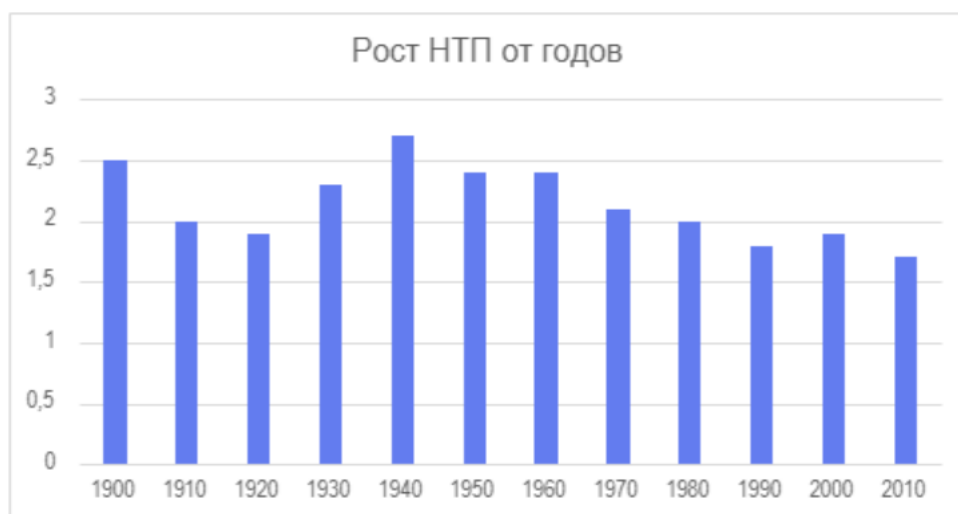

Рис. 4. Рост НТП по десятилетиям

Из рисунка 4 видно, что основной рост НТП происходил в 1900-е и 1940-е года, который постепенно замедлился к 2010 году. Это может быть связано с отсутствием острой нужды в технологическом прогрессе и техническим ограничением производства. Так, ранее для создания полупроводника в 2 раза меньше предыдущего требовалось около двух лет, сейчас на этот процесс уходит намного больше времени за счёт больших

сложностей и стоимости внедрения новых технологий [20]. Наряду с общим снижением НТП наблюдается снижение корпоративной науки и доли прорывных изобретений (в том числе патентов) от предприятий [21]. Таким образом, замедление развития действительно присутствует.

Заключение

На основе вышеизложенного мы видим, что торможение научно-технического прогресса действительно присутствует в данный момент и будет прогрессировать с годами [22].

Для обеспечения устойчивого развития в будущем первостепенной задачей становится создание условий для генерации и применения новых знаний. Стратегический курс должен быть направлен на поддержку науки, образования и тесного взаимодействия между исследователями и бизнесом. Необходимо увеличить инвестиции в изучение новых материалов, технологий и техники, создание новейшего оборудования и систем [23]. Необходимо увеличить финансирование в образование и повышение креативности населения, сократить общее время на отчётность и стимулировать междисциплинарные коллаборации.

Список литературы

1. Топор каменный. 40-10 тыс. лет назад // Историко-краеведческий музей Алтайского государственного педагогического университета. [Электронный ресурс]. URL: <https://museum.altspu.ru/kollektsii/arkh/16006/>
2. Колосов А.И., Дьяконова С.Н., Ботиенко А.В. Инновационное предпринимательство: учебное пособие / А.И. Колосов, С.Н. Дьяконова, А.В. Ботиенко. – Издательство: Истоки, Воронеж, 2024. – 242 с. - ISBN 978-5-4473-0411-9.
3. Какое величайшее научное открытие всех времен? // Хабр. [Электронный ресурс]. URL: <https://habr.com/ru/articles/707684/>
4. Лапин Н.И., Карачаровский В.В. Теория и практика инноватики: учебник для вузов. - 2-е изд. / Н.И. Лапин, В.В. Карачаровский - Москва: Юрайт, 2019. - 350 с.
5. Стульников, Я.П. Сенсорные экраны: эволюция и направления развития / Я.П. Стульников, Е.В. Капаева // Юный ученый. - 2022. - №3(55). - С. 60-65. [Электронный ресурс]. URL: <https://moluch.ru/young/archive/55/2805>.

6. Сенсорные мониторы: история, принцип работы, сферы применения // Оборудование для вендинга. [Электронный ресурс]. URL: <https://sirius-hub.com/stati/sensornye-monitory-istoriya-princip-raboty-sfery-primeneniya>
7. Консервы, маргарин, прокладки и еще 7 изобретений во время войны, которые сегодня мы используем каждый день // Techinsider: новости науки и техники. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.techinsider.ru/diy/235833-10-veshchey-voznikshikh-blagodarya-voynam/>
8. История wi-fi // Провайдер ОСА - URL: <https://osa-net.ru/news/istoriya-wi-fi/>.
9. Старостин, А.Ю. Научно-технический прогресс и эффективность накопления / А. Ю. Старостин // Молодой ученый. - 2011. - № 7 (30). - Т. 1. - С. 113-116.
10. Гармашова, Е.П. Развитие теории инновационных процессов / Е.П. Гармашова // Молодой ученый. - 2011. - № 2 (25). - Т. 1. - С. 90-94.
11. Советская промышленность в годы войны // Журнал «Директор по маркетингу и сбыту», 2020. - № 5. [Электронный ресурс]. URL: <https://panor.ru/articles/sovetskaya-promyshlennost-v-gody-voyny/41724.html#>
12. Дурдыева, Ш.Б. Экономический рост и способы его измерения / Ш.Б. Дурдыева // Молодой ученый. - 2023. - № 51 (498). - С. 84-86.
13. Всемирный доклад по мониторингу образования 2021 г. «Центральная и Восточная Европа, Кавказ и Средняя Азия. Инклюзивность и образование: для всех означает для всех», 2021. – 184 с. [Электронный ресурс]. URL: https://unesdoc.unesco.org/in/documentViewer.xhtml?v=2.1.196&id=p::usmarcdef_0000377711&file=/in/rest/annotationSVC/DownloadWatermarkedAttachment/attach_import_e361a117-59d9-4993-9a9d-b08b0429334d%3F_%3D377711rus.pdf&locale=ru&multi=true&ark=/ark:/48223/pf0000377711/PDF/377711rus.pdf#p0
14. Доклад ЮНЕСКО по науке за 2021 год // UNESCO/ [Электронный ресурс]. URL: <https://www.unesco.org/reports/science/2021/en/race4smarter-development>
15. Отчёт 2022-2023 годов Национального центра научной и инженерной статистики [Электронный ресурс]. URL: <https://ncses.nsf.gov/>
16. Федеральная служба государственной статистики. [Электронный ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru/>
17. Вадимов И. Почему авиалайнеры стали летать медленнее? / И. Вадимов // Познавательный журнал «ШколаЖизни.ру». [Электронный ресурс]. URL: <https://www.shkolazhizni.ru/history/articles/108637/>

18. 24,000TEU ULTRA-LARGE CONTAINER SHIP HAS COME AT THE END OF 2020 // Global Logistics Alliance [Электронный ресурс]. URL: https://www.glafamily.com/article_show/573/24,000TEU-ULTRA-LARGE-CONTAINER-SHIP-HAS-COME-AT-THE-EN

19. Мудрецов А.Ф. Переход к возобновляемым источникам энергии: проблемы и перспективы // Проблемы рыночной экономики. - 2021. - № 3. - С. 238-243.

20. Ермошкин Н.Н. Полупроводники как главная технология современности: закон Мура и борьба за технологическое доминирование // Современная мировая экономика. 2025. Том 3. № 1(9). – С. 105-131.

21. Arora A., Belenzon Sh., Patacconi A., Suh J. The Changing Structure of American Innovation: Some Cautionary Remarks for Economic Growth / A. Arora, Sh. Belenzon, A. Patacconi, J. Suh // NBER Working Paper No. 25893, 2019. - 53 p. [Электронный ресурс]. URL: https://www.nber.org/system/files/working_papers/w25893/w25893.pdf

22. Пузакова, А.А. Влияние развития техники и технологий на жизнь людей / А.А. Пузакова // Молодой ученый. - 2015. - № 20 (100). - С. 635-640.

23. Ботиенко А.В. Реконструкция античных скульптур с использованием аддитивных технологий / А.В. Ботиенко. - Инновации, технологии и бизнес. – 2025. – № 1 (17). – С. 5-13.

© Ботиенко А.В., Кузнецов М.А., 2025

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ГРАМОТНОСТЬ МОЛОДЁЖИ: ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОСТИ И ПУТИ РЕШЕНИЯ

Дубач Анастасия Валерьевна

Свитич Анна Юрьевна

Научный руководитель: **Сочнева Марина Олеговна**
преподаватель

Учреждение образования Филиал «Белорусского
государственного технологического университета
«Полоцкий государственный лесной колледж»

Аннотация: В статье рассматриваются ключевые аспекты о необходимости повышения экономической грамотности среди детей и молодёжи. Проводится анализ значимости экономических знаний в современных условиях для подрастающего поколения, приводятся возможные современные пути решения проблемы.

Ключевые слова: экономическая и финансовая грамотность, образовательные материалы по финансовой грамотности, позитивные финансовые установки.

ECONOMIC LITERACY OF YOUTH: CHALLENGES OF MODERNITY AND SOLUTIONS

Dubach Anastasia Valerievna

Svitich Anna Yurevna

Scientific adviser: **Sochneva Marina Olegovna**

Abstract: This article examines key aspects of the need to improve the economic literacy of children and youth. It analyzes the importance of economic knowledge for the younger generation in today's world, possible modern solutions to the problem of low economic literacy among young people are presented.

Key words: economic and financial literacy, educational materials on financial literacy, positive financial attitudes.

В современном мире, где экономические процессы становятся всё более сложными и динамичными, владение базовыми знаниями в области финансов и

экономики перестаёт быть просто желательным навыком, а превращается в насущную необходимость. Особенно остро эта проблема стоит перед молодёжью – поколением, которому предстоит строить своё будущее, принимать ответственные финансовые решения и активно участвовать в жизни общества. К сожалению, реальность такова, что уровень экономической грамотности среди молодых людей зачастую оставляет желать лучшего, порождая целый комплекс проблем, которые могут иметь долгосрочные негативные последствия как для самих молодых людей, так и для экономики в целом.

Что такое экономическая грамотность и почему она важна для молодёжи?

Прежде всего, стоит определить, что мы подразумеваем под экономической грамотностью. Это не просто знание терминов вроде "инфляция" или "ВВП". Это, скорее, комплексное понимание того, как функционирует экономика на микро- и макроуровне, умение применять эти знания на практике для принятия обоснованных личных финансовых решений, а также способность критически оценивать экономическую информацию и участвовать в общественной дискуссии по экономическим вопросам.

Экономическая грамотность имеет колоссальное значение для молодёжи. Вступая во взрослую жизнь, она сталкивается с необходимостью:

- **управлять личными финансами:** планировать бюджет, сберегать, инвестировать, брать кредиты и разумно ими пользоваться.
- **ориентироваться на рынке труда:** понимать ценность своего труда, выбирать востребованные профессии, планировать карьерный рост.
- **принимать решения о потреблении:** отличать реальные потребности от навязанных маркетингом, осознавать последствия своих покупок.
- **защищать себя от финансовых мошенников:** распознавать схемы обмана и избегать финансовых ловушек.

Недостаток этих знаний и навыков делает молодых людей уязвимыми, ограничивает их возможности для самореализации и может привести к серьёзным финансовым трудностям, таким как долги, невозможность накопить на крупные покупки (жильё, образование), низкий уровень жизни в будущем.

Проблемы, связанные с низкой экономической грамотностью молодёжи, многогранны и требуют комплексного подхода к их решению. Рассмотрим наиболее острые из них:

1. Недостаточное включение экономической тематики в школьные программы. Несмотря на важность предмета, уроки экономики или

финансовой грамотности в школах часто либо отсутствуют, либо преподаются формально, без должного акцента на практическое применение знаний. Учебные программы могут быть перегружены, а учителя не всегда обладают достаточной квалификацией или мотивацией для преподавания этих дисциплин. В результате, школьники получают лишь поверхностное представление об экономических явлениях, которое быстро забывается после окончания школы.

2. Отсутствие практической направленности обучения. Даже если экономические темы затрагиваются, они часто преподносятся в отрыве от реальной жизни. Теоретические модели и абстрактные понятия не всегда связываются с повседневными финансовыми ситуациями, с которыми сталкиваются молодые люди. Отсутствие практических заданий, кейсов, симуляций, деловых игр делает обучение скучным и неэффективным. Молодые люди не видят прямой связи между изучаемым материалом и тем, как он может помочь им в жизни.

3. Влияние семьи и окружения. Финансовое поведение и установки часто формируются в семье. Если родители сами не обладают достаточной экономической грамотностью, не умеют грамотно распоряжаться деньгами, не говорят с детьми о финансах, то и дети, скорее всего, унаследуют те же модели поведения. Отсутствие позитивных финансовых ролевых моделей в ближайшем окружении, а также распространённость потребительского мышления и импульсивных покупок среди сверстников, могут способствовать формированию неверных финансовых привычек.

4. Информационный перегруз и дезинформация в цифровой среде. Современная молодёжь активно пользуется интернетом и социальными сетями, где информация распространяется с огромной скоростью. К сожалению, в этой среде часто преобладает некачественный контент: псевдо-финансовые советы от блогеров, обещающих быстрое обогащение, реклама сомнительных инвестиционных проектов, а также просто недостоверные сведения об экономических процессах. Молодые люди, не обладая критическим мышлением и навыками фактчекинга, легко поддаются манипуляциям и становятся жертвами мошенников.

5. Сложность и абстрактность финансовых продуктов. Современный финансовый рынок предлагает огромное количество разнообразных продуктов: банковские карты с различными условиями, кредиты, инвестиционные инструменты, страхование, криптовалюты. Молодые люди, не имея базовых

знаний, часто принимают решения, основываясь на рекламе или советах знакомых, что может привести к невыгодным условиям, переплатам или даже потере средств.

6. Недостаток доступных и понятных образовательных ресурсов. Несмотря на рост интереса к теме, адаптированных для молодёжи образовательных материалов по финансовой грамотности всё ещё недостаточно.

Последствия недостаточной экономической грамотности среди молодёжи носят системный характер и проявляются на различных уровнях:

1. Личный уровень:

Финансовая задолженность. Неумение планировать бюджет и разумно пользоваться кредитами приводит к накоплению долгов, которые могут стать непосильным бременем на долгие годы.

Низкий уровень сбережений и инвестиций. Отсутствие понимания важности сбережений и принципов инвестирования лишает молодых людей возможности формировать капитал для достижения долгосрочных целей, таких как покупка жилья, образование детей, обеспечение достойной пенсии.

Уязвимость перед мошенничеством. Недостаток знаний делает молодых людей лёгкой мишенью для финансовых аферистов, что может привести к полной потере сбережений.

Ограниченные возможности для самореализации. Финансовые трудности могут ограничивать выбор профессии, возможность получения дополнительного образования или запуска собственного бизнеса.

Стресс и психологические проблемы. Постоянные финансовые трудности и неопределённость негативно сказываются на психическом здоровье, вызывая стресс, тревогу и депрессию.

2. Макроэкономический уровень:

Снижение потребительской активности. Неуверенность в завтрашнем дне и страх перед долгами могут привести к снижению потребительской активности, что негативно сказывается на экономическом росте.

Неэффективное распределение ресурсов. Неграмотные инвестиционные решения, как на индивидуальном, так и на корпоративном уровне, могут приводить к неэффективному распределению финансовых ресурсов.

Увеличение социальной напряжённости. Рост социального неравенства, усугубляемый финансовой неграмотностью, может приводить к росту социальной напряжённости и недовольства.

Снижение доверия к финансовым институтам. Частые случаи мошенничества и недобросовестной практики на финансовом рынке, жертвами которых становятся неосведомлённые молодые люди, подрывают доверие к банкам, инвестиционным компаниям и другим финансовым организациям.

Решение проблемы низкой экономической грамотности молодёжи требует комплексного и многоуровневого подхода, включающего усилия со стороны государства, образовательных учреждений, семьи, бизнеса и самих молодых людей.

1. *Совершенствование образовательных программ.* Включение обязательных, практико-ориентированных курсов по финансовой грамотности в школьные программы, начиная с начальных классов. Эти курсы должны быть разработаны с учётом возрастных особенностей учащихся и включать интерактивные методы обучения: деловые игры, симуляции, решение реальных жизненных задач (например, планирование бюджета на месяц, сравнение условий кредитов, расчёт стоимости покупки в рассрочку). Важно также повышать квалификацию учителей, проводя для них специализированные тренинги и предоставляя доступ к актуальным методическим материалам.

2. *Развитие внешкольных образовательных инициатив.* Создание и поддержка доступных онлайн-платформ, мобильных приложений, образовательных видеороликов и подкастов, посвящённых финансовой грамотности. Эти ресурсы должны быть адаптированы для молодёжной аудитории, использовать понятный язык, яркий визуальный ряд и актуальные примеры. Организация бесплатных вебинаров, мастер-классов и лекций с участием экспертов-практиков, финансовых консультантов и успешных предпринимателей. Проведение конкурсов, олимпиад по финансовой грамотности, стимулирующих интерес к теме и поощряющих творческий подход к решению финансовых задач.

3. *Вовлечение семьи и формирование позитивных финансовых установок.* Проведение информационных кампаний для родителей, направленных на повышение их собственной финансовой грамотности и обучение навыкам эффективного общения с детьми на тему денег. Разработка рекомендаций для семей по совместному планированию бюджета, обсуждению финансовых целей и формированию ответственного отношения к потреблению. Поощрение открытого диалога о деньгах в семье, где родители могут делиться своим опытом, ошибками и успехами, создавая безопасное пространство для обучения.

4. *Борьба с дезинформацией и развитие критического мышления.* Обучение молодёжи навыкам критического анализа информации, проверки источников и распознавания признаков мошенничества в интернете. Разработка образовательных модулей, посвящённых безопасному поведению в сети, защите персональных данных и противодействию финансовым пирамидам и другим видам мошенничества.

5. *Упрощение и повышение прозрачности финансовых продуктов.* Стимулирование финансовых институтов к разработке более понятных и доступных финансовых продуктов для молодёжи. Требование к банкам и другим финансовым организациям предоставлять полную и прозрачную информацию об условиях кредитования, комиссиях, процентных ставках и рисках. Разработка стандартов для финансовых продуктов, ориентированных на молодых потребителей, с акцентом на простоту и понятность.

6. *Преодоление психологических барьеров.* Создание атмосферы, в которой обсуждение финансовых вопросов не вызывает страха или стеснения. Акцент на том, что финансовая грамотность – это навык, который можно и нужно развивать, а ошибки – это часть процесса обучения. Использование позитивных примеров и историй успеха, чтобы вдохновить молодёжь и показать, что достижение финансовых целей вполне реально. Психологическая поддержка и консультации для тех, кто испытывает трудности с управлением личными финансами.

7. *Сотрудничество государства, бизнеса и некоммерческого сектора.* Разработка и реализация национальных стратегий по повышению финансовой грамотности населения, с особым акцентом на молодёжь. Государственная поддержка образовательных программ, гранты для разработчиков образовательных ресурсов, создание координационных центров по вопросам финансовой грамотности. Привлечение бизнеса к участию в образовательных проектах, спонсорство, разработка корпоративных программ по финансовой грамотности для сотрудников и их семей. Поддержка некоммерческих организаций, занимающихся просветительской деятельностью в области финансов.

Социальные сети и инфлюенсеры играют всё более важную роль в жизни молодёжи, в том числе и в формировании их финансовых установок и поведения. С одной стороны, они могут быть полезным источником информации и вдохновения. Многие блогеры и эксперты делятся своими знаниями и опытом в области финансов, дают советы по управлению личными финансами и инвестированию.

С другой стороны, социальные сети могут быть и источником дезинформации и нереалистичных ожиданий. Многие инфлюенсеры рекламируют сомнительные финансовые продукты и схемы, обещая быстрое обогащение без каких-либо усилий. Молодые люди, доверяющие своим кумирам, могут поддаваться этим обещаниям и потерять свои деньги.

Поэтому, важно научить молодёжь критически оценивать информацию, поступающую из социальных сетей, и не слепо доверять советам инфлюенсеров. Молодые люди должны понимать, что реклама в социальных сетях часто оплачивается и не всегда отражает реальную картину. Они должны уметь проверять информацию, поступающую из различных источников, и принимать решения, основываясь на собственных знаниях и анализе.

Кроме того, важно поддерживать и продвигать тех инфлюенсеров, которые делятся качественной и достоверной информацией о финансах и помогают молодёжи развивать финансовую грамотность. Эти инфлюенсеры могут стать ролевыми моделями для молодых людей и вдохновить их на ответственное финансовое поведение.

Необходимость адаптации образовательных программ к меняющимся потребностям молодёжи

Мир финансов постоянно меняется, и образовательные программы по финансовой грамотности должны адаптироваться к этим изменениям. Важно учитывать новые тенденции, такие как цифровизация финансовых услуг, рост популярности альтернативных инвестиций и изменение рынка труда. Образовательные программы должны быть гибкими и постоянно обновляться, чтобы соответствовать актуальным потребностям молодёжи. Только так мы сможем обеспечить им необходимые знания и навыки для успешной навигации в сложном и постоянно меняющемся мире финансов, гарантируя им финансовую стабильность и благополучие в будущем.

© Дубач А.В., Свитич А.Ю.

**СЕКЦИЯ
ТЕХНИЧЕСКИЕ
НАУКИ**

**ВЛИЯНИЕ АКВАРИУМНОЙ ВОДЫ НА РОСТ
ТРАВЯНИСТЫХ РАСТЕНИЙ И ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ
ЕЁ ВОЗДЕЙСТВИЯ НА БЕТОН**

Шрайнер Юлия Олеговна

магистрант

Научный руководитель: **Юрченко Елена Евгеньевна**

к.т.н., доцент

кафедра «Строительство и сервис»

ФГБОУ ВО «Сочинский государственный университет»

Аннотация: Исследована возможность использования аквариумной воды для полива травянистых растений в учебной теплице и проанализировано её возможное воздействие на бетонные конструкции. Эксперимент показал, что аквариумная вода повышает биомассу мяты на 49% по сравнению с водопроводной. Теоретический анализ указывает на потенциально более высокую агрессивность такой воды к бетону. Сделан вывод о целесообразности её применения при одновременном контроле воздействия на минеральные материалы.

Ключевые слова: Аквариумная вода, учебная теплица, травянистые растения, мята, химический состав, бетон, карбонизация, сульфатная атака.

**INFLUENCE OF AQUARIUM WATER ON THE GROWTH
OF HERBACEOUS PLANTS AND THEORETICAL ANALYSIS
OF ITS EFFECT ON CONCRETE**

Shrayner Yulia Olegovna

Scientific adviser: **Yurchenko Elena Evgenievna**

Abstract: The study explores the possibility of using aquarium water for irrigating herbaceous plants in an educational greenhouse and analyzes its potential impact on concrete structures. The experiment showed that aquarium water increased the biomass of mint by 49% compared to tap water. Theoretical analysis indicates potentially higher aggressiveness of such water toward concrete. It is concluded that

aquarium water can be effectively used for plant cultivation, provided that its influence on mineral materials is monitored.

Key words: aquarium water, educational greenhouse, herbaceous plants, mint, chemical composition, concrete, carbonation, sulfate attack

Современное образование и научные исследования в биологии, агрономии и экологии активно используют учебные теплицы — закрытые или частично закрытые конструкции для выращивания растений в контролируемых условиях [1]. Они позволяют моделировать температуру, влажность, освещённость и состав субстрата, а также проводить эксперименты и практические занятия. Учебные теплицы получили широкое распространение в школах и университетах, обеспечивая наблюдение за ростом растений и изучение воздействия удобрений, типов воды и агротехнических приёмов [1, 2].

Применение аквариумной воды может ускорять рост травянистых растений, увеличивать биомассу и улучшать укоренение, что подтверждается исследованиями на зерновых, овощных и кормовых культурах [2, 3]. При этом важно контролировать концентрацию нитратов и микроэлементов, чтобы избежать фитосанитарных проблем [4].

Кроме того, состав аквариумной воды может воздействовать на бетон: CO_2 , HCO_3^- , сульфаты и микроэлементы способны вызывать карбонизацию, сульфатную атаку и выщелачивание гидроксидов кальция, снижая прочность цемента [5].

Функции учебных теплиц

- Образовательная: практические занятия по биологии, экологии, агрономии, химии [1].
- Научно-исследовательская: изучение влияния температуры, влажности, освещенности, состава почвы и воды на рост растений [1, 2].
- Экологическая: формирование навыков бережного отношения к природе и устойчивого использования ресурсов [1].

Возможности экспериментов в учебных теплицах

- Физиология растений: фотосинтез, дыхание, транспирация [2].
- Агротехника: посев, полив, подкормка, обрезка [1, 2].
- Экология: влияние загрязнителей, изменение климата [2].
- Технологии: автоматический полив, освещение, контроль климата [2].

Характеристика аквариумной воды

Ключевые параметры: жёсткость (Ca^{2+} , Mg^{2+}), карбонатная жёсткость (HCO_3^- , CO_3^{2-}), pH 6–8, растворённый кислород >5 мг/л, азотные соединения (NH_4^+ , NO_2^- , NO_3^-), фосфаты и микроэлементы (Fe, Mn, Zn, Cu, B, Mo) [2, 3, 4].

Таблица 1

Концентрации макро- и микроэлементов в аквариумной воде (с удобрением)

Компонент	Концентрация, мг/л
N	6,9
P	1,0
K	4,3
Fe	0,12
Mn	0,03
Zn	0,006
B	0,005
Cu	0,002
Mo	0,002
Mg	0,1

Выбор аквариумной воды обусловлен её богатым химическим составом и растворёнными биологически активными веществами, стимулирующими рост травянистых растений [3].

Химические процессы в аквариумной воде

1. Минерализация и образование аммиака / аммония

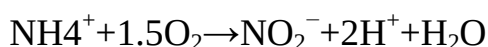
Разложение органических веществ (белки, аминокислоты) приводит к образованию аммиака (NH_3) / аммония (NH_4^+), CO_2 и воды:

Это общий упрощённый вид; конкретные реакции могут включать множество промежуточных шагов [4].

2. Нитрификация

Стадия 1: окисление аммония до нитрита (Nitrosomonas):

Стадия 2: окисление нитрита до нитрата (Nitrobacter):

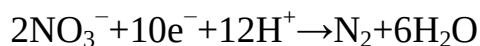
Суммарное уравнение нитрификации:

→ Выделение протонов может локально снижать pH [4].

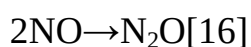
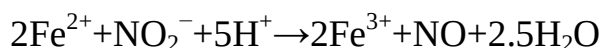
3. Денитрификация (восстановление нитратов до азота)

В анаэробных зонах нитраты восстанавливаются до молекулярного азота:

Примечание: протекает в анаэробных зонах биофильтров и субстрата; возможны промежуточные продукты NO, N₂O [4].

Абиотическое образование N₂O (chemodenitrification):

4. Карбонатная система

Растворённый CO₂ формирует H₂CO₃, который диссоциирует:

Определяет буферную ёмкость и влияет на карбонизацию цемента [5].

Положительное влияние на рост растений

Исследования показывают, что полив аквариумной водой может ускорять рост и повышать биомассу различных культур:

- Зерновые культуры: на примере ячменя было показано, что использование аквариумной воды ускоряет рост побегов и повышает содержание хлорофилла в листьях по сравнению с поливом водопроводной водой [6].
- Овощные культуры: опыты на шпинате и салате демонстрируют увеличение биомассы и более активное укоренение благодаря содержанию нитратов и микроэлементов [3].
- Кормовые травы: в исследованиях по люцерне отмечено повышение урожайности на 15–20% при поливе аквариумной водой по сравнению с традиционным водопроводным поливом [6].

Эти данные подтверждают эффективность подхода, аналогичного аквапонике, где растения используют продукты азотного цикла гидробионтов [2, 3].

Применение в учебных теплицах

Учебные теплицы предоставляют идеальные условия для контроля состава и количества поливаемой воды, что позволяет минимизировать риски и

использовать аквариумную воду как ресурс для практических занятий и экспериментов по выращиванию растений [1, 2].

Таким образом, использование аквариумной воды для полива растений является перспективным направлением, сочетая экологическую, образовательную и практическую ценность, при условии регулярного мониторинга химического и микробиологического состава воды [2, 3].

Методика эксперимента и материалы

Эксперимент проводился на мяте в домашних условиях в течение 4 недель с использованием двух типов воды: водопроводной (контроль) и аквариумной с комплексным удобрением «Микро + Макро 2 в 1» (эксперимент). Для имитации учебной теплицы использовались мини-теплицы: горшки 3–5 л, накрытые пленкой, температура 20–25 °С, влажность 50–60%, южное освещение 6–8 часов.

В качестве объекта исследования использовалась мята — быстрорастущая культура, чувствительная к питательным веществам [1]. Семена отбирались по размеру и целостности, в каждом горшке высевалось по 15 семян для исключения генетической вариативности [1]. Горшки заполнялись универсальной почвенной смесью с нейтральным рН и умеренной влагоёмкостью [1]. Полив проводился ежедневно одинаковым объёмом воды — 100 мл на горшок. Параметры наблюдения включали высоту растений, количество и размер листьев, цвет листьев, свежую и сухую биомассу, влажность почвы и температуру воздуха под пленкой [1, 2].

Результаты эксперимента

- **Контроль (водопроводная вода):** высота растений ~3 см, листья меньше и менее плотные, всхождение неполное, покрыто около половины поверхности горшка, цвет зелёный, но менее насыщенный.
- **Эксперимент (аквариумная вода с удобрением):** высота растений ~3 см (аналогично контролю), листья крупнее, плотнее и ярче, всхождение полное — весь горшок покрыт растениями, тургор выше, признаки хлороза отсутствуют.

Несмотря на одинаковую высоту, аквариумная вода способствовала более полному всходу и плотному росту растений, что указывает на улучшенное питание и более эффективную осмотическую регуляцию.

Рис. 1. Вид сбоку на растения, поливаемые водопроводной водой (слева) и аквариумной водой (справа). Для масштаба использована линейка

Рис. 2. Вид сверху на растения, поливаемые водопроводной водой (слева) и аквариумной водой (справа)

Объяснение результатов

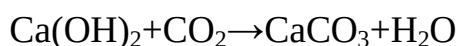
Высокая эффективность аквариумной воды объясняется её комплексным составом макро- и микроэлементов [2, 3]:

- Азот (NH_4^+ , NO_3^-) — обеспечивает синтез белков и хлорофилла [4];
- Фосфор (PO_4^{3-}) — стимулирует развитие корней и цветочных почек [4];
- Калий (K^+) — усиливает фотосинтез и водный обмен [6];
- Железо и микроэлементы (Fe, Mn, Zn, Cu, B, Mo) — улучшают ферментативные процессы, укрепляют листья и повышают устойчивость к стрессам [6].
- Химические реакции в воде, такие как нитрификация ($\text{NH}_4^+ \rightarrow \text{NO}_2^- \rightarrow \text{NO}_3^-$), денитрификация ($\text{NO}_3^- \rightarrow \text{N}_2/\text{N}_2\text{O}$) и карбонизация ($\text{Ca}(\text{OH})_2 + \text{CO}_2 \rightarrow \text{CaCO}_3$), поддерживают буферные свойства и стабильный pH, что благоприятно влияет на рост растений.

Таким образом, положительное влияние аквариумной воды на рост травянистых растений обусловлено комплексным сочетанием питательных элементов, растворённых газов и органических веществ.

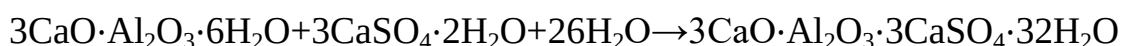
Потенциальное воздействие на бетон

1. Карбонизация:

Примечание: снижение щёлочности цементного камня, снижение защитных свойств бетона [5].

2. Сульфатная атака (этtringит):

Пояснение: реакция алюминатных фаз цемента с сульфатами приводит к образованию объёмного продукта — этtringита, вызывающего растрескивание [5, 7].

3. Хлоридная коррозия: Cl^- может разрушать защитный слой арматуры [5].

4. Высолы: перенос солей на поверхность при испарении воды [5].

Вывод:

- Химический состав аквариумной воды с удобрениями может воздействовать на цементные материалы [5, 8]:
- Карбонизация: CO_2 и HCO_3^- снижают щёлочность поверхности (CaCO_3);

- Сульфатная атака: SO_4^{2-} вызывает образование этtringита и микротрещины;
- Хлоридная коррозия: Cl^- разрушает защитный слой арматуры;
- Выщелачивание и накопление органических веществ ускоряет поверхностное разложение цементной матрицы [5, 8].
- В сравнении с водопроводной водой аквариумная вода более химически активна, особенно при регулярном внесении удобрений.

Рекомендации:

- Использовать воду как источник питательных веществ для растений, особенно при ограниченном доступе к удобрениям [1, 3];
- Контролировать концентрацию элементов, pH и минерализацию, чтобы избежать накопления солей и нитратов [2, 3];
- При контакте с бетоном применять защитные покрытия;
- Проводить длительные наблюдения за ростом растений и возможные изменения структуры бетонной матрицы [5, 8].

Список литературы

1. Калашникова Е.А., Шве́ц Д.А., Навро́цкая Э.В., Ки́ракосян Р.Н. Применение аэропоники для адаптации плодово-ягодных культур к условиям *ex vitro* // Лесохозяйственная информация. – 2020. – № 2. – С. 109–118.
2. Козырь А.В., Цвирко Л.С. Влияние аквапонного модуля на содержание азотистых соединений в тепловодных установках замкнутого водоснабжения при выращивании клариевого сома (*Clarias gariepinus*) // Вестник Полесского государственного университета. Серия природоведческих наук. – 2019. – № 1. – С. 87–94.
3. Николайкина Н.Е., Николайкин Н.И. Применение высшей водной растительности для доочистки сточных вод аэропортов // Научный вестник Московского государственного технического университета гражданской авиации. – 2020. – Т. 23, № 3. – С. 73–82.
4. Кумейко Ю.В. Влияние ингибитора нитрификации на показатели, характеризующие режим азотного питания растений риса // Рисоводство. – 2013. – № 1 (22). – С. 66–70.

5. Леонович С.Н., Шалый Е.Е., Литвиновский Д.А., Степанова А.В., Журавская А.В., Малюк В.В. Проникновение хлоридов в бетон: анализ экспериментальных исследований // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия F. Строительство. Прикладные науки. – 2022. – № 14. – С. 45–50.

6. Плеханова И.О., Куликов В.О., Шабает В.П. Влияние ризосферных бактерий на продуктивность растений пшеницы и поступление элементов из загрязненных почв // Вестник Московского университета. Серия 17. Почвоведение. – 2023. – № 3. – С. 76–82.

7. Серебренников А.И., Ковалев Н.В., Орлов А.А., Аверина Г.Ф., Кошелев В.А. Исследование стойкости хлормagneзиальных композитов к насыщенным сульфатами средам // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Строительство и архитектура. – 2023. – Т. 23, № 1. – С. 28–36.

8. Казанская Л.Ф., Майер В.А., Сибгатуллин Э.С. Взаимосвязь факторов, определяющих долговечность бетонов // Известия Петербургского университета путей сообщения. – 2024. – Т. 21, № 4. – С. 931–943.

© Шрайнер Ю.О., 2025

О РАЗРАБОТКЕ СИСТЕМЫ ДОКУМЕНТООБОРОТА ДЛЯ КОМПАНИИ

Щербатюк Анастасия Сергеевна
Жилейко Алёна Андреевна
Уланова Юлиана Андреевна
студенты
АНОО ВО «Воронежский институт
высоких технологий»

Аннотация: В работе дан анализ некоторых особенностей формирования системы документооборота для страховой компании. Представлена общая схема документооборота, которая требуется для клиента в страховой компании. Показана диаграмма компонентов разработанной информационной системы.

Ключевые слова: документооборот, компания, страхование.

ON THE DEVELOPMENT OF A DOCUMENT MANAGEMENT SYSTEM FOR THE COMPANY

Shcherbatyuk Anastasia Sergeevna
Zhileiko Alyona Andreevna
Ulanova Yuliana Andreevna

Abstract: The paper analyzes some features of the formation of a document management system for an insurance company. A general scheme of document flow that is required for a client in an insurance company is presented. A diagram of the components of the developed information system is presented.

Key words: document management, company, insurance.

Современные страховые организации работают с большим объёмом документов: договоры страхования, заявления, сканы водительских удостоверений, паспортов, ПТС, необходимые для оформления и продления полисов. Эффективное управление этими документами является важным условием надёжной работы страховой компании. Ручная обработка информации зачастую приводит к задержкам, ошибкам и потере данных, что

снижает уровень обслуживания клиентов и увеличивает операционные издержки [1].

Цель работы — разработка и внедрение информационной системы для автоматизации документооборота страховой организации на платформе, направленной на снижение трудозатрат, а также повышение точности и скорости обработки страховых документов.

На рис. 1 представлена общая схема документооборота, которая требуется для клиента в страховой компании.

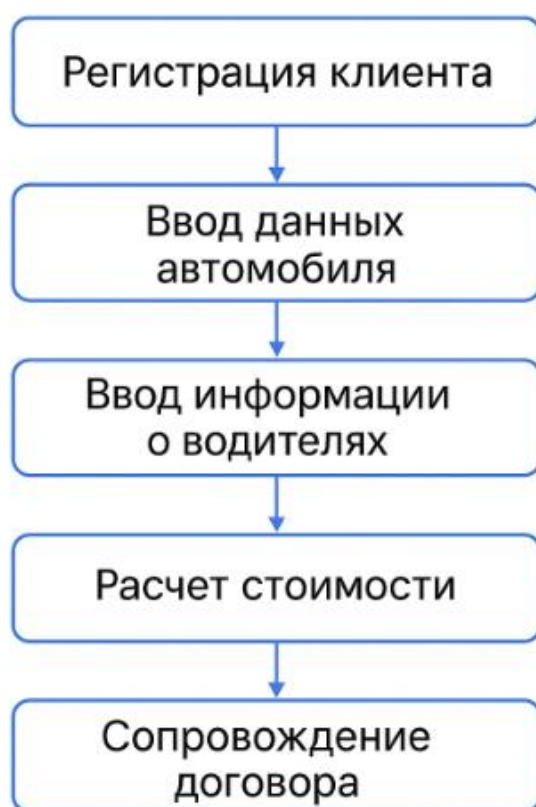

Рис. 1. Основные этапы документооборота в страховой организации

При формировании информационной системы для автоматизации документооборота страховой организации большое значение имеет обоснованный выбор методов и инструментов реализации. Мы должны учитывать особенности предметной области, а также необходимость работы с персональными данными и требования безопасности хранения документов. Кроме того, оказывают влияние критерии удобства пользовательского интерфейса и масштабируемости решения [2]. Основу реализации проекта

составляет использование платформы «1С:Предприятие 8.3», которая является одним из наиболее гибких и распространённых решений в ходе создания корпоративных информационных систем.

Интерфейс системы реализован на основе управляемых форм. Это обеспечивает удобное пользовательское взаимодействие с поддержкой операций фильтрации, сортировки, табличных представлений и гибких форм ввода. Для каждого ключевого справочника («Страхователи», «Автомобили», «Водители») созданы настраиваемые формы с учётом:

- обязательных и необязательных полей,
- возможности загрузки файлов,
- проверок форматов данных,
- отображения связанных записей.

В системе предусмотрена интеграция с внешними источниками данных. Для этого используются:

- HTTP-запросы,
- различные виды обработки JSON/XML-ответов,
- встроенные механизмы криптографии и электронной подписи.

На рис. 2 показана диаграмма компонентов. На ее основе можно проводить анализ архитектуры разрабатываемой информационной системы, характеристик автоматизации документооборота страховой организации. Диаграмма иллюстрирует взаимодействие ключевых модулей системы через центральный интерфейс «1С». В верхней части схемы располагается компонент «Пользователь», представляющий собой источник пользовательских действий. Он взаимодействует с компонентом «Интерфейс 1С», через который осуществляется доступ ко всем функциональным возможностям программы.

Ниже интерфейса расположены основные модули системы: «Модуль работы со страхователями», «Модуль работы с автомобилями», «Модуль работы с полисами», «Модуль хранения документов» и «Модуль уведомлений». Все модули напрямую связаны с компонентом «Интерфейс 1С», от которого получают команды и возвращают обработанные данные. Связи отображены стрелками и пунктирными линиями, обозначающими зависимость функциональных блоков от центральной логики управления [3].

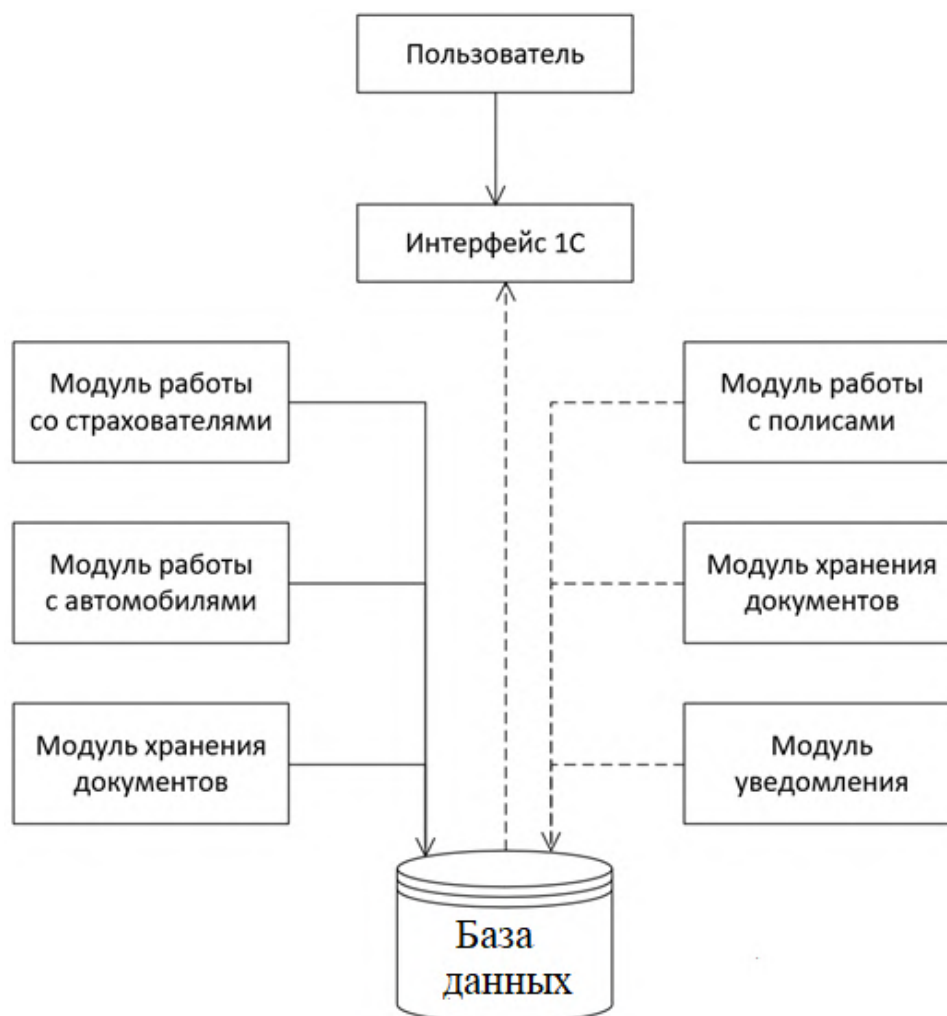

Рис. 2. Диаграмма компонентов информационной системы

В нижней части диаграммы размещён компонент «База данных», с которым взаимодействуют все модули. Через него осуществляется хранение информации о клиентах, транспортных средствах, страховых договорах и документах.

Таким образом, интерфейс «1С» выступает в роли центрального элемента. За счет него обеспечивается маршрутизация операций и организацию диалога между пользователем, бизнес-логикой и данными.

Вывод. Проведенный анализ показал, что с использованием предложенной информационной системы возникают возможности для того, чтобы были снижены трудозатраты, сокращались ошибки, обеспечивалось ускорение обслуживания клиентов. Система может быть интегрирована с внешними системами. В качестве дальнейшего совершенствования системы может быть совершенствование аналитических инструментов.

Список литературы

1. Альтварг М.С., Телегина В.О., Фирсова Е.А. Проблемы развития телекоммуникационной сферы // В сборнике: Будущее науки: взгляд молодых ученых на инновационное развитие общества. Сборник научных статей 2-й Всероссийской молодежной научной конференции. В 3-х томах. – Курск, 2024. – С. 339-341.
2. Нестерович И.В., Шаляпин Д.А., Мельников И.Ю., Плотников А.А. О проектировании систем передачи информации // В сборнике: Современное перспективное развитие науки, техники и технологий. сборник научных статей 2-й Международной научно-технической конференции. – Курск. – 2024. – С. 242-244.
3. Львович И.Я. О проблемах передачи информации в информационных системах // В сборнике: Оптимизация и моделирование в автоматизированных системах. Труды Международной молодежной научной школы. Отв. редактор Я.Е. Львович. – Воронеж, 2023. – С. 50-53.

© Щербатюк А.С., Жилейко А.А.,
Уланова Ю.А., 2025

ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРИМЕНЕНИЯ БЕЗГЛЮТЕНОВЫХ МУЧНЫХ СМЕСЕЙ ДЛЯ КОНДИТЕРСКИХ ИЗДЕЛИЙ

Балкыбекова Жулдыз Мараткызы

магистрант группы ТПП-25к(нп)

Научный руководитель: **Какенов Кайрат Саттуович**

к.т.н., профессор кафедры

«Товароведение и сертификация»

Карагандинский университет Казпотребсоюза

Аннотация: В данной статье представлен многокомпонентный подход к стабилизации текстуры и улучшению вкуса безглютеновых кондитерских изделий. Описаны принципы комбинирования мучных смесей (рисовая мука, тапиока, картофельный крахмал) с гидроколлоидами (ксантан, гуар, ГПМЦ, псиллиум) и источниками белка (сывороточный, яичный, соевый), роль баланса вода-жир-сахар и эмульгаторов, а также методы контроля газоудержания, вязкости и адгезии крахмала. Представлены оптимизация параметров выпечки, повышение активности воды и стабильности при хранении, пилотные испытания DOE и методы контроля качества. Представлены основные рецептуры хрустящего печенья и маффинов, а также предложены способы достижения воспроизводимых результатов в производственных масштабах.

Ключевые слова: безглютеновая мучная смесь, гидроколлоид, ксантан, ГПМЦ, псиллиум, синергия белков, эмульгатор.

TECHNOLOGICAL ASPECTS OF GLUTEN-FREE FLOUR MIXES FOR CONFECTIONERY

Balkybekova Zhuldyz Maratkyzy

Scientific adviser: **Kakenov Kairat Sattyovich**

Abstract: This article presents a multi-component approach to stabilizing the texture and improving the flavor of gluten-free confectionery products. It describes the principles of combining flour mixes (rice flour, tapioca, potato starch) with hydrocolloids (xanthan, guar, HPMC, psyllium) and protein sources (whey, egg, soy),

the role of water-fat-sugar balance and emulsifiers, as well as methods for controlling gas retention, viscosity, and starch adhesion. Optimization of baking parameters, increasing water activity and shelf stability, DOE pilot testing, and quality control methods are presented. Basic recipes for crispy cookies and muffins are presented, and methods for achieving reproducible results on a production scale are proposed.

Key words: gluten-free flour mix, hydrocolloid, xanthan, HPMC, psyllium, protein synergy, emulsifier.

Спрос на безглютеновые кондитерские изделия постоянно растёт в связи с ростом заболеваемости целиакией, непереносимостью глютена и тенденцией к здоровому питанию. Однако глютеносодержащие белки пшеничной муки решают реальные технологические задачи, придавая тесту эластичность, газоудерживающую структуру, влагосвязывающую способность и прочность изделий при выпечке. Поэтому разработка безглютеновых мучных смесей и их адаптация к технологиям кондитерского производства требуют сбалансированности рецептуры, правильного подбора функциональных гидроколлоидов и источников белка, а также точной настройки параметров обработки.

Технологическая роль глютена многогранна: он связывает крахмал и другие некристаллические компоненты через решетчатую структуру, улавливает пузырьки воздуха, действуя как поверхностно-активное вещество, и укрепляет эту структуру при выпечке. Глютен также обеспечивает эластичность и формуемость теста, определяя однородность объёма изделий и структуру нарезки. Основные стратегии, используемые для замены этих функций:

Углеводная матрица: Заменить функцию глютена одним видом муки невозможно, поэтому различные профили амилозы/амилопектина, такие как рисовая, кукурузная, тапиоковая, картофельный крахмал, сорго, овсяная (при необходимости, чистая, безглютеновая), позволяют добиться необходимых клеящих и адгезионных свойств путем смешивания различных видов муки. Например, рисовая мука придает легкий вкус и хорошую текстуру; тапиоковый или картофельный крахмал придает продукту эластичность и блестящую структуру; кукурузная мука влияет на сорбцию и загущение.

Гидроколлоиды — текстуризаторы: гидроколлоиды, такие как ксантан, гуар, ГПМЦ, псиллиум и альгинат натрия, связывают воду, увеличивают вязкость и способствуют образованию сетей. Ксантан и гуар при совместном

использовании обеспечивают высокую вязкость и усвояемость, в то время как ГПМЦ образует гель в таких продуктах, как печенье и кексы, в некоторой степени заменяя структуру пшеничной клейковины, образовавшуюся при нагревании. Шелуха псиллиума особенно эффективна: она образует тонкую сетчатую структуру благодаря высокому водопоглощению, помогая поддерживать влажность продукта. Выбор комбинации гидроколлоидов варьируется в зависимости от типа продукта и желаемой текстуры; концентрации обычно используются в низких процентах (несколько граммов/кг по весу), так как чрезмерное количество может привести к липкой, липкой и «резиновой» текстуре. Источники белка: белок необходимо добавлять, чтобы полностью заменить функциональность глютена. Яичные белки и желтки обеспечивают хорошие эмульгирующие и текстурирующие эффекты; Сывороточный белок (из пива) действует как коагулянт во время выпечки и помогает улавливать пузырьки газа; соевый и гороховый белки используются в качестве растительных альтернатив, а их поверхностная активность в сочетании с гидроколлоидами усиливает стабилизацию сети. Молекулярная природа белков и степень их изоляции определяют их компонентную роль: чистые белковые изоляты часто обеспечивают более высокую функциональность [1, с. 254-256].

Оптимизация жировой фазы: Жиры и эмульгаторы (лецитин, моно- и диглицериды) улучшают структуру теста, воздухоудерживающую способность и вкусовые качества продукта. Отделение жира перед выпечкой и тип эмульгаторов способствуют формированию кремообразной текстуры и мягкого мякиша. Количество жира в жире также влияет на влагоудерживающую способность и размягчающий эффект мякиша.

Баланс вода-жир-сахар и параметры процесса: Поскольку вязкость и адгезионные свойства безглютенового теста отличаются от таковых у традиционного пшеничного теста, необходимо тщательно контролировать подачу воды, последовательность замешивания, время замешивания, а также температуру/время выпечки. Увеличение содержания воды часто необходимо, поскольку крахмал и гидроколлоиды поглощают дополнительную воду; однако избыток воды увеличивает липкость смеси и затрудняет извлечение из формы. Для определения оптимальных параметров процесса рекомендуется проводить пилотные испытания и использовать методы планирования экспериментов (DOE) [2, с. 45-49].

Улавливание газа и контроль структуры сдвига: Основным механизмом улавливания газа является вязкоупругая матрица, образованная синергией гидроколлоидов и белков. Гелеобразующая способность ксантана и ГПМЦ в сочетании с адгезией крахмала во время выпечки образует структуру, состоящую из стабильных мелких оболочек. Тип и дозировка разрыхлителей (ржанные дрожжи или химические разрыхлители) также играют важную роль; например, для кексов обычно достаточно химических разрыхлителей (риспушкителей), в то время как для дрожжевого теста важны длительное время ферментации, контроль влажности и температуры. Обеспечение качества и срока годности: Безглютеновые продукты могут быстро меняться из-за влажности и активности воды. Регуляторы крахмала (ферменты, липазы) и антиоксиданты, а также надлежащие условия упаковки и хранения, необходимы для длительного сохранения текстуры и вкуса продукта. Кроме того, для надежного производства по регламентированным рецептурам должны быть внедрены стандартизированные добавки и процедуры контроля качества.

Технологические особенности по категориям продукции

Печенье из манной крупы и соболиные хлопья

Назначение: мелкорассыпчатая текстура, сливочный вкус.

Состав: белая рисовая мука 40–60%, крахмал (картофельный/тапиоковый) 20–40%, ксантановая камедь 0,2–0,4% и/или загуститель псиллиум 1–2%.

Высокая жировая фаза (20–30%), однородный сахарный песок.

Минимальное увлажнение до воды, без перемеса теста; охлаждение 20–30 мин.

Слоёное и слоено-слоёное тесто (выпечка)

Для получения газосодержащей текстуры требуется ГПМЦ или комбинация ксантана и гуара.

Сухая смесь: рисовая мука 35–45%, тапиоковый крахмал 25–35%, картофельный крахмал 10–20%, ГПМЦ 0,8–1,2%, соль 0,8–1,2%.

Процентное содержание воды должно составлять 85–110% (относительно мучной смеси); вводите охлажденные жировые слои, поддерживая температуру ниже 12°C.

Не вымешивайте тесто слишком долго; количество слоев должно быть 3×3 или 4×4, чтобы сохранить газоудерживающую способность.

Параметры процесса

Смешивание: образование глютена не происходит, поэтому чрезмерное перемешивание не обеспечивает эластичности, но увеличивает воздухоовлечение. Однако для гидратации гидроколлоидов требуется не менее 3–6 минут равномерного перемешивания.

Время гидратации: 10–20 минут отдыха теста/жидкого теста достаточно для полного впитывания влаги.

Температура: 18–22°C для сохранения пластичности жировой фазы; для слоёных изделий – ниже.

Выпечка: изначально постоянный тепловой поток; при использовании в формах необходимо смазывать маслом/пергаментом для предотвращения прилипания.

Стабилизация сенсорных характеристик и качества

Текстура: пористость и рассыпчатость контролируются с помощью анализатора текстуры и воды.

Вкус: безглютеновые зерна имеют свой собственный вкус; ванилин, молочные продукты и нотки обжарки обеспечивают баланс [3, с. 65-69].

Выдержка (ретроградация): крахмалы могут подвергаться быстрой рекристаллизации. Инвертный сахар, глицерин (1–2%), ферменты и оптимизация жировой фазы сохраняют мягкость продукта в течение длительного времени.

Хранение: активность воды в диапазоне 0,40–0,65 для хрустящих продуктов, 0,70–0,85 для мягких. Обеспечьте влагобарьер в упаковке.

Аллергены и аспекты безопасности

Перекрёстное загрязнение: Перекрёстное загрязнение представляет собой серьёзный риск для безглютеновых продуктов, поскольку даже небольшое количество глютена может оказывать неблагоприятное воздействие на здоровье людей с целиакией или повышенной чувствительностью к глютену. Поэтому крайне важно полностью исключить контакт с глютеносодержащими продуктами в процессе производства. Для этого важно использовать отдельные производственные линии, устанавливать эффективные фильтры для предотвращения распространения порошкообразной пыли в воздухе, строго соблюдать протоколы очистки и дезинфекции оборудования и организовывать отдельные зоны хранения для сырья и готовой продукции. Сотрудники также должны быть обучены этим правилам [4, с. 24-25].

Сертификация: Для производства продукта с маркировкой «без глютена» необходимо соответствовать международным стандартам по допустимым нормам. Как правило, для этого требуется содержание глютена менее 20 ppm (частей на миллион). Для выполнения этого требования всё сырьё, такое как мука, крахмал и другие добавки, должно иметь документацию (сертификаты продукции, результаты лабораторных исследований), подтверждающую отсутствие глютена. Необходимо постоянно контролировать безглютеновый статус продукта посредством регулярных проверок и испытаний.

Дополнительные аллергены: Если при производстве безглютеновых продуктов используются другие распространённые аллергены, такие как молоко, яйца, соя или орехи, они должны быть чётко указаны на этикетке продукта. Это необходимо для обеспечения безопасности потребителей и соблюдения требований законодательства.

Масштабирование производства и контроль качества

Вариабельность сырья: Партии безглютеновой муки и крахмалов (рисовой муки, тапиокового крахмала, картофельного крахмала и т. д.) разных производителей могут различаться по водопоглощению, размеру частиц, влажности и зольности. Эти различия существенно влияют на текстуру и качество готового продукта. Поэтому необходимо регулярно проверять такие параметры, как влажность, зольность и размер частиц, при поступлении сырья и контролировать их соответствие стандартам [5, с. 47-49].

Пилотные испытания (метод DOE): Перед внедрением новых рецептур в промышленное производство целесообразно провести пилотные испытания в небольшом масштабе. Метод планирования экспериментов (DOE) позволяет оптимизировать дозировку гидроколлоида, содержание воды, температуру варки и другие технологические параметры. Этот метод позволяет одновременно изучать влияние нескольких факторов на продукт и находить оптимальные сочетания, экономя время и ресурсы.

Рецепты и информация, представленные выше, наглядно демонстрируют роль, пропорции и параметры приготовления основных ингредиентов, используемых в безглютеновой выпечке. Сочетание крахмалов и муки придаёт продукту желаемую структуру и текстуру; гидроколлоиды, такие как ксантановая камедь или ГПМЦ, улучшают связующие и влагоудерживающие свойства; жир и яйца обеспечивают нежность и вкус; а разрыхлители обеспечивают желаемый объём и лёгкость. Температура и время выпечки могут

незначительно варьироваться в зависимости от рецепта и характеристик духовки, поэтому рекомендуется понаблюдать за первыми партиями и при необходимости скорректировать влажность, соотношение муки и жидкости и время приготовления.

Список литературы

1. Зубченко, А.В. Технология производства кондитерских изделий: Учебник для вузов / А.В. Зубченко. – Воронеж: ВГТА, 2021. – 432 с.
2. Керимов, В.Е. Производственный учет на кондитерских предприятиях: учебник и практическое пособие / В.Е. Керимов, Е.В. Минина. – М: Информационно-внедренческий центр «Маркетинг», 2021. – 115 с.
3. Лурье, И.С. Технология производства кондитерских изделий: учебник / И.С. Лурье. – М: Агропроизводство, 2021. – 399 с.: рис.
4. Богатырева Т.Г. Развитие биотехнологии чешского направления в области переработки нетрадиционного хлебопекарного сырья // Хлебопродукты. – 2022. – № 9. – С.34-35.
5. Puchkova L.I. Laboratory workshop on the technology of bakery production. – 4th ed., Rev. and add. – SPb.: GIORD, 2024. – 264 p. (in Russian).

© Балкыбекова Ж.М.

**СЕКЦИЯ
ЮРИДИЧЕСКИЕ
НАУКИ**

СРАВНЕНИЕ ИНСТИТУТА КРАЙНЕЙ НЕОБХОДИМОСТИ В ОТЕЧЕСТВЕННОМ И ЗАРУБЕЖНОМ УГОЛОВНОМ ПРАВЕ

Слободчиков Иван Федорович

магистрант 2 курса юридического факультета
Дальневосточный филиал ФГБОУ ВО «Всероссийская
академия внешней торговли Министерства
экономического развития Российской Федерации»

Аннотация: В статье проводится сравнительно-правовой анализ института крайней необходимости в уголовном праве Российской Федерации и стран англосаксонской системы (Англия, США). На основе диалектического, историко-правового и сравнительно-правового методов выявляются ключевые различия в доктринальных подходах, законодательной технике и правоприменительной практике.

Ключевые слова: крайняя необходимость, уголовное право, сравнительно-правовой анализ, обстоятельства, исключающие преступность деяния, выбор наименьшего зла, законодательная техника.

COMPARISON OF THE INSTITUTE OF EXTREME NECESSITY IN DOMESTIC AND FOREIGN CRIMINAL LAW

Slobodchikov Ivan Fedorovich

Abstract: The article provides a comparative legal analysis of the institution of extreme necessity in the criminal law of the Russian Federation and the countries of the Anglo-Saxon system (England, USA). Based on the dialectical, historical-legal, and comparative-legal methods, the article identifies key differences in doctrinal approaches, legislative techniques, and law enforcement practices.

Key words: extreme necessity, criminal law, comparative legal analysis, circumstances that exclude criminality, the choice of the lesser evil, and legislative technique.

Актуальность темы исследования обусловлена универсальным характером института крайней необходимости как инструмента разрешения

коллизии охраняемых законом интересов в экстремальных условиях. Однако его нормативная регламентация и доктринальное осмысление обладают значительной национальной спецификой, что требует глубокого компаративного изучения. В свою очередь, такое изучение позволяет выявить как общие закономерности, так и эффективные правовые решения, способные быть использованными для оптимизации отечественного правоприменения.

Целью работы является выявление и сравнение ключевых элементов института крайней необходимости в уголовном праве России, стран англосаксонской системы (на примере Англии и США) и в специальном контексте профессиональной деятельности. Методологическую основу составляют диалектический, историко-правовой, сравнительно-правовой и формально-юридический методы.

В российском уголовном праве крайняя необходимость традиционно определяется через ситуацию выбора «наименьшего зла», что следует из буквального толкования ст. 39 Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ). Так, А.А. Краснов, актуализируя доктринальное понимание, предлагает рассматривать ее как «уголовно-правовой институт, представляющий собой систему правовых установлений относительно правомочия на причинение вреда охраняемым интересам личности, общества и государства в ситуации возникновения реальной опасности» [1, с. 8]. Рассматривая историческую ретроспективу, автор выделяет семь ключевых периодов в развитии всего института обстоятельств, исключающих преступность деяния, где крайняя необходимость прошла путь от сужения в советский период до формализации в главе 8 действующего УК РФ [1, с. 6-7].

Согласно ст. 39 УК РФ, обстоятельствами, исключающими преступность деяния, являются: наличие реальной опасности; невозможность устранения ее иными средствами; недопустимость превышения пределов, когда причиненный вред явно не соответствует характеру и степени угрожавшей опасности [3, с. 29]. Вместе с тем, А.А. Краснов обращает внимание на пробел в законодательстве, обосновывая необходимость дополнения нормы указанием на учет фактора неожиданности возникновения опасности, исключающего ответственность, если лицо не имело возможности объективно оценить ее характер и степень [1, с. 19].

Значит, российская модель института крайней необходимости характеризуется системной интеграцией в кодифицированный акт и формальной четкостью общих условий правомерности, что является

отличительной чертой континентальной правовой семьи и создает предсказуемость для правоприменителя, но, как отмечают исследователи, порождает излишнюю оценочность и наличие законодательных пробелов, например, в части учета фактора внезапности.

Тогда как ключевой особенностью англосаксонского права является отсутствие унифицированного и кодифицированного подхода к систематизации обстоятельств, исключающих уголовную ответственность. Как указывает Д. Ризаева, в Англии и США данный институт не только не имеет четкого законодательного определения, но и лишен стройной системы, что делает его крайне специфичным и разрозненным [4, с. 3, 9]. Его содержание раскрывается преимущественно через судебные прецеденты, отдельные статуты и правовую доктрину, а сами обстоятельства чаще именуются «защитами». Данная фундаментальная особенность напрямую влияет на регулирование крайней необходимости, лишая его той законодательной четкости, которая свойственна континентальному праву, и предопределяя его казуистичность.

Так, в Англии законодательно закрепленный институт крайней необходимости в уголовном праве отсутствует. Однако Д. Ризаева предлагает понимать его в рамках английского права как «состояние лица, которое привело его к совершению преступления по причине невозможности другим способом защитить себя или общественные блага» [4, с. 17]. В свою очередь, суды относятся к данной защите с осторожностью, и ее применение существенно ограничено по сравнению с необходимой обороной. Изложенное позволяет прийти к выводу, что институт крайней необходимости в Англии разработан «совершенно недостаточно» [4, с. 18].

Философской основой позиции судов по делам, связанных с крайней необходимостью в английском праве, как отмечает В.В. Просолов, является классическая концепция «выбора из двух зол», когда избрание «меньшего зла» исключает «намеренную свободу действия» [5, с. 111]. Исторически данная защита рассматривалась в доктрине как родственная принуждению, поскольку оба обстоятельства «подавляют волю так, что человек совершает деяние, которое его рассудок отвергает» [5, с. 111]. Несмотря на эту теоретическую основу, на практике английские суды относятся к защите по причине крайней необходимости с осторожностью и ограничивают её применение. Судебная практика свидетельствует о том, что даже в ситуациях крайнего бедствия суды отказываются признавать правомерным лишение жизни невиновного лица, подчёркивая абсолютную недопустимость подобных действий [5, с. 111].

Аналогичный подход прослеживается и при посягательствах на собственность: суды отвергают ссылки на необходимость со стороны лиц, самовольно занимающих чужое жильё, указывая, что чрезмерно широкое толкование данного института способно привести к подрыву общественного порядка и правопорядка [5, с. 111].

В отличие от английского подхода, в США доктрина необходимости получила более детализированное нормативное закрепление. Согласно ст. 3.02 Примерного Уголовного кодекса США, поведение является правомерным, если лицо считает его необходимым для избежания большего вреда, при условии, что законодатель прямо не исключил такую защиту, а ситуация не была создана по вине самого лица [5, с. 112]. Аналогичные нормы, как указывает В.В. Просолов, содержатся и в законодательстве штатов, например, в § 35.05 УК штата Нью-Йорк, который в качестве условия правомерности называет перевес «желательности недопущения» угрожавшего вреда над вредом от нарушения закона [5, с. 113]. Таким образом, американская модель, формализуя условия применения крайней необходимости, в большей степени ориентируется на рациональную оценку баланса интересов и соображения «общественной пользы» [5, с. 113].

Проведенный анализ позволяет выделить существенные различия не только с российским правом, но и внутри самой англосаксонской системы. Если в Англии позиция судов по делам, связанным с необходимостью, остается сугубо казуистичной и применяется судами с крайней неохотой, то в США имеется более высокий уровень теоретической проработанности и систематизации. Однако Примерный уголовный кодекс США не является общеобязательным нормативным актом, а представляет собой лишь модель для возможного заимствования. Фактическое регулирование вопросов крайней необходимости существенно различается в зависимости от законодательства конкретных штатов. Американский подход, сохраняя прецедентную основу, стремится к большей правовой определенности и прагматизму, ориентируясь на рациональную оценку баланса интересов и соображений общественной пользы.

Особой дискуссионной проблемой в обеих правовых системах остается вопрос о допустимости причинения смерти в состоянии крайней необходимости. Если в Англии она категорически запрещена, за исключением узкой сферы медицинской необходимости [5, с. 111-112], то в США Верховный Суд также придерживается жесткой позиции, исключая возможность

оправдания действий, направленных на спасение одной жизни ценой другой [5, с. 112]. В то же время судебная практика отдельных дел свидетельствует о том, что суды могут учитывать исключительные обстоятельства произошедшего, смягчая квалификацию содеянного и назначая менее строгое наказание [5, с. 112], что указывает на поиск компромисса между буквой закона и обстоятельствами конкретного дела.

Отличительной чертой подхода США, выделяемой в исследовании, является детальная казуальная регламентация оснований для правомерного причинения вреда. В американском законодательстве, в отличие от российской модели, классическое понимание необходимой обороны и, по аналогии, крайней необходимости существенно расширено. Как указывает Д. Ризаева, уголовное право США различает несколько видов «защиты» по критерию охраняемого блага: применение силы при самозащите, защите других лиц, защите имущества и при исполнении закона [4, с. 10]. Такой дифференцированный подход позволяет более гибко регулировать правомерность действий в условиях вынужденной необходимости.

Еще одним важным аспектом, является проблема малозначительности (*de minimis*) в контексте обстоятельств, исключающих ответственность. В английском праве, как констатирует автор, отсутствует законодательное определение как самого преступления, так и малозначительности деяния, что восполняется лишь доктринальными трудами и судебными определениями [4, с. 19]. В США, несмотря на формальное определение преступления в уголовных кодексах многих штатов, также не содержится понятия малозначительности, однако на практике разработаны критерии, при наличии которых деяние может быть признано таковым, что служит основанием для прекращения уголовного преследования [4, с. 23]. Данная проблема тесно сопрягается с институтом крайней необходимости, так как в обоих случаях речь идет о социально приемлемом или незначительном причинении вреда.

Наряду с изложенным, в США регулирование является более детализированным. Отметим также, что суть крайней необходимости в американской доктрине состоит в «принципе выбора наименьшего зла», причем, в отличие от России, этот институт чаще связывается с действием сил природы. Уголовно-правовая доктрина США четко определяет условия правомерности, круг источников опасности и иные обстоятельства, что находит отражение в уголовном законодательстве США.

В дополнение к вышесказанному стоит обратить внимание на специфику реализации крайней необходимости в профессиональной сфере. О. Н. Дунин, исследуя уголовную ответственность медицинских работников, раскрывает особенности применения данного института в медицине. Он указывает, что ввиду схожести симптомов различных заболеваний критерий реальности опасности для медиков должен трактоваться расширительно: причинение вреда должно считаться правомерным, «если реальной опасности не было, но исходя из объективных обстоятельств медицинский работник мог сделать вывод о наличии опасного заболевания» [6, с. 22].

Выявленные различия в конструировании института крайней необходимости являются частным проявлением более общей закономерности, характеризующей разрыв между континентальной и англосаксонской правовыми семьями. Эта закономерность ярко прослеживается и в смежных институтах, в частности, в освобождении от уголовной ответственности. Как отмечает Г.С. Мишугис-Бекер, в странах Западной Европы и США данный институт фактически замещен отказом от уголовного преследования, основанным на принципе целесообразности и часто направленным на урегулирование конфликта между сторонами [7, с. 52]. Данный прагматичный, диспозитивный подход, делегирующий значительные полномочия прокурору и суду, системно соотносится с казуистичной и прецедентной природой «защит» в англо-американском праве, включая и крайнюю необходимость. В то же время, кодифицированный, формально-определенный характер российской модели крайней необходимости коррелирует с таким же системным и закрепленным в УК РФ институтом освобождения от уголовной ответственности, что подчеркивает глубинное единство континентального подхода к структурированию уголовно-правовых норм.

Проведенное сравнительно-правовое исследование позволяет сделать основной вывод о том, что ключевое отличие института крайней необходимости в уголовном праве России и стран англосаксонской системы (Англии и США) заключается в методе его правового регулирования и степени системной формализации.

В Российской Федерации, как представителе континентальной правовой семьи, данный институт системно интегрирован в структуру Общей части Уголовного кодекса (глава 8 УК РФ), что обеспечивает формальную четкость и единый перечень условий правомерности (ст. 39 УК РФ), однако страдает излишней оценочностью формулировок и отсутствием специальных составов за превышение его пределов.

В отличие от этого, в Англии и США институт необходимости формируется преимущественно в рамках прецедентного права, что обуславливает его казуистичность и отсутствие единой законодательной конструкции. Однако и здесь наблюдается отклонение: английский подход краток и консервативен, о чем свидетельствует жесткая позиция судов, практически отрицающая данную защиту в случаях посягательства на жизнь и собственность. Американская модель, напротив, демонстрирует тенденцию к детализированной нормативной регламентации (ст. 3.02 Примерного УК США, § 35.05 УК Нью-Йорка), позволяющей более гибко учитывать баланс охраняемых благ и соображения публичной пользы.

Таким образом, обоснованно утверждать, что российский институт крайней необходимости отличается системной кодификацией, англо-американский – прецедентной природой, при этом внутри последнего английская практика характеризуется рестриктивностью, а американская – частичной нормативной детализацией и прагматизмом. Дальнейшее совершенствование отечественной нормы видится в заимствовании позитивных элементов из опыта США, а именно в детализации условий правомерности и введении в УК РФ дифференцированной ответственности за превышение пределов крайней необходимости по аналогии со ст. 108 и 114 УК РФ.

Список литературы

1. Краснов, А.А. Реализация института обстоятельств, исключающих преступность деяния, в деятельности органов внутренних дел : специальность 00.00.00.00 «Другие специальности» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Краснов Артур Александрович ; ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет». — Краснодар, 2024. — 235 с.
2. Власенко В.В. Освобождение от уголовной ответственности при совершении преступлений против физической свободы человека: проблемы законодательной регламентации и практического применения // Российский судья. - 2021. - № 6. - С. 26 - 33.
3. Сизо, З.М. Уголовно-правовое регулирование в условиях пандемии: проблемы теории и практики : специальность 5.1.4. «Уголовно-правовые науки» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук

наук / Сизо Заур Махмудович ; ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет». — Краснодар, 2023. — 211 с.

4. Ризаева, Дана Обстоятельства, исключаящие уголовную ответственность в Англии и США : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Ризаева Дана ; ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов». — Москва, 2021. — 220 с.

5. Просолов В.В. О необходимости в англо-американском уголовном праве / В. В. Просолов // Уголовная политика: теория и практика. – 2014. – № 1(47). – С. 111–113.

6. Дунин, О.Н. Уголовная ответственность медицинских работников за преступления против жизни : специальность 00.00.00.00 «Другие специальности» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Дунин Олег Николаевич ; ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет». — Казань, 2023. — 208 с.

7. Мишугис-Бекер Г.С. Институт освобождения от уголовной ответственности в зарубежных странах // Российский следователь. 2024. N 5. С. 52 - 56.

© Слободчиков И.Ф.

**ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ПРИМЕНЕНИЯ
ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫХ ОБЕСПЕЧИТЕЛЬНЫХ МЕР
ЗАЩИТЫ В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ**

Гордеев Сергей Витальевич

курсант

Политов Георгий Константинович

курсант

Научный руководитель: **Шкарин Андрей Юрьевич**

к.э.н., доцент, преподаватель

ФГКВОУ ВО «Военный университет

имени князя Александра Невского»

Министерства обороны Российской Федерации

Аннотация: В данной статье рассматриваются вопросы, связанные с применением предварительных обеспечительных мер в гражданском процессе. Вместе с этим, в данной работе предлагаются возможные пути совершенствования применения данных мер для защиты прав и свобод граждан.

Ключевые слова: предварительные обеспечительные меры, обеспечительные меры, гражданский процесс, права, свободы.

**PROBLEMATIC ISSUES OF APPLYING PRELIMINARY
SECURITY MEASURES IN CIVIL PROCEEDINGS**

Gordeev Sergey Vitalievich

Politov Georgy Konstantinovich

Scientific adviser: **Shkarin Andrey Yurievich**

Abstract: This article discusses issues related to the application of preliminary security measures in civil proceedings. In addition, this work suggests possible ways to improve the application of these measures to protect the rights and freedoms of citizens.

Key words: preliminary interim measures, interim measures, civil procedure, rights, freedoms.

Согласно 2 статьи Конституции Российской Федерации человек, его права и свободы признаются высшей ценностью в Российской Федерации. В частности, на защиту прав и законных интересов человека направлено действие всех материальных и процессуальных правовых отраслей и институтов [1]. При этом исключением не является и гражданско-процессуальное право, задачами которого выступают правильное и своевременное рассмотрение и разрешение гражданских дел для защиты нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов граждан, организаций.

Для достижения указанной выше задачи, Гражданским процессуальным кодексом Российской Федерации (далее – ГПК РФ) предусмотрено большое количество правовых средств, которые активно используются как государством, так и самими гражданами в рамках самозащиты [2]. Одним из таких правовых средств выступает возможность применения предварительных обеспечительных мер, которые выполняют важную превентивную функцию, позволяя разрешить правовой спор без подачи искового заявления в суд.

Вместе с этим, на практике применение предварительных обеспечительных мер вызывает некоторые проблемные вопросы, как общего, так и прикладного характера. Более того, несвоевременное решение данных проблем не позволяет эффективно защищать права и законные интересы граждан и организаций.

На основании всего вышесказанного, представляется возможным провести небольшое исследование, результаты которого будут отражены в данной работе. Целью данной работы является рассмотрение проблемных вопросов применения предварительных обеспечительных мер и поиск путей их решения. Для достижения поставленной цели следует ответить на два основных вопроса.

1. В чем заключается правовая сущность предварительных обеспечительных мер?

2. Какие проблемные вопросы связаны с применением предварительных обеспечительных мер, и каким образом их можно решить?

На сегодняшний день, понятие предварительных обеспечительных мер не закреплено в ГПК РФ. Тем не менее, анализ различных доктринальных источников позволяет заключить, что под предварительными обеспечительными мерами понимается совокупность мер, направленных на

обеспечение защиты прав и законных интересов граждан и организаций, принимаемых судом до предъявления иска.

Впервые данный правовой институт был введен в отечественную правовую систему в советский период. В частности, предварительные обеспечительные меры закреплены в ст. 198 ГПК РСФСР 1923 года, согласно которой лица могли обратиться в суд с заявлением о принятии мер, обеспечивающих удовлетворение их требований. Тем не менее, впоследствии законодатель исключил предварительные обеспечительные меры из гражданского процесса. После этого, институт предварительных обеспечительных мер был вновь введен лишь в 2013 году, посредством закрепления единственной нормы в ГПК: ст. 144.1, ограничивающий сферу применения предварительных обеспечительных мер единственной категорией дел – о защите исключительных прав на фильмы, в том числе кинофильмы, телефильмы, в информационно-телекоммуникационных сетях, в том числе в сети Интернет [3].

Для применения предварительных обеспечительных мер в рамках современного гражданско-процессуального законодательства необходимо соблюсти ряд условий. Более того, нельзя забывать, что согласно ст. 144.1 ГПК РФ предусматривается исключение, которое распространяется на права на фотографические произведения и произведения, полученные способами, аналогичными фотографии, в информационно-телекоммуникационных сетях, в том числе в сети «Интернет» [4].

Во-первых, фактическим основанием для принятия судом предварительных обеспечительных мер защиты является заявление, которое подается в электронной форме и должно быть подписано усиленной квалифицированной электронной подписью.

Во-вторых, при подаче заявления гражданин самостоятельно собирает и представляет в суд материалы, которые могут свидетельствовать о нарушении его прав в информационно-телекоммуникационных сетях.

В-третьих, законодательство предусматривает сроки, в период которых заявитель обязан предоставить весь необходимый пакет документов. В противном случае, суд отменяет действие предварительных обеспечительных мер.

В-четвертых, с применением предварительных обеспечительных мер нередко связаны случаи нарушения прав и законных интересов третьих лиц, что часто служит поводом для возникновения множества судебных разбирательств и тяжб.

Таким образом, все вышеуказанное позволяет сделать вывод, что применение предварительных обеспечительных мер в гражданском процессе имеет ряд особенностей. Более того, при реализации норм данного правового института возникает ряд проблемных и затруднительных вопросов. В целях их преодоления представляется необходимым провести ряд мероприятий.

Прежде всего, в целях избежание расширительного нормативного толкования и всевозможных злоупотреблений правами, необходимо предусмотреть нормативное закрепление понятия «предварительные обеспечительные меры». В частности, следует внести дополнение в ст. 144.1 ГПК РФ: «Под предварительными обеспечительными мерами понимается совокупность установленных федеральным законодательством мероприятий, применяемых судом в целях защиты прав и законных интересов граждан и организаций до непосредственной подачи иска».

Также, в силу актуальности темы предварительных обеспечительных мер, необходимо расширить пределы их применения. В частности, следует санкционировать их применения для защиты не только авторских и смежных прав в интернете, но и других сфер правомочий граждан и организаций.

Помимо этого, нужно предусмотреть единый порядок и перечень необходимых документов для подачи предварительных обеспечительных мер. Более того, необходимо предусмотреть специальные нормы, действие которых будет защищать права третьих лиц, которые могут пострадать в результате применения норм данного правового института.

Помимо всего прочего, было бы целесообразным ввести единые критерии стоимостной оценки, на основании которых будет измеряться ущерб, что позволит более быстро и эффективно рассчитывать убытки.

Таким образом, на основании всего вышесказанного, необходимо заключить, что применение предварительных обеспечительных мер нередко влечет за собой множество проблем, от конструктивного решения которых зависит эффективная защита прав граждан.

К сожалению, данная тема является довольно объемной, и полностью раскрыть её в рамках данной статьи не представляется возможным. Тем не менее, особая ценность данного процессуального средства защиты проявляется в тех случаях, «когда задержка с принятием обеспечительных мер даже на несколько часов после того, как в них возникла потребность, могут сделать и предъявление иска, и его удовлетворение бессмысленным».

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. № 144. 04.07.2020.
2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.
3. Вагузова М.В. Актуальные проблемы применения обеспечительных мер в гражданском и арбитражном процессах: современный взгляд // Вестник науки. 2024. № 3. С. 239-243.
4. Красильников А.В. Наложение ареста на имущество: некоторые аспекты развития теории, совершенствования законодательного регулирования и практики применения // Законы России: опыт, анализ, практика. 2024. № 3. С. 42-49.
5. Манько Е.А. Обеспечительные меры (понятие и классификация) // В сборнике: Юридическая наука в XXI веке: актуальные проблемы и перспективы их решений. Сборник научных статей по итогам работы десятого круглого стола со Всероссийским и международным участием. 2021. С. 41-43.
6. Фетюхин М.В. Классификация обеспечительных мер в арбитражном процессе. Актуальные проблемы гражданского права и процесса: сборник материалов Международной научно-практической конференции; под ред. Д.Х. Валеева, М.Ю. Чельшева. Вып. 1. М.: Статут, 2022. С. 316-319.

© Гордеев С.В., Политов Г.К., 2025

СЕКЦИЯ МЕДИЦИНСКИЕ НАУКИ

РОЛЬ МЕДИЦИНСКИХ СЕСТЕР В УХОДЕ ЗА ПАЦИЕНТАМИ С ОСТРЫМ ИНФАРКТМ МИОКАРДА

Быстрова Дарья Юрьевна

Маринин Дмитрий Анатольевич

Румянцева Виктория Александровна

студенты

Научный руководитель: **Пантюхин Дмитрий Витальевич**

преподаватель

ГБПОУ «Медицинский колледж № 2»

Аннотация: Данная статья посвящена исследованию роли медицинской сестры в реабилитации пациентов, перенесших инфаркт миокарда. В рамках исследования были рассмотрены теоретические аспекты патологии, проанализированы программы реабилитационных мероприятий на различных этапах лечения, а также проведено анкетирование пациентов с перенесенным инфарктом миокарда и сотрудников сестринского персонала кардиологического отделения. По итогам работы разработаны рекомендации для медицинских сестер и пациентов, направленные на повышение качества жизни в постинфарктный период. Подчеркивается ключевая роль медицинских сестер в ведении и лечении пациентов с острыми коронарными синдромами (ОКС), что обусловлено их непосредственным контактом с пациентами и возможностью раннего выявления угрожающих состояний.

Ключевые слова: комплексная система помощи, высококачественный сестринский уход, сестринский процесс, острый инфаркт миокарда.

THE ROLE OF NURSES IN CARING FOR PATIENTS WITH ACUTE MYOCARDIAL INFARCTION

Bystrova Darya Yurievna

Marinin Dmitry Anatolyevich

Rumyantseva Victoria Alexandrovna

Scientific adviser: **Pantyukhin Dmitry Vitalievich**

Abstract: This article is devoted to the study of the role of a nurse in the rehabilitation of patients who have suffered a myocardial infarction. The study

examined the theoretical aspects of pathology, analyzed rehabilitation programs at various stages of treatment, and conducted a survey of patients with myocardial infarction and staff of the nursing staff of the cardiology department. Based on the results of the work, recommendations have been developed for nurses and patients aimed at improving the quality of life in the post-infarction period. The key role of nurses in the management and treatment of patients with acute coronary syndromes (ACS) is emphasized, due to their direct contact with patients and the possibility of early detection of threatening conditions.

Key words: comprehensive care system, high-quality nursing care, nursing process, acute myocardial infarction.

Введение

Сердечно-сосудистые заболевания (ССЗ) на протяжении десятилетий остаются ведущей причиной заболеваемости, инвалидности и смертности взрослого населения в глобальном масштабе. Согласно оценкам ВОЗ, в 2022 году от ССЗ умерло 19,8 миллиона человек, что соответствует трети (32%) всех случаев смерти в мире. Подавляющее большинство этих смертей (85%) произошло в результате инфаркта миокарда и инсульта.

Актуальность данного исследования обусловлена тем, что по данным ВОЗ, показатели смертности в России от кардиоваскулярных патологий, особенно среди лиц трудоспособного возраста, значительно превышают аналогичные показатели в большинстве европейских стран. Ишемическая болезнь сердца (ИБС), являющаяся основной причиной смертности в структуре ССЗ, в России распространена шире, чем в странах Европы. Распространенность ИБС прогрессивно увеличивается с возрастом, у женщин с 0,1-1% в возрасте 45-54 лет до 10-15% в возрасте 65-74 лет, а у мужчин с 2-5% в возрасте 45-54 лет до 10-20% в возрасте 65-74 лет.

Подавляющее большинство случаев ССЗ можно предотвратить путем целенаправленных действий в отношении ключевых поведенческих факторов риска. К ним относятся табакокурение, нерациональное питание (включая избыточное потребление соли, сахаров и насыщенных жиров), ожирение, гиподинамия, чрезмерное употребление алкоголя. Для лиц, уже страдающих ССЗ или входящих в группу высокого риска, критически важны раннее выявление и своевременное оказание помощи. Эта помощь включает не только медикаментозную терапию, но и консультирование по вопросам изменения образа жизни. Систематическое обследование пациентов позволяет выявить

группы, нуждающиеся в наиболее активных профилактических мероприятиях, и является первым шагом на пути к индивидуализированному ведению пациента.

На этом фоне деятельность медицинской сестры в организации ухода за пациентами с инфарктом миокарда приобретает особую значимость, так как именно на сестринский персонал ложится основная нагрузка по практической реализации, как профилактических мер, так и мероприятий по реабилитации и уходу.

Предмет нашего исследования: специфика и ключевые аспекты сестринской деятельности при ведении пациентов с инфарктом миокарда.

Наиболее значимый вклад медицинской сестры проявляется в процессе реабилитации и вторичной профилактики, который начинается в стационаре и продолжается в амбулаторных условиях. Именно на этом этапе реализуется образовательная и мотивационная функция сестринского персонала.

Материалы и методы исследования

Для достижения поставленной данной работой цели было проведено исследование с применением метода анкетирования. Работа выполнялась в два этапа:

1. Теоретический этап: анализ научной литературы и нормативно-методической документации по проблеме организации сестринской помощи при остром инфаркте миокарда (ОИМ).

2. Практический этап: проведение анкетирования двух независимых групп респондентов для оценки ключевых аспектов организации сестринской деятельности.

Практическая часть исследования была проведена в период с 06.10.2025 по 24.10.2025 на базе двух учреждений: для анкетирования будущих специалистов: ГБПОУ «Медицинский колледж № 2». Для анкетирования пациентов: Кардиологическое отделение НИИ скорой помощи им. Н.В. Склифосовского.

В исследовании приняли участие две репрезентативные группы:

Группа 1 (оценка компетенций): 45 студентов 2-3 курсов, обучающихся по специальности «Сестринское дело» по очной и очно-заочной формам обучения. Выборка целевая (нерандомизированная), включение в выборку осуществлялось на основе согласия респондентов.

Группа 2 (оценка качества помощи): 50 пациентов (25 мужчин и 25 женщин), находящихся на этапе лечения после перенесенного ОИМ.

Критерии включения: верифицированный диагноз ОИМ, ясное сознание и способность к коммуникации, добровольное информированное согласие на участие. Стратификация по полу проведена для обеспечения репрезентативности и возможности последующего сравнительного анализа.

Инструменты сбора данных

Основным методом эмпирического исследования было анкетирование. Для его проведения были разработаны два авторских опросника, содержание которых соответствовало задачам работы:

Анкета для студентов содержала 11 вопросов. Цель анкеты – оценка самооценки готовности будущих медицинских сестер к осуществлению образовательной и реабилитационной деятельности с пациентами кардиологического профиля.

Вопросы анкетирования для студентов:

1. Знакомы ли Вам основные принципы медицинской реабилитации пациентов после перенесенного инфаркта миокарда? (Да/Нет/Частично)
2. Обучаете ли Вы пациентов технике измерения и самоконтроля артериального давления перед переводом на следующий этап лечения? (Да, систематически/Нет/Иногда)
3. Обучаете ли Вы пациентов технике измерения и контроля частоты пульса? (Да, систематически/Нет/Иногда)
4. Разъясняете ли Вы пациентам план продолжения восстановительного лечения после выписки из стационара? (Да, в полном объеме/Нет/Частично)
5. Оказываете ли Вы психологическую поддержку пациенту при наличии страха перед повторным инфарктом? (Да, всегда/Да, в отдельных случаях/Не оказываю)
6. Обучаете ли Вы пациентов принципам дозированного расширения двигательной активности? (Да, систематически/Нет/Иногда)
7. Даете ли Вы пациенту индивидуальные рекомендации по допустимым и противопоказанным физическим нагрузкам с учетом его состояния? (Да/Нет/Частично)
8. Проводите ли Вы беседы с пациентами о коррекции факторов риска и необходимости изменения образа жизни? (Да, регулярно/Да, эпизодически/Не провожу)
9. Даете ли Вы рекомендации родственникам пациента по вопросам ухода после выписки из стационара? (Да, всегда/Нет/Иногда)
10. Обучаете ли Вы пациентов мерам вторичной профилактики повторного инфаркта миокарда? (Да, систематически/Нет/Иногда)

11. Занимаетесь ли Вы санитарно-просветительской работой среди пациентов отделения? (Да, на постоянной основе/Да, от случая к случаю/Не занимаюсь)

Анкета для пациентов содержала 12 вопросов, направленных на получение обратной связи о качестве и полноте сестринского ухода.

Вопросы анкетирования для пациентов:

1. Получили ли Вы полную информацию о факторах риска и профилактике повторного инфаркта? (Да, в полном объеме/Нет/Информация была частичной)

2. Проводились ли с Вами целенаправленные беседы о необходимости отказа от курения? (Да/Нет)

3. Получили ли Вы детальные рекомендации по диетическому питанию? (Да, полностью/Нет/Только общие рекомендации)

4. Разъясняли ли Вам правила приема назначенных лекарственных препаратов (дозировка, время, побочные эффекты)? (Да, подробно/Нет/Только частично)

5. Ознакомили ли Вас с индивидуальным планом реабилитации после выписки? (Да, план представлен полностью/План обсудили только в общих чертах/Рекомендаций по реабилитации не давали)

6. Как Вы оцениваете качество сестринского ухода в период постельного режима? (Отлично/Хорошо/Удовлетворительно)/Неудовлетворительно)

7. Как Вы оцениваете психологическую поддержку со стороны среднего медицинского персонала? (Отлично/Хорошо/Удовлетворительно)

8. Обучили ли Вас методикам контроля состояния (измерение пульса, распознавание симптомов) и правилам дозирования физической нагрузки? (Да, обучение было полным и понятным/Обучение было поверхностным/Нет)

9. В целом, удовлетворены ли Вы отношением к Вам со стороны медицинских сестер? (Да, полностью/Скорее да, чем нет/Скорее нет/Нет, совершенно не удовлетворен(а))

10. Насколько Вы следуете комплексу рекомендованных лечебных упражнений? (Выполняю в полном объеме/Выполняю частично/Не выполняю)

11. Намерены ли Вы неукоснительно соблюдать все врачебные предписания после выписки? (Да, обязательно/Буду стараться, но не во всем/Нет, не считаю нужным)

12. Как в целом Вы оцениваете эффективность реабилитации? (Высокая эффективность/Удовлетворительно/Низко/Затрудняюсь ответить)

Результаты и их обсуждение

Настоящее исследование было направлено на комплексный анализ организации деятельности среднего медицинского персонала при ведении пациентов с инфарктом миокарда. Для этого были получены и проанализированы данные от двух ключевых групп респондентов: будущих медицинских сестер и пациентов, перенесших ИМ.

Результаты анкетирования будущих медицинских сестер

Анализ самооценки профессиональных компетенций среди 45 опрошенных студентов выявил формально очень высокий уровень готовности к работе. Данные представлены в Таблице 1.

Таблица 1

Распределение ответов студентов на вопросы анкеты

Параметр оценки	Вариант ответа «Всегда / Да»	Вариант ответа «Частично»	Вариант ответа «Нет»
Знание принципов реабилитации	100%	0%	0%
Обучение техники измерения АД и пульса	100%	0%	0%
Разъяснение плана лечения	100%	0%	0%
Оказание поддержки	95%	5%	0%
Работа с родственниками пациента	95%	5%	0%

Подавляющее большинство респондентов (100%) показали осведомленность в области основных принципов медицинской реабилитации после ИМ и навыков обучения пациентов. Наименее абсолютными, хотя и остающимися исключительно высокими, оказались результаты в сфере работы с окружением пациента и оказания психологической поддержки (95,6%). Статистический анализ ответов показал, что доля положительных ответов статистически значимо превышает условный порог в 90% ($p < 0.05$).

Это означает, что высокая самооценка компетенций не является случайной. Однако стопроцентные показатели по большинству позиций с высокой долей вероятности указывают на наличие «эффекта социальной

желательности». Для получения более объективной картины в дальнейших исследованиях целесообразно дополнять анкетирование методами прямого наблюдения.

Результаты анкетирования пациентов

Оценка качества сестринской помощи с точки зрения 50 пациентов кардиологического отделения показала исключительно высокий уровень удовлетворенности по всем ключевым параметрам (Таблица 2).

Таблица 2

Оценка пациентами качества сестринского ухода

Критерий оценки	Положительная оценка «Да, полностью», «Отлично»)	Нейтральная / Частичная оценка	Отрицательная оценка
Информирование о факторах риска	100%	0%	0%
Качество ухода в период постельного режима	96%	4%	0%
Психологическая поддержка	94%	6%	0%
Готовность соблюдать предписания после выписки	98%	2%	0%
Выполнение назначений в стационаре	92%	8%	0%

Анализ выявил статистически значимые различия в распределении положительных ответов между вопросами ($p < 0,01$). Это подтверждает, что хотя общий уровень удовлетворенности высок, пациенты по-разному оценивают отдельные компоненты ухода.

Наивысшие оценки (100% положительных ответов) были получены по информированию о факторах риска, беседам о курении и общему отношению медсестер. Доля в 100% статистически значимо ($p < 0.05$) отличается от долей по другим вопросам, что подчеркивает безупречное выполнение этих аспектов работы.

Несколько более низкие оценки (92%-98%) были зафиксированы в области разъяснения плана реабилитации, правил приема лекарств и обучения самоконтролю.

Сравнительный анализ и интеграция результатов

Проведенное исследование позволило получить две перспективы на одну и ту же проблему. Обе группы продемонстрировали позитивную оценку ситуации. Высокая самооценка компетенций будущих медсестер в целом соответствует высочайшим оценкам качества работы действующих медсестер со стороны пациентов.

Для интегративной оценки был проведен сравнительный анализ долей положительных ответов между группами по схожим параметрам. Например, 100% студентов заявили о систематическом обучении пациентов контролю АД и пульса, а среди пациентов 92% подтвердили, что получили полное и понятное обучение этим навыкам. Статистический анализ не выявил значимого различия ($p>0,05$) между самооценкой студентов и оценкой пациентов по данному параметру. Эта тенденция наблюдалась и по другим схожим вопросам, что указывает на адекватность самооценки будущих специалистов и согласованность восприятия качества услуг.

Полученные данные полностью согласуются с выводами теоретического обзора литературы. Реализация роли медсестры как педагога и психолога на практике, что подтвердило анкетирование, напрямую влияет на мотивацию пациентов. Высокая приверженность лечению (98% пациентов готовы соблюдать предписания) является ключевым результатом этого влияния.

Обсуждение и рекомендации

На основе анализа анкетирования пациентов, которые продемонстрировали высокую удовлетворенность, но также выявили зоны для точечного улучшения (например, глубина разъяснений), предлагается:

- Стандартизация обучающего консультирования пациентов. Рекомендуется разработать и внедрить в отделении единый чек-лист ключевых тем для беседы медицинской сестры с пациентом перед выпиской. Чек-лист должен включать:

1. Разбор индивидуальной схемы медикаментозной терапии (дозировки, время приема, возможные побочные эффекты).

2. Четкий алгоритм действий при возникновении боли в грудной клетке или других тревожных симптомах.

3. План постепенного увеличения физической активности с примерами допустимых упражнений.

4. Углубление психологической поддержки.

Рекомендации для пациентов, перенесших острый инфаркт миокарда:

- Самоконтроль: Ежедневный контроль артериального давления и частоты пульса в состоянии покоя.
- Образ жизни: Отказ от табакокурения и употребления алкоголя. Нормализация массы тела.
- Физическая активность: Постепенное, дозированное увеличение активности в соответствии с индивидуально разработанным планом. Ежедневные пешие прогулки на свежем воздухе.
- Питание: Соблюдение принципов диеты с ограничением соли, животных жиров и легкоусвояемых углеводов. Увеличить потребление овощей, фруктов и продуктов, богатых клетчаткой.

Заключение

Проведенное комплексное исследование, сочетающее теоретический анализ и эмпирические методы, позволило достичь поставленной цели и всесторонне изучить организацию деятельности среднего медицинского персонала по уходу за пациентами, перенесшими острый инфаркт миокарда.

В ходе работы были решены все поставленные задачи: проанализирована литература, изучена организация сестринского ухода, разработан и апробирован инструментарий для анкетирования, проанализированы его результаты. На основе полученных данных были сформулированы практические рекомендации для медицинских сестер и пациентов.

Полученные данные полностью согласуются с выводами обзора литературы, который подчеркивает ключевую роль медсестры как педагога, организатора и психолога. Реализация этих функций на практике, что подтвердило анкетирование пациентов, напрямую влияет на мотивацию пациентов и их готовность следовать рекомендациям, что является конечной целью реабилитации и вторичной профилактики.

Результаты, полученные в ходе работы, могут быть применены в учебном процессе медицинских колледжей при подготовке студентов специальности «Сестринское дело» в рамках изучения профессиональных модулей.

Список литературы

1. ВОЗ. Сердечно-сосудистые заболевания (ССЗ). URL: [http://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/cardiovascular-diseases-\(cvds\)](http://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/cardiovascular-diseases-(cvds)) (дата обращения 06.10.2025)
2. Двойников С.И. Сестринское дело: история, теория, философия: учебное пособие / С.И. Двойников — Самара, «РЕАВИЗ», 2009. — 116 с.
3. Еремушкин М.А. Основы реабилитации: учеб. пособие для студ. учреждений сред. мед. проф. образования / М.А. Еремушкин — 3-е изд., стер. — М. : Издательский центр «Академия», — 2013. — С. 78-89.
4. Справочник медицинской сестры по уходу. — М., 1990.
5. Сыркин А.Л. Инфаркт миокарда // «Медицинское информационное агентство» — М., 2008. — С. 25-47.
6. Кузнецов В.М. Сестринское дело в кардиологии. — Ростов н/Д: Феникс, 2010. — 231 с.
7. Степанченко Л.Г. Общий уход в кардиологии. // Медицинская сестра. — 2010. — № 5 — С. 18-22.
8. Щербакова Т.С. Сестринское дело: справочник. – Ростов н/Д: Феникс, 2012. — 554 с.
9. Бирюков А.А. Лечебный массаж: учебник для студ. высш. учеб. заведений. — М.: Издательский центр «Академия», 2010 — С. 157-159.
10. Кардиология. Национальное руководство: краткое издание / под ред. Ю.Н. Беленкова, Р.Г. Оганова. — М.: ГЭОТАР-Медиа, 2012. — С. 16-33.

© Быстрова Д.Ю., Маринин Д.А.,
Румянцева В.А.

УДК 619:616.98

**ОСОБЕННОСТИ ОКАЗАНИЯ НЕОТЛОЖНОЙ ПОМОЩИ
ПРИ ЛЕГОЧНОМ КРОВОТЕЧЕНИИ У ПАЦИЕНТОВ
С ДЕСТРУКТИВНЫМИ ФОРМАМИ ТУБЕРКУЛЕЗА
ЛЕГКИХ НА ДОГОСПИТАЛЬНОМ ЭТАПЕ**

Рахимова Дарья Васильевна
студент

Рахимов Линар Маратович
фельдшер СМП г. Чебоксары

Научный руководитель: **Возякова Татьяна Романовна**
к.м.н., доцент

ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет»

Аннотация: Легочное кровотечение (ЛК) является жизнеугрожающим осложнением деструктивных форм туберкулеза легких, таких как фиброзно-кавернозный и кавернозный туберкулез [1.с. 342, 2. С. 41,]. На догоспитальном этапе ключевую роль играют своевременная диагностика, правильная тактика бригад скорой медицинской помощи (СМП) и профилактика асфиксии. В статье рассматриваются клинико-anamnesticheskie особенности пациентов, типичные диагностические и тактические ошибки, а также предлагается четкий алгоритм действий для бригад СМП, включающий инфекционный контроль, медикаментозную терапию и транспортировку.

Ключевые слова: легочное кровотечение, туберкулез, скорая медицинская помощь, алгоритм, неотложная помощь, догоспитальный этап.

**FEATURES OF EMERGENCY CARE WITH PULMONARY BLEEDING
IN PATIENTS WITH DESTRUCTIVE FORMS OF PULMONARY
TUBERCULOSIS AT THE PREHOSPITAL STAGE**

Rakhimova Darya Vasilyevna
Rakhimov Linar Maratovich

Scientific adviser: **Vozyakova Tatiana Romanovna**

Abstract: Pulmonary hemorrhage (PC) is a life-threatening complication of destructive forms of pulmonary tuberculosis, such as fibrous-cavernous and cavernous tuberculosis. At the prehospital stage, timely diagnosis, proper tactics of emergency medical teams and prevention of asphyxia play a key role. The article examines the clinical and anamnestic characteristics of patients, typical diagnostic and tactical errors, and suggests a clear algorithm of actions for NSR teams, including infection control, drug therapy, and transportation.

Key words: pulmonary hemorrhage, tuberculosis, emergency medical care, algorithm, emergency care, pre-hospital stage.

Туберкулез является одним из наиболее опасных и заразных заболеваний среди животных и человека. Он осложнен различными клиническими проявлениями и осложнениями, одним из которых является легочное кровотечение [3. с 71, 4. с. 33, 5.с 40, 6.с. 11, 7. с. 60]. Легочное кровотечение (ЛК) — одно из наиболее опасных осложнений деструктивных форм туберкулеза легких. Его патогенез связан с нарушением целостности кровеносных сосудов в стенках каверн или фиброзно-измененных тканей, что приводит к излитию крови в просвет дыхательных путей. В отличие от кровохарканья, массивное ЛК представляет непосредственную угрозу для жизни пациента, вызывая асфиксию вследствие механической обтурации дыхательных путей сгустками крови [8. с. 587].

Оказание неотложной помощи на догоспитальном этапе требует от бригад СМП четких и скоординированных действий. Особенности пациентов с туберкулезом — длительный анамнез, полиорганная патология, высокая частота лекарственной устойчивости микобактерий — усложняют тактику ведения и требуют адаптации стандартных протоколов [9. с. 62, 10. с. 208].

Целью работы является разработка алгоритма действий для бригад СМП при оказании неотложной помощи пациентам с ЛК на фоне деструктивных форм туберкулеза легких.

Материалы и методы. На основе систематизации данных литературы и клинических рекомендаций проведен анализ клинико-анамнестических особенностей пациентов, типичных ошибок и тактических затруднений при оказании помощи на догоспитальном этапе. Разработан диагностико-тактический алгоритм, включающий этапы первичного осмотра, неотложной терапии и транспортировки.

Результаты и обсуждение.

1. Клинико-анамнестические особенности: ключевые факторы, влияющие на тактику СМП: характер туберкулезного процесса: фиброзно-кавернозная форма, бактериовыделение (БК+), лекарственная устойчивость.

2. Сопутствующая патология: легочно-сердечная недостаточность, амилоидоз, кахексия. Провоцирующие факторы: физическая нагрузка, интеркуррентные заболевания, прием антикоагулянтов, нарушение режима лечения [3].

3. Типичные ошибки бригад СМП. Диагностические: недооценка асфиксии, путаница с желудочно-кишечными кровотечениями, позднее выявление аспирации. Тактические: неправильное позиционирование пациента, недостаточная оксигенотерапия, использование наркотических анальгетиков для подавления кашля, неверный выбор стационара [11, с. 176, 12, с. 24, 16, с. 120].

Алгоритм действий для бригад СМП.

Этап 1: Первичный осмотр и диагностика. Оценка угрозы жизни: признаки асфиксии (клокочущее дыхание, цианоз) и шока (тахикардия, гипотония). Немедленные мероприятия: позиционирование полусидя или на больном боку, оксигенотерапия 10–15 л/мин, использование СИЗ.

Этап 2: Неотложная терапия. Гемостатики: транексамовая кислота 1000–1500 мг в/в. Седация: диазепам 10–20 мг в/в при возбуждении. Инфузионная терапия: дробное введение кристаллоидов при шоке.

Этап 3: Транспортировка. Положение: полусидя или на боку. Выбор стационара: многопрофильный стационар с реанимацией, торакальной хирургией и бронхоскопией. Передача: информирование дежурного персонала о диагнозе и проведенной терапии.

Заключение. Разработанный алгоритм действий для бригад СМП при легочном кровотечении у пациентов с туберкулезом легких позволяет стандартизировать оказание помощи на догоспитальном этапе. Ключевыми моментами являются ранняя диагностика, профилактика асфиксии, адекватная оксигенотерапия и гемостатическая терапия. Соблюдение инфекционного контроля и правильный выбор стационара значительно улучшают прогноз выживаемости. Внедрение данного алгоритма в практику скорой медицинской помощи способствует снижению числа осложнений и повышению эффективности медицинской помощи.

Список литературы

1. Авербах М.М., Шехтер А.И. Туберкулез органов дыхания. — М.: ГЭОТАР-Медиа, 2018. — 456 с.
2. Возякова Т.Р., Проблемы приверженности к лечению больных туберкулезом / Александрова Д.О., Султанов О.В. Наукосфера 2025. № 1-1. С. 41-44.
3. Возякова Т.Р. К вопросу о диагностике туберкулёза кишечника / Возякова Т.Р., Степанова А.А. Наукосфера. 2024. № 12-1. С. 71-74.
4. Возякова Т.Р. Проблемы диагностики туберкулеза женских половых органов в Чувашской Республике / Возякова Т.Р., Апраксина Н.А., Зайцева С.М., Мысина Е.Н., Князева И.К. В сборнике: Актуальные вопросы медицины XXI века. Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 50-летию образования кафедры пропедевтики внутренних болезней с курсом лучевой диагностики ЧГУ им. И.Н. Ульянова и ее основателю профессору К.В. Маркову. 2019. С. 32-36.
5. Возякова Т.Р. Хирургические методы в дифференциальной диагностике туберкулеза различных органов / Возякова Т.Р., Малов А.А., Еленкина Ж.В. В сборнике: Современные методы медицинской реабилитации в практике врачей различных специальностей. Материалы научно-практической конференции, посвященной 35-летию АО "Санаторий "Чувашиякурорт". Под редакцией Л.М. Карзаковой. 2019. С. 39-43.
6. Возякова Т.Р. Активизация выявления туберкулеза женских половых органов в решении проблем репродуктивного здоровья в Чувашской Республике / Возякова Т.Р., Христофорова Е.А., Мартыанова Е.В., Апраксина Н.А. В сборнике: XII МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНГРЕСС ПО РЕПРОДУКТИВНОЙ МЕДИЦИНЕ. Материалы конгресса. 2018. С. 11-12.
7. Возякова Т.Р. Структурный патоморфоз органов дыхания при коинфекции туберкулез/вич / Возякова Т.Р. Морфология. 2018. Т. 153. № 3. С. 60-60а
8. Ибрагимова А.И. Сравнительный анализ заболеваемости туберкулёзом в России и Чувашской Республике за 1991-1992 гг. и 2022-2023 года с оценкой информированности населения ЧР и общих знаний болезни – туберкулеза / ЗА Ибрагимова А.И., Низаметдинова З.Р., Узлиева Х.А., Возякова Т.Р. Биология и интегративная медицина. 2025. № 1 (72). С. 587-595.

9. Михайлова С.Ю. Оценка информированности жителей Чувашской Республики о туберкулезной инфекции. / Михайлова С.Ю., Павлова А.В., Федотова А.А., Возякова Т.Р. Наукосфера. 2024. № 11-1. С. 61-69.

10. Мишин В.Ю. Неотложные состояния во фтизиатрии. — М.: МИА, 2019. — 208 с.

11. Типичные ошибки в диагностике и лечении туберкулеза / Под ред. В.И. Литвинова. — СПб.: СпецЛит, 2020. — 176 с.

12. Клинические рекомендации по оказанию скорой медицинской помощи при легочном кровотечении. — М.: Российское общество скорой медицинской помощи, 2021. — 24 с.

13. WHO Guidelines for the Management of Tuberculosis. — Geneva: World Health Organization, 2022. — 120 p.

© Рахимова Д.В., Рахимов Л.М.

**СЕКЦИЯ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ
НАУКИ**

**РОЛЬ ПРОЕКТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ, ИНТЕРАКТИВНЫХ
МЕТОДОВ И ДИСТАНЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ
В ОБУЧЕНИИ СТАРШЕКЛАССНИКОВ**

Овчинников Алексей Юрьевич

магистрант

Научный руководитель: **Серёжникова Раиса Кузьминична**

д.п.н., профессор

ГОУ ВО МО «Государственный
гуманитарно-технологический университет»

Аннотация: В статье рассматривается влияние проектной деятельности и технологий дистанционного обучения на процесс обучения старшеклассников. Раскрывается положительное влияние использования интерактивных технологий на процесс самопознания и самоопределения старшеклассников. Определяется влияние геймификации на процесс воспитания современных старшеклассников.

Ключевые слова: проектная деятельность, интерактивные методы, геймификация, старшеклассники, процесс воспитания.

**THE ROLE OF PROJECT ACTIVITIES, INTERACTIVE METHODS,
AND E-LEARNING TECHNOLOGIES IN EDUCATION
OF SENIOR STUDENTS**

Ovchinnikov Alexey Urevich

Scientific adviser: **Seryoznikova Raisa Kuzminichna**

Abstract: The article examines the impact of project activities and distance learning technologies on the learning process of senior students. It reveals the positive influence of the use of interactive technologies on the process of self-knowledge and self-determination of senior students. The article also determines the impact of gamification on the process of upbringing of modern senior students.

Key words: project activities, interactive methods, gamification, senior students, upbringing process.

Проектная деятельность, интерактивные методы и технологии дистанционного обучения являются важными инструментами, способствующими активизации личностного саморазвития старшеклассников. Эти подходы обеспечивают более глубокое вовлечение обучающихся в учебный процесс, развивают их креативность, критическое мышление и навыки сотрудничества.

Проектная деятельность представляет собой метод обучения, при котором ученики работают над реальными задачами и проектами. Это может быть исследование, создание продукта или решение актуальной проблемы. Проектная работа способствует тому, что обучающиеся становятся не просто пассивными слушателями, а активными участниками образовательного процесса. В процессе реализации проектов старшеклассники учатся работать в команде, распределять задачи, аргументировать свои идеи и принимать решения [2]. Такой подход позволяет развивать у них навыки ответственности, организованности и самоорганизации, поскольку они должны планировать свои действия и следить за достижением поставленных целей.

Интерактивные методы обучения также играют важную роль в активизации личностного саморазвития. Эти методы включают в себя использование различных активных подходов, которые вовлекают обучающихся в процесс обучения через дискуссии, ролевые игры, дебаты и групповые задания. Интерактивные методы помогают создать динамичную учебную среду, в которой ученики могут свободно выражать свои мысли, изучать различные точки зрения и развивать критическое мышление. Через взаимодействие с одноклассниками они учатся слушать, анализировать и защищать свои идеи, что способствует развитию их самоидентификации и самосознания.

Технологии дистанционного обучения, которые становятся все более распространенными в современном образовании, также способствуют активизации личностного саморазвития старшеклассников. Они предоставляют обучающимся доступ к богатым образовательным ресурсам и возможностям, позволяя учиться в удобном режиме. Дистанционное обучение может охватывать широкий диапазон форматов – от онлайн-курсов до вебинаров и видеолекций. Этот подход позволяет обучающимся выбирать материалы, которые наиболее соответствуют их интересам и стилям обучения, что создает индивидуализированный процесс образования.

Кроме того, дистанционное обучение развивает навыки саморегуляции и самоорганизации. Обучающиеся учатся планировать свое время, ставить цели и достигать их в условиях, когда они самостоятельно управляют своим обучением. Этот процесс способствует формированию ответственности за собственное развитие и осознания важности активного участия в образовательном процессе.

В последние годы в образовательной практике активно внедряются разнообразные методики и технологии, которые доказали свою эффективность в активизации личностного саморазвития старшеклассников. Эти примеры иллюстрируют, как инновационные подходы могут быть использованы для создания интерактивной и вовлеченной учебной среды.

Одним из примеров является метод проектного обучения, который используется в образовательных учреждениях по всему миру. В рамках этого метода ученики получают возможность работать над реальными проектами, решая актуальные вопросы сообщества или создавая продукты, имеющие практическое применение. Например, в ряде школ были реализованы проекты, посвященные экологии, когда старшеклассники исследуют местные экологические проблемы, разрабатывают и реализуют инициативы по их решению. Такой подход не только развивает исследовательские навыки и критическое мышление, но и способствует формированию гражданской позиции и социально ответственного поведения обучающихся.

Интерактивные технологии также завоевали популярность в образовательной среде. Одним из ярких примеров является использование платформы Kahoot. Этот инструмент позволяет учителям создавать викторины и опросы в интерактивном формате, что делает обучение более увлекательным и доступным. Ученики могут участвовать в викторинах в реальном времени с помощью своих мобильных устройств, что не только повышает их мотивацию, но и способствует развитию навыков командной работы и быстрого принятия решений. Такой активный формат обучения позволяет многим старшеклассникам лучше усваивать материал и делиться своими знаниями. Даже самые немотивированные ученики начинают проявлять интерес к обучению благодаря интерактивным технологиям [3].

Другим интересным примером является технология MOOCs (Massive Open Online Courses), или массовые открытые онлайн-курсы. Эти курсы предоставляют возможность углубленного изучения различных предметов, позволяя обучающимся получать знания от ведущих экспертов и университетов

мира. Участвуя в таких курсах, старшеклассники могут адаптировать учебный процесс под свои интересы, выбирая темы, которые им наиболее интересны. Это создает условия для саморефлексии, анализа собственных навыков и привычек, что является важной частью саморазвития.

Еще одной действенной методикой является геймификация, которая включает элементы игрового процесса в учебную деятельность [1]. Например, платформа Classcraft использует игру для вовлечения обучающихся в процесс обучения, позволяя им зарабатывать баллы и достигать уровни за выполнение заданий и активное участие в уроках. Это делает обучение более интересным и мотивирующим, привлекая внимание старшеклассников и способствуя более глубокой интеграции изучаемого материала.

Использование данных технологий в образовательном процессе создает условия для формирования активных, ответственных и мотивированных личностей, что является важным аспектом воспитания современной молодежи.

Список литературы

1. Быстрова Н.В., Бакулина Н.А., Гнездин А.В., Угарова А.В. Геймификация в современном образовательном процессе // Журнал прикладных исследований. 2022. Т. 5. № 6. С. 416-425.
2. Садовская М.В., Золотова О.Ю. Влияние индивидуального стиля преподавателя на организацию обучения проектной деятельности студентов // Вестник Государственного гуманитарно-технологического университета. 2025. № 2. С. 121–127.
3. Хайновский С.Е. Интерактивные методы обучения и их актуальность на сегодняшний день // Педагогический журнал. 2022 Т.12 № 4А. С. 296-304.

© Овчинников А.Ю.

**СЕКЦИЯ
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ
НАУКИ**

УДК 159.9.072.432

**ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПРОФИЛАКТИКИ
ИНТЕРНЕТ-ЗАВИСИМОСТИ СОВРЕМЕННЫХ ПОДРОСТКОВ
В УСЛОВИЯХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ**

Шелудченко Максим Олегович

аспирант

ФГБОУ ВО «Курский государственный университет»

Аннотация: В статье представлен комплексный теоретический анализ проблемы профилактики интернет-зависимости у подростков в условиях общеобразовательной организации. Рассматриваются современные концептуальные модели формирования цифровой аддикции: биопсихосоциальная модель, теория двойных систем, нейробиологическая модель недостаточности префронтального контроля. Анализируются психологические механизмы возникновения зависимого поведения в подростковом возрасте, обусловленные нейробиологическими особенностями психологическими факторами и социальными детерминантами (дисфункциональность семейных отношений, дефицит поддержки сверстников). Представлена концептуальная модель профилактики, включающая три уровня вмешательства: первичный (универсальная профилактика для всех обучающихся), вторичный (селективная профилактика для групп риска) и третичный (индикативная профилактика для подростков с признаками зависимости). Обосновывается необходимость интеграции четырех основных подходов: повышение цифровой грамотности, развитие психосоциальных навыков, организация стратегической физической активности, психологическое консультирование. Доказывается, что эффективная профилактическая система должна базироваться на принципах комплексности, дифференциации, непрерывности и научной обоснованности, предусматривая вовлечение всех субъектов образовательного процесса.

Ключевые слова: интернет-зависимость, подростки, профилактика, общеобразовательная организация, биопсихосоциальная модель, цифровая грамотность, нейробиологические предикторы, психологические механизмы, школьная среда, концептуальная модель.

THEORETICAL AND METHODOLOGICAL FOUNDATIONS OF THE PREVENTION OF INTERNET ADDICTION IN MODERN ADOLESCENTS IN AN EDUCATIONAL ORGANIZATION

Sheludchenko Maksim Olegovich

Abstract: Theoretical and methodological foundations of Internet addiction prevention in modern adolescents in general education institutions

This article presents a comprehensive theoretical analysis of Internet addiction prevention among adolescents in general education institutions. The study examines contemporary conceptual models of digital addiction formation: the biopsychosocial model, dual systems theory, and neurobiological model of prefrontal control insufficiency. The psychological mechanisms underlying addictive behavior in adolescence are analyzed, including neurobiological features psychological factors (identity crisis, low self-esteem, social anxiety), and social determinants (dysfunctional family relationships, peer support deficits). A conceptual prevention model is presented, encompassing three intervention levels: primary (universal prevention for all students), secondary (selective prevention for at-risk groups), and tertiary (indicated prevention for adolescents showing addiction signs). The necessity of integrating four main approaches is substantiated: digital literacy enhancement, psychosocial skill development, strategic physical activity organization, and psychological counseling. The study demonstrates that an effective prevention system must be based on principles of comprehensiveness, differentiation, continuity, and scientific validity, ensuring involvement of all educational process stakeholders.

Key words: Internet addiction, adolescents, prevention, general education institution, biopsychosocial model, digital literacy, neurobiological predictors, psychological mechanisms, school environment, conceptual model.

Введение

Цифровая трансформация современного общества обусловила фундаментальные изменения в способах коммуникации, обучения и социализации подрастающего поколения. Одним из наиболее серьезных вызовов современности является интернет-зависимость — феномен, характеризующийся навязчивым стремлением к использованию цифровых технологий и неспособностью контролировать это поведение [2].

Актуальность проблемы подтверждается эпидемиологическими данными. Исследования, охватившие почти 280 000 подростков в 44 странах, свидетельствуют, что 11% демонстрируют признаки проблемного поведения в отношении социальных медиа, а 12% находятся в группе риска проблемного поведения в отношении цифровых игр [1]. В России масштабы явления достигают 30% в зависимости от используемых диагностических критериев [1].

Подростковый возраст является критическим периодом для формирования аддиктивного поведения в силу специфических нейробиологических, психологических и социальных особенностей данного этапа развития [1].

Общеобразовательная организация обладает уникальными возможностями для реализации профилактических программ, обеспечивая систематический доступ к целевой аудитории, возможность раннего выявления признаков формирующейся зависимости и интеграцию профилактических мероприятий в образовательный процесс [3]. Однако эффективность школьной профилактики зависит от ее теоретико-методологической обоснованности, учета современных научных представлений о механизмах формирования интернет-зависимости и использования валидных подходов к вмешательству.

Цель статьи – представить интегративный теоретический анализ проблемы профилактики интернет-зависимости у подростков и обосновать концептуальную модель профилактической работы в условиях общеобразовательной организации.

Теоретические модели интернет-зависимости

1. Медицинская модель рассматривает интернет-зависимость как расстройство импульсивного контроля, сходное с патологическим гемблингом. Диагностические критерии включают: толерантность (необходимость увеличения времени использования для достижения удовлетворения), синдром отмены (дисфория, тревога при невозможности доступа к интернету), утрату контроля над временем использования, отказ от альтернативной деятельности, продолжение использования несмотря на негативные последствия [4].

2. Психологическая модель акцентирует внимание на функциональной роли интернета в психической жизни индивида. Интернет рассматривается как средство компенсации психологических дефицитов, регуляции эмоциональных состояний, решения возрастных задач развития [67], [116]. К. Янг выделяет пять типов интернет-зависимости: киберсексуальная, зависимость от киберотношений, игровая, информационная перегрузка, компульсивное поведение онлайн [5].

3. Социологическая модель подчеркивает роль социальных факторов в формировании зависимости: влияние семейной среды, отношений со сверстниками, культурных паттернов использования технологий.

Исследования демонстрируют, что дисфункциональность семейных отношений, дефицит родительской поддержки и чрезмерный контроль повышают риск развития интернет-зависимости [6].

4. Биопсихосоциальная модель. Наиболее признанной в современной науке является компонентная биопсихосоциальная модель, предполагающая комбинацию психосоциальных проблем и нейробиологических факторов риска [7]. Данная модель интегрирует три уровня детерминации зависимого поведения.

1) **Биологический уровень** включает нейробиологические факторы риска, связанные с особенностями структуры и функционирования головного мозга подростка [7]. Подростковый период характеризуется различными по времени траекториями формирования лимбической системы и префронтальных корковых отделов [7].

Затянувшееся развитие префронтальной коры приводит к ослабленному торможению подкорковых структур и повышенной импульсивности, что способствует высокому риску формирования аддиктивного поведения [7].

2) **Психологический уровень** охватывает индивидуально-психологические особенности, повышающие уязвимость к формированию зависимости. Исследования выявляют следующие психологические предикторы:

- Низкая самооценка и негативная Я-концепция.
- Социальная тревожность.
- Дефицит эмоциональной регуляции.

3) **Социальный уровень** включает факторы семейной и школьной среды. Можем выделить следующие социальные детерминанты:

- Дисфункциональность семейных отношений.
- Проблемы в отношениях со сверстниками.

– Отсутствие альтернативных интересов и возможностей для самореализации.

Интеграция трех уровней в единую модель позволяет понять интернет-зависимость как результат взаимодействия биологической предрасположенности, психологических особенностей и социальных условий развития.

Психологические механизмы формирования интернет-зависимости у подростков

Выделяются два основных мотива использования интернета в целях эмоциональной регуляции [8]:

1. **Атарактический мотив** – стремление к снижению психического напряжения, избеганию тревоги и дискомфорта [8].
2. **Гедонистический мотив** – стремление к получению удовольствия, интенсивных положительных эмоций [8].

Механизм социальной компенсации

Значительная часть подростков обращается к интернету для компенсации дефицита реальных социальных отношений [8]. Механизм социальной компенсации реализуется через следующие процессы: избегание социальной тревоги, компенсация отвержения, экспериментирование с идентичностью.

1. Механизм дефицита самоконтроля

Нейробиологические исследования демонстрируют, что интернет-зависимость связана с нарушениями тормозного контроля – неспособностью подавлять импульсы, планировать и контролировать поведение [8]. У интернет-зависимых подростков выявляются: снижение активации дорсолатеральной префронтальной коры при выполнении задач на тормозной контроль, нарушение связности между префронтальной корой и подкорковыми структурами, повышенная активация системы вознаграждения в ответ на интернет-связанные стимулы

2. Механизм избегания

Интернет предоставляет эффективное средство избегания психотравмирующих ситуаций, неразрешимых проблем, негативных эмоций [8]. Подростки, сталкивающиеся с семейными конфликтами, школьными трудностями, межличностными проблемами, используют погружение в виртуальную реальность как способ психологической защиты.

Концептуальная модель профилактики интернет-зависимости в общеобразовательной организации

Эффективная профилактическая система должна базироваться на следующих принципах:

Принцип комплексности предполагает организацию воздействия на различных уровнях социального пространства (семья, школа, личность), интеграцию социальных, психологических, педагогических и медицинских мер [9].

Принцип дифференциации требует учета возрастных, половых, индивидуально-психологических характеристик целевой группы, адаптации программ к специфическим потребностям подростков с различными механизмами формирования зависимости [9].

Принцип непрерывности обеспечивает систематичность профилактических мероприятий, преемственность программ на разных образовательных ступенях, долгосрочный мониторинг результатов [9].

Принцип научной обоснованности предполагает использование валидных теоретических моделей, доказательных методов вмешательства, объективных инструментов оценки эффективности [9].

Принцип позитивности акцентирует внимание на формировании здоровых паттернов использования технологий, развитии личностных ресурсов, а не только на информировании о вреде [9].

Принцип активности предполагает вовлечение подростков как активных субъектов профилактического процесса [9].

Трехуровневая модель профилактики

Профилактическая работа должна осуществляться на трех уровнях, соответствующих классификации Всемирной организации здравоохранения.

Первичная (универсальная) профилактика направлена на всю популяцию обучающихся с целью предотвращения возникновения зависимости, которая включает: повышение цифровой грамотности, развитие психосоциальных компетенций – эмоциональная регуляция, социальные навыки, совладание со стрессом, просвещение о рисках – информирование о признаках, механизмах и последствиях интернет-зависимости, создание среды, способствующей здоровью – организация привлекательных альтернативных форм досуга [10].

Вторичная (селективная) профилактика фокусируется на группах риска – подростках с повышенной вероятностью формирования зависимости. Включает: раннее выявление – скрининговая диагностика, групповые профилактические программы, работа с родителями – обучение адекватным стратегиям контроля, улучшение детско-родительских отношений, индивидуальное консультирование [10].

Третичная (индикативная) профилактика работает с подростками, имеющими признаки сформированной зависимости. Включает: углубленная психологическая диагностика, дифференцированная психологическая коррекция, медицинская помощь – при наличии сопутствующих психических нарушений [10].

Роль педагогических условий

Эффективность профилактической системы зависит от создания определенных педагогических условий.

Раннее выявление подростков группы риска требует обучения педагогов распознаванию поведенческих маркеров формирующейся зависимости, создания системы мониторинга цифрового благополучия обучающихся.

Повышение цифровой грамотности всех участников предполагает:

- Системное обучение педагогов проблематике цифровой зависимости и методам профилактики, интеграцию цифровой грамотности в учебные предметы (информатика, ОБЖ, обществознание), просвещение родителей через семинары, консультации, информационные материалы

Внедрение специализированных программ требует:

- Разработки или адаптации доказательных программ профилактики
- Подготовки специалистов для реализации программ
- Обеспечения ресурсами (время в расписании, материалы, пространство)

Организация альтернативной досуговой деятельности включает:

- Расширение спектра кружков, секций, клубов по интересам.
- Создание привлекательных возможностей для самореализации вне цифровой среды.

Заключение

Проведенный теоретический анализ позволяет сформулировать следующие выводы:

1. Интернет-зависимость у подростков представляет собой многофакторный феномен, формирующийся под влиянием нейробиологических (несформированность префронтального контроля, дисбаланс лимбической системы и коры), психологических (низкая самооценка, социальная тревожность, дефицит эмоциональной регуляции) и социальных (дисфункциональность семьи, школьная дезадаптация) факторов. Наиболее адекватной является биопсихосоциальная модель, интегрирующая все три уровня детерминации.

2. Ключевыми психологическими механизмами формирования зависимости являются: использование интернета для эмоциональной регуляции

(атарактический и гедонистический мотивы), компенсация социальных дефицитов, избегание психотравмирующих ситуаций, дефицит тормозного контроля. Понимание этих механизмов критически важно для разработки эффективных профилактических программ.

3. Эффективная профилактическая система в общеобразовательной организации должна быть трехуровневой (универсальная, селективная, индикативная).

Список литературы

1. Всемирная организация здравоохранения. Электронные устройства и психическое здоровье подростков//WHO Regional Office for Europe. 2024.
2. Айбазова М.Ю., Карасова А.А. Профилактика цифровой зависимости обучающихся как условие успешной цифровой трансформации образовательных учреждений СПО // Педагогический журнал. 2021. Т. 11. № 6А. С. 348-356.
3. Афанасьева Лира Иппатьевна, Акимова Александра Нюргустановна Профилактика интернет-зависимости у обучающихся // Проблемы современного педагогического образования. 2025. № 87-3. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/profilaktika-internet-zavisimosti-u-obuchayuschih-sya>
4. <https://www.psychiatry.ru/stat/169>.
5. Асмолов А.Г., Цветков А.В., Цветкова Н.А. Психологическая модель интернет-зависимости личности // Мир психологии. — 2004. — № 1.
6. https://psyjournals.ru/journals/psyedu/archive/2017_n2/Zaretskaya
7. https://psyjournals.ru/journals/sps/archive/2022_n1/Semenova.
8. Книга «Интернет-зависимое поведение у подростков. Клиника, диагностика, профилактика» авторов В.Л. Малыгина, Е.А. Смирновой и др. (издательство Мнемозина, 2010)
9. Илюшченкова О.А. Профилактика интернет-зависимости у подростков. СФУ, 2019.
10. https://lpi.sfu-kras.ru/files/vkr_bykova_t.i.pdf.

© Шелудченко М.О.

**СЕКЦИЯ
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ
НАУКИ**

СИСТЕМА ОБРАЗОВ КОНЦЕПТА «МУЗЫКА» В ПОЭЗИИ М.А. БОГДАНОВИЧА

Михайлова Елена Владимировна

кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры русского языка как иностранного
и профильных учебных предметов
Учреждение образования «Белорусский
государственный педагогический университет
имени Максима Танка»

Аннотация: Максим Адамович Богданович (1891–1917) – известный белорусский поэт, прозаик, критик, публицист, переводчик. Большое место в творчестве М.А. Богдановича занимает тема музыки, объективированная в соответствующем концепте. Система образов концепта «музыка» в стихотворениях и поэмах М.А. Богдановича отличается тем, что в ней преобладают образы мира музыки, и важнейшую роль в ней играют образы музыкальных инструментов, которые не связаны с реализацией фрейма «поэт – музыкант – творческая личность». Названия музыкальных инструментов употребляются преимущественно в прямом значении. Среди номинаций концепта «музыка» наиболее представительными и сложными являются глагольные номинации.

Ключевые слова: система образов, концепт «музыка», поэзия, М.А. Богданович, стихотворение, песня.

THE SYSTEM OF IMAGES OF THE CONCEPT OF MUSIC IN THE POETRY OF M.A. BOGDANOVICH

Mikhailova Elena Vladimirovna

Abstract: Maksim Adamovich Bogdanovich (1891–1917) is a renowned Belarusian poet, prose writer, critic, publicist, and translator. The theme of music, objectified in the corresponding concept, holds a significant place in Bogdanovich's works. The system of images related to the concept of music in Bogdanovich's poetry is characterized by the predominance of images from the world of music, with images

of musical instruments playing a crucial role. These images are not connected with the realization of the 'poet–musician–creative personality' frame. The names of musical instruments are predominantly used in their direct meanings. Among the nominations of the concept of music, verbal nominations are the most representative and complex.

Key words: system of images, concept of music, poetry, M. A. Bogdanovich, poem, song.

Максим Адамович Богданович (1891–1917) – известный белорусский поэт, прозаик, критик, публицист, переводчик. Он родился в Минске, в семье Адама Егоровича и Марии Афанасьевны Богдановичей, недолго жил в Гродно, а затем, после смерти его матери, семья переехала в Россию, в Нижний Новгород, в Ярославль, где он учился и создал большинство своих произведений – блестящих образцов интимной, гражданской, пейзажной, философской лирики, прозаических сочинений, литературоведческих произведений, переводов и т.д. В 1917 г. он выехал на лечение в Ялту, где умер от туберкулеза в возрасте 25 лет.

Творчество М.А. Богдановича «...было наполнено образами, которые стали символами родного края, составили такую оригинальную общность, с которой ассоциируются и сам облик поэта, и его жизненная судьба...» [1, с. 7]. Оно основано на лучших традициях русской, белорусской и мировой литературы. Произведения Янки Купалы и Якуба Коласа «...Максим считал лучшими в белорусской поэзии. Купала увлекал Максима красотой, свежестью и полнотой рифм, современностью и точностью других языковых выразительных средств. В творчестве Коласа Максиму импонировала ровность и уверенность, покой и простота» [2, с. 91]. Белорусская поэзия служила для поэта связующей нитью с Родиной, куда он всегда мечтал поехать: «Живя на берегах Волги, давно и непреодолимо мечтал Максим Богданович взглянуть собственными глазами на загадочную, но милую сердцу Беларусь... Максим болезненно ощущал свою оторванность от духовной и культурной жизни края» [3, с. 4]. Постоянное внимание «...к какой-нибудь одной мысли, вариации ее, стремление к предельной выразительности и наглядности при решении замысла, повторное использование какого-нибудь одного образа – характерны вообще для Богдановича. Здесь, кстати, есть что-то такое, что роднит его с Лермонтовым, поэтом, который, как и Богданович, наделен исключительной интенсивностью духовной жизни...» [4, с. 51]. Летом 1916 г. Максим приехал в

Минск, где жил, работал, писал произведения. В свободное время он занимался в Пушкинской библиотеке, где его прежде всего интересовала «...литература про Беларусь и белорусов. Он читал книги Шейна и Романова. ... В это время душа Максима бередилась преданием про Стратима-лебедя. Это предание, война, жертвы войны, своя безнадежная судьба... Все это сплелось в душе Максима в какой-то единый сплошной, запутанно жгучий клубок людского горя» [5, с. 52]. Максим Богданович – первый белорусский поэт, который «...широко обратился к прекрасному не только в жизни, но и в памятниках материальной культуры, в произведениях живописи и зодчества» [6, с. 105]. Он «...прожил всего 25 лет, но плодам этой жизни, короткой и яркой, как молния, суждено то долголетие, которым судьба наделяет все действительно талантливое на земле» [7, с. 7].

Поэтический мир М.А. Богдановича [8] – это своеобразный космос, отличающийся духовной глубиной и красотой. Одна из его концептуальных доминант – это единственный прижизненный сборник стихотворений поэта «Вянок» (1913). «Вянок» – «...это венок возрождения, величественная сущность которого в каждом из циклов разворачивается новым “действием”, отличительной гранью, обуславливая целостность книги и ее диалектику, создавая лирическое “натяжение” между стихами, десятки тонов и оттенков от безнадежности до надежды, от сомнения до веры, от трагизма невечности до восславления радости и величия бытия» [9, с. 473]. В нем затрагиваются различные темы, самые важные из которых – тема Беларуси, тема природы, тема общечеловеческих ценностей (любви, красоты, искусства и др.) и др. Поэт ищет пути к бессмертию через искусство и красоту, стремится к возрождению народных мифов, преданий, песен. Одним из важнейших образов этого сборника является образ озера (зеркала), а также образы неба и звезд. Одна из его частей называется «Малюнкi і спевы», т.е. живописный и музыкальный компоненты в нем соединены. Музыкальное начало является важнейшим в циклах «У зачарованым царстве» (стихотворения «Чуеш гул? – Гэта сумны, маркотны лясун...» [8, с. 52], «Добрай ночы, зара-зараніца!» [8, с. 63], «Ноч. Газніца гарыць, чырванее...» [8, с. 70], «Зімовая дарога» [8, с. 71], «Маёвая песня» [8, с. 75–76], «Раманс» [8, с. 77–78]); «Згукі бацькаўшчыны» (стихотворения «Сумна мне, а ў сэрцы смутак ціха запявае...» [8, с. 81], «Вечар» [8, с. 85]). Значительное количество стихотворений сборника «Вянок» имеет «ночной» колорит, отличающийся лиричностью, психологизмом, реализацией тонких эмоциональных нюансов: «Над возерам» («Сонца ціха

скацілася з горкі; // Месяц белы заплаканы свеціць, // Аглядае бахматыя зоркі, // Цягне з возера срэбныя сеці» [8, с. 54]), «Вечар» («Месяц круглы ўстаў на небе, // Блішчыць невысока, // Ўвесь чырвона-жоўты, быццам // Пугачова вока» [8, с. 85]) и др.

Большое место в творчестве М.А. Богдановича занимает тема музыки, объективированная в соответствующем концепте. Музыкальность – важное свойство поэзии – также присуще произведениям данного белорусского поэта. В его своеобразном поэтическом мире музыка играет очень важную роль при выражении эмоций и чувств, объективации внутренней сущности лирического героя: «Жду я... Порхают снежинки пушистые, // Грустно поют провода, // Спят облетевшие липы душистые, // В тучах мерцает звезда. // Жду... Мелодичные звуки доносятся, // Где-то тоскует рояль. // С грустными звуками вдаль сердце просится, // Тихо в нем плачет печаль» [8, с. 455]. Поэт создавал состояния звучаний и включал их в свое мироздание, воспринимал музыку как наиболее родственное искусство по отношению к поэзии. Его поэтическая речь включает всевозможные устно-поэтические жанры, нередко связанные с музыкой.

Разберем систему образов концепта «музыка» в стихотворениях и поэмах М.А. Богдановича. В его поэтическом мире созданы следующие образы (наиболее значительные), связанные с этим концептом: образ духового инструмента (труба, флейта), образ струнного инструмента (скрипка, смычок, струны, лира, контрабас), образ ударного инструмента (цимбалы, бубны), образ вокального произведения (песня, гимн, романс), образ инструментального произведения (скерцо, фуга), образ танцевального произведения (коломыйка, гопак, пляска, метелица, Лявониха), образ творческой личности (песнярь, музыкант, артист), образ понятия теории музыки (музыка, мотив, тон, трель, рондо, октава, стаккато, хор, пение, гамма) и др.

К образам мира музыки примыкают индивидуально-авторские образы. Это мифические существа и стихии. *Лясун* представлен как музыкант в мире природы («Чуеш гул? – Гэта сумны, маркотны лясун // Пачынае няголасна граць: // Пад рукамі яго, навяваючы сум, // Быццам тысячы крэпка нацягнутых струн, // Тонкаствольныя сосны звiняць» [8, с. 52]). *Падвей* – «...это тот дух, который кружится в вихре» [10, с. 79] – образ метели, выюги («У бубны дахаў вецер б'е, // Грыміць па ім, звiніць, пяе. // І спеў ліецца ўсё мацней, – // Гулянку справіў пан Падвей» [8, с. 100], «Разгулялася вясёлая мяцель, // Прабудзіўся, ў поле кінуўся Падвей. // ... // Пляша, скача. Снег зрываецца, ляціць. // Веюць ў

полі снегавыя рукава, // А Падвей нясецца, кружыцца, гудзіць, // Запявае, удалая галава!» [8, с. 217]). С *Падвеем* связан образ стихии: «Толькі вецер асенні, начны // Ё полі сумна гудзіць і пая // Аб радзімай старонцы глухой // Ды аб долі няшчаснай яе. // Цісне сэрца мне песня начная... // Хай жа голасна вецер спявае...» [8, с. 218] и др.

Образ вокального произведения соотносится с инструментальной музыкой: «Навакол усё паветра // Ё струнах сонца залатых, – // Ён [матылёк – Е.М.] дрыжачымі крыламі // Звоніць ледзьве чутна ў іх. // І ліецца хваляй песня, – // Ціхі, ясны гімн вясне» [8, с. 75] (метафорическое значение слова *струна* из данной строки – ‘золотой луч солнца’ – отсутствует в толковом словаре белорусского языка). Образ вокального произведения обладает положительной эмоциональной окраской: «Я тады б у песні звонкай, салаўінай // Выліў тугу і на вецер буйны кінуў...» [8, с. 84], «І снуюцца сумна ў сэрцы, // Ёюцца адгалоскі // Роднай песні, простае песні // Беларускай вёскі...» [8, с. 85] и отрицательной, если оно связано с социальными проблемами: «Кінь толькі вокам да гэтага людз – // Сціснецца сэрца ад болю: // Столькі пабачыш ты гора усюды, // Столькі нуды без патолі. // Песня пая, як удовіна сына, // Янку, каханне згубіла...» [8, с. 107] (в данных примерах *песня* – «небольшое поэтическое произведение для пения» [11, с. 250]). Слово *песня* также может иметь значение «небольшое стихотворение, написанное в стиле музыкально-поэтического произведения» [11, с. 250]: «Ціхія мае ўсе песні, цёмныя, як вугаль чорны, // Але ўсё ж яны засвецяць, калі я ў агні мучэння // Іх разжару, распалю...» [8, с. 233], «Я паціху песні сумныя пая, // Ёсю жуду сваю выкладываю ў іх. // Ціха песня разліваецца, звоніць, // Вымаўляе, як я моладасць згубіў...» [8, с. 198] и др. Песня – звуки, издаваемые певчими птицами: «И в затишьи ночи вешней. // В темной чаще соловей // Зарыдает страстной песней // Дней любви и счастья дней» [8, с. 453] («Про пение птиц» [11, с. 250]) и др.

Для формирования представления об инструментальных звучаниях поэт создает метафоры звукового типа: «Шпарка коні імчацца у полі, // Сумна бомы гудзяць пад дугой...» [8, с. 71], «Звіні, вясёлых бомаў медзь!» [8, с. 72] и др. Образ музыки при употреблении соответствующего имени существительного реализуется как образ инструментальной музыки: «Музыкі стагнанне ліецца па вулках з бульвара...» [8, с. 98] (*музыка* – «Разг. Музыкальный инструмент» [12, с. 179]) и др. Этот образ лоцируется в пространстве города и включает название механического инструмента в сочетании с глаголом *надрывацца* и

певческого голоса: «“Каробушку” пяе дзіцячы альт, // І надрываецца абрыдлая шарманка» [8, с. 102] (*альт* – «Низкий детский или женский голос» [13, с. 226]). Звук шарманки передается также при помощи глагола *гудеть*: «И гудит “Тоску по родине” шарманка...» [8, с. 348]. Образы духовых инструментов связаны с выражением эмоций и чувств («Дрыжэлi спевы флейт, дзень ясны дагараў...» [8, с. 103], «Засмуцілася вясёласць, // Песні замаўкаюць, // І жалобна, сумна трубы // У Гародні граюць» [8, с. 236]) и с выполнением трубой функции сигнального инструмента («Не анёл у трубу уструбіў...» [8, с. 316] (*труба* – «Духовой медный музыкальный инструмент с раструбом на конце» [14, с. 523]). Образ скрипки создается в связи с образом композитора А. Сальери: «Уменне да ігры Сальеры здабываў // Праз мерны, нудны труд; ці спраўдзі забіваў // Ён гэтым талент свой, як бачна з думак драмы? // Адкажа йскрыпка нам. Стаката, фугі, гамы // Шмат год калісь на ёй Сальеры вывадзіў // І моцна граннем тым іскрыпкі зык змяніў...» [8, с. 264] (*скрыпка* – «Самый высокий по тембру и диапазону четырехструнный смычковый музыкальный инструмент» [14, с. 186]), «Чмель пузаты на басолі гучна грае, // А на йскрыпцы ёмка пчолка падсякае» [8, с. 281] (*басоль* (*басэтя*) – «Разг. Белорусский народный смычковый музыкальный инструмент низкого регистра, контрабас» [13, с. 348]). Образы музыкальных инструментов в поэзии М.А. Богдановича не связаны с реализацией фрейма ‘поэт – музыкант – творческая личность’, т.е. поэт реализует свои возможности без использования образа музыкального инструмента. Названия музыкальных инструментов употребляются преимущественно в прямом значении. В поэме «Максім і Магдалена» образ музыки реализуется в сочетании инструментального и танцевального исполнительства: «Гэй, як скрыпнуць, як утнуць гапака, – // Толькі сцены захадзілі у шынка. // Струны звонка вымаўляюць з-пад рукі, // Ёмкім дробам выбіваюць хадакі» [8, с. 296].

Образ творческого человека – песняра – это, например, образ поэта К. Каганца: «Змоўк пясняр, затаіў свае песні, // Ён іх болей ужо не пяе» [8, с. 105]. Образ песни в поэзии М. А. Богдановича реализуется в фрейме ‘поэт – музыкант – творческая личность’, т.е. поэт воплощает свой талант и стремления в данных произведениях. Имеются также образы исполнителей на музыкальных инструментах, представленных как насекомые: «“Вы паціху, музыкі, зайграйце, // Маё сэрца ўкрай не ўражайце”» [8, с. 284] (*музы́ка* – «Музыкант» [12, с. 179]) и т.д.

В рамках концепта «музыка» в поэзии М.А. Богдановича употребляются специфические номинации: 1) субстантивные, 2) адъективные, 3) вербальные. Субстантивные номинации могут обозначать звуки (*струн вясёлы перабор, музыкі стагнанне* и др.), адъективные – характер музыки, инструментов, песни и танца («Жду... Мелодичные звуки доносятся...» [8, с. 455], «І надрываецца абрыдлая шарманка» [8, с. 102], «І песня сумная не паліецца звонка...» [8, с. 145], «І напаўняў нягучны хор // Маркотнай песняй сціхшы двор» [8, с. 148] и др.). Превалируют глагольные номинации. Один и тот же субъект (*бомы*) может использоваться в сочетании с разными глаголами, и обозначать звон: «Міла бомы смяюцца у цішы» [8, с. 63], [завяя] «Сумна бомамі ў полі звініць» [8, с. 70]. Часто употребляется глагол *запяваць* с семантическим компонентом ‘начало’: «Шпарка коні імчацца у полі, // Сумна бомы гудзяць пад дугой, // Запяваюць аб долі і волі...» [8, с. 71], «Непагодны вечар. Сумна, дружа, мусі? // Каб разважыць смутак, ціха запяваю...» [8, с. 310] и др. Имя существительное *бомы* связано со звоном: «Звіні, вясёлых бомаў медзь!» [8, с. 72]. Для реализации метафоры звукового типа поэт использует сложный глагол с семой ‘интеллектуальная деятельность’: [мяцеліца] «І навокала магілы // Спявае-гудзіць // Пра таго, хто ў чыстым полі // Пахаваны спіць...» [8, с. 196]. В семантике глагола *пець* реализуется и сема ‘передача информации’: «Але мне сэрца пая: не нудзіся! // Прыйдзе вясна!» [8, с. 197]. Поэт употребляет прием нанизывания глаголов – контекстуальных синонимов: «У бубны дахаў вецер б’е, // Грыміць па ім, звініць, пая...» [8, с. 100]. Встречаются и антонимичные предложения со словом *песня* в качестве субъекта при разных глаголах: «Ціха песня разліваецца, звініць...» [8, с. 198] – «Грозна песня разліваецца, грыміць...» [8, с. 199]. При описании песни объективируются семы ‘грусть’ и ‘тишина’: «Я паціху песні сумныя пая, // Ёсю жуду сваю выкладываю ў іх» [8, с. 198].

Важно описание и самого образа музыки, сформированного поэтом, потому что у каждой творческой личности этот образ уникальный. Система образов концепта «музыка» в стихотворениях и поэмах М. А. Богдановича отличается тем, что в ней преобладают образы мира музыки, и важнейшую роль в ней играют образы музыкальных инструментов, которые не связаны с реализацией фрейма «поэт – музыкант – творческая личность». Названия

музыкальных инструментов употребляются преимущественно в прямом значении, в разных значениях используется слово *песня*. Среди номинаций концепта «музыка» наиболее представительными и сложными являются глагольные номинации, т.к. для обозначения музыки используются не только глаголы музыкальной деятельности, но и глаголы разных тематических групп.

Список литературы

1. Лойка А. Паэт нараджаецца не аднойчы // Багдановіч М.А. Поўны збор твораў: у 3 т. – Мінск: Навука і тэхніка, 1992–1995. – Т. 1: Вершы, паэмы, пераклады, наследаванні, чарнавыя накіды. – 1992. – С. 7–49.
2. Зубараў Л.І. Максім Багдановіч. – Мінск: Універсітэцкае, 1989. – 263 с.
3. Каханоўскі Г.А. А сэрца ўсё імкне да бацькаўскага краю...: з біяграфіі Максіма Багдановіча. – Мінск: Мастацкая літаратура, 1991. – 77 с.
4. Стральцоў М.Л. Загадка Багдановіча. – Мінск: Беларусь, 1969. – 120 с.
5. Содаль У. Мінск. У Пушкінскай бібліятэцы // Я хацеў бы спаткацца з Вамі...: літ.-публ. арт. пра Максіма Багдановіча / уклад. Т. Шэляговіч. – Мінск: Мастацкая літаратура, 2009. – С. 51–54.
6. Бярозкін Р.С. Чалавек напрудвесні: расказ пра Максіма Багдановіча: для ст. шк. узросту / пер. з рус. Ю.М. Канэ. – Мінск: Народная асвета, 1986. – 176 с.
7. Ватацы Н.Б. Шляхі: гіст.-літ. артыкулы. – Мінск: Мастацкая літаратура, 1986. – 175 с.
8. Багдановіч М.А. Поўны збор твораў: у 3 т. – Мінск: Навука і тэхніка, 1992–1995. – Т. 1: Вершы, паэмы, пераклады, наследаванні, чарнавыя накіды. – 1992. – 752 с.
9. Багдановіч І. Космас «Вянка». Літаратурны каментарый да «Вянка» Максіма Багдановіча // Багдановіч М.А. Поўны збор твораў: у 3 т. – Мінск: Навука і тэхніка, 1992–1995. – Т. 1: Вершы, паэмы, пераклады, наследаванні, чарнавыя накіды. – 1992. – С. 463–539.
10. Богдановіч А.Е. Пережитки древнего мирозерцания у белорусов. Этнографический очерк. Репринтное издание. – Минск: Беларусь, 1995. – 186 с.
11. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы. – Мінск: Гал. рэд. Беларус. Сав. Энцыклапедыі, 1980. – Т. 4. П–Р / [рэд. тома Г.Ф. Вештарт, Г.М. Прышчэпчык]. – 768 с.

12. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы. – Мінск: Гал. рэд. Беларус. Сав. Энцыклапедыі, 1979. – Т. 3. Л–П / [Рэд. тома П.М. Гапановіч]. – 672 с.
13. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы. – Мінск: Гал. рэд. Беларус. Сав. Энцыклапедыі, 1977. – Т. 1. А–В / [Рэд. тома М.П. Лобан]. – 608 с.
14. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы. – Мінск: Выд-ва «Бел. Сав. Энцыклапедыя» імя Петруся Броўкі, 1982. – Т. 5. Кн. 1. С–У / [Рэд. тома М.Р. Суднік]. – 663 с.

© Михайлова Е.В.

**СЕКЦИЯ
ФИЛОСОФСКИЕ
НАУКИ**

СОЦИАЛЬНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ В КОНТЕКСТЕ ЦИФРОВОЙ ЗАВИСИМОСТИ: ГРАНИ ФИЛОСОФСКОГО ОСМЫСЛЕНИЯ

Осипова Валерия Юрьевна

аспирант

Некита Андрей Григорьевич

д.филос.н., проф.

Маленко Сергей Анатольевич

д.филос.н., проф.

ФГБОУ ВО «Новгородский государственный
университет имени Ярослава Мудрого»

Аннотация: В статье рассматривается проблема цифровизации общества и её последствий. На основании изучения технологических зависимостей, их видов и влияния на сознание человека, констатируется значительное понижение эмпатии, усиление рисков деинтеллектуализации и отчуждения в обществе. Исследование симптомов цифровой зависимости и её социальных последствий обостряет необходимость формирования и укрепления системы культурных ценностей.

Ключевые слова: цифровизация, цифровая зависимость, социальная реальность, виртуальность, эмпатия, деинтеллектуализация.

SOCIAL REALITY IN THE CONTEXT OF DIGITAL ADDICTION: THE BOUNDARIES OF PHILOSOPHICAL UNDERSTANDING

Osipova Valeria Yurievna

Nekita Andrey Grigorevich

Malenko Sergey Anatolyevich

Abstract: The article examines the problem of digitalization of society and its consequences. Based on the study of technological addictions, their types, and their impact on human consciousness, it is stated that there is a significant decrease in empathy, an increase in the risks of deintelligence and alienation in society. The study of the symptoms of digital addiction and its social consequences highlights the need to form and strengthen a system of cultural values.

Key words: digitalization, digital addiction, social reality, virtuality, empathy, and de-intellectualization.

Современное человечество вступило в эпоху информатизации, а потому практически каждый индивид вольно или невольно превратился в элемент многочисленных информационных систем. Сфера бытия человека была искусственно сотворена людьми на основании преобразования ими природы, создания особого, не имеющего аналогов социального пространства, которое постепенно наполнялась предметами и отношениями, прямых аналогов которым не существовало в окружающем мире. Объективная сторона социальной реальности представлена созданными человеком результатами его труда, в том числе материальным достоянием, социальными институтами, учреждениями культуры и образования. Все что не имеет вещного существования: социальные установки, нормы, ценности и их ориентации, является субъективной стороной социальной реальности.

Сегодня цифровизация стала неотъемлемым свойством социальной реальности. В развитых странах виртуализация социального пространства и коммуникативных практик развивается стремительными темпами. Виртуальность во многом уже является тотальной характеристикой социальной реальности, а порой ситуативно может оказаться и так, что в рамках тысяч важнейших и приоритетных социально-коммуникативных протоколов, в том числе и относящихся к системам жизнеобеспечения, уже будет невозможно осуществить какие-либо социально-значимые действия без использования цифровых устройств. В современном научном дискурсе очень остро стоит вопрос технологических аддикций. Этот термин был предложен ровно тридцать лет назад М. Гриффитс (Griffiths M.D.) в своей одноименной статье впервые предложил термин «технологические зависимости». Согласно российским исследователям Л. Молчановой и В. Ильиной, это понятие описывает «нехимические (поведенческие) зависимости, включающие избыточное взаимодействие между человеком и машиной» [1, с. 20]. В упомянутой выше работе ученый обозначил «два вида технологических зависимостей: пассивные (просмотр телепрограмм) и активные (видеоигры). В обоих случаях присутствуют индуцирующие и подкрепляющие элементы, которые способствуют развитию аддиктивных тенденций» [1, с. 20].

Следует отдать должное ученому, который, уже практически на заре «массовой» компьютерной эры, сумел точно и прозорливо описать спектр

потенциальных опасностей, напрямую связанных с будущим повальным увлечением гаджетами. Действительно, стоит обратить особое внимание на мнение российских ученых, представляющих научную школу Санкт-Петербурга, А. Ивановой и М. Малышкиной, которые в 2016-2017 учебном году организовали масштабное исследование специфики психологических проблем общения и деятельности поколения цифровых технологий на базе учащихся колледжа и студентов первого курса дневного отделения Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики. Авторы специально указали, что респонденты «отметили затрудненное понимание невербального поведения окружающих, т.к. в мире цифровых технологий он отсутствует, и эмоции собеседника тяжело понимать, что говорит о снижении уровня эмпатических способностей и понимания причинно-следственных факторов поведения. Данная особенность негативно влияет на чувство сопереживания и понимание эмоций и поведения другого человека в реальности» [2, с. 226].

Подводя итоги проекта, его авторы сформулировали следующие важнейшие положения. «Цифровая реальность как пространство деятельности и общения молодежи становится для личности одним из ключевых факторов взросления, отражается во всем личностном облике: в развитии высших психических функций, в его ценностях, мотивации, в манере взаимодействия и поведения. Происходит перенос различных видов активности в виртуальный мир, что определяет повышенную увлеченность и интернет-сетью с последующим снижением адаптации к внешнему миру и обострением взаимодействия с другими. Из виртуального мира в свою очередь переносятся закрепленные там особенности деятельности и общения. Общение в интернете – опосредованный вид, который отличен от полноценного межличностного контакта. Это в первую очередь касается эмпатии и восприятия невербальной коммуникации, которые остаются за пределами сетевого общения» [2, с. 227]. В то же время, московский исследователь Н. Тихомиров, по нашему мнению, правильно отмечает, что цифровизация «в будущем с высокой вероятностью охватит все без исключения сферы общественной жизни, что приведет к утверждению принципиально нового типа личности» [3, с. 194].

И вот с именно этими личностями мы будем вынуждены жить, работать и отдыхать в пределах одного социально-политического и культурного пространства. Более того, в скором времени это будет самое активное поколение, которое должно «понять тенденции развития современной

визуальной и цифровой культуры» [4, с. 119]. Именно на него ляжет основная тяжесть ответственности за прошлое, настоящее и будущее нашей страны и всего мира. Поэтому, мы уверены, что затронутая нами проблема крайне важна и актуальна.

В этом авторов убеждает и авторитетное мнение профессора кафедры истории, философии и политологии из Саратова С. Гришина, относительно опасности интернет-зависимости. Он обоснованно утверждает, что крайне распространенное сегодня понятие «“зависимость от интернета”» имеет три разных значения: 1) зависимое поведение в рамках девиантного поведения; 2) способ адаптации аномальной личности, за которым скрывается множество других личностных и/или психических расстройств; 3) специфическая болезнь: интернет-зависимость как самостоятельная нозологическая единица, обусловленная взаимным патогенным влиянием характерологических черт и интернет-среды» [5, с. 45].

Отметим, что на сегодняшний день, указанная тема весьма актуальна и востребована. Охват современной интернет-аудитории очень масштабный: от детей и юношества, среднестатистических служащих, до видных деятелей науки, культуры, политики, экономики и духовенства. Однако, весь этот ежедневно обрушивающийся на индивида поток информации с новостных лент, готов релевантно воспринимать далеко не каждый член общества. Это неизбежно приводит к индивидуальным и групповым потрясениям, в которых наглядно проявляется постепенно становящаяся человеческая деструктивность. Именно она способна внушать страх, сеять панику, формируя, а затем и многократно форсируя многоаспектный процесс социального отчуждения.

Исследования ведущих медиков из разных стран, в том числе, известного врача-психиатра М. Шпитцера, подтверждают серьезность и опасность психологических и физиологических изменений, которым сегодня подвержены все люди, но особенно подростки и дети. Цифровые устройства основательно вредят человеку. Светящиеся экраны цифровых гаджетов, по мнению специалистов, приводят к СДВГ (синдрому дефицита внимания и гиперактивности), тревоге, депрессии, агрессии, психозу.

По свидетельству, приводимому в статье группы российских специалистов О.Е. Зиновьевой, Е.Г. Роговиной, Е.А. Тыриновой, «Синдром дефицита внимания с гиперактивностью (СДВГ) является частым нейropsychологическим расстройством, встречающимся у 5–8% детей

школьного возраста и сохраняющимся во взрослом возрасте в 60 % случаев» [6, с. 4].

С 2013 года Американская психиатрическая ассоциация признала интернет-зависимость новым психиатрическим заболеванием, после чего мировое научное сообщество стало использовать понятие «цифровая зависимость» (М. Шпитцер, Н. Кардарас, П. Уайброу, А. О. Гершман). Как раз именно Манфред Шпитцер в своей книге «Антимозг: цифровые технологии и мозг» отмечал следующее: «Цифровое слабоумие – что за чушь? – снова слышу я громкое возмущение моих критиков. А ведь для того, чтобы убедиться в справедливости моих слов, им всего-то и нужно войти в цифровую информационную сеть, охватывающую весь мир. Если ввести в поисковую строку Google ключевые слова «цифровое слабоумие», то меньше чем за одну пятую долю секунды появится огромный список источников, подтверждающих мое мнение» [7].

Более того, М. Шпитцер приводит на страницах своей книги поистине ужасающую статистику. Он указывает, ссылаясь на данные 2012 года, что «около 250 000 молодых людей в возрасте от 14 до 24 лет признаны интернет-зависимыми, а еще 1,4 миллиона – «проблемными» пользователями Интернета. Это данные из годового отчета комиссии Федерального правительства Германии по борьбе с наркотиками и иными видами зависимости, опубликованного 22 мая 2012 г. В то время как потребление алкоголя, табака, «мягких» и «жестких» наркотиков снижается, зависимость от компьютера и Интернета стремительно растет. Правительство в растерянности» [7].

По мнению специалистов, одним из ведущих симптомом цифровой зависимости считается создание с помощью цифровых устройств некой «параллельной» реальности, в результате чего развивается отчуждение и в дальнейшем уже происходит более или менее значительное ослабление связи интернет-зависимого индивида с окружающим социальным и природным мирами. В лексиконе современников появляется понятие цифровой эскапизм, существенной чертой которого, например, по убеждению российских исследователей Е.А. Лисенковой и Е.О. Труфановой, является то, что «виртуальный цифровой эскапизм противостоит физическому, т.к. опосредован техническими средствами коммуникации, что еще более усугубляет разрыв с

физическим миром и приводит к избеганию физической повседневности» [8, с. 22].

В рамках европейской философской традиции истоки рассуждений об иллюзорности реальности восходят еще к Платону. В его «Мифе о пещере» люди видят всего лишь тени на стене, а не саму реальность. На наш взгляд, вполне уместная аналогия. В тоже время, ученик Платона Аристотель так же толковал о пагубе зависимостей, об утратах, связанных с рабством страстей. По прошествии многих веков проблема зависимостей человека не только не исчезла, но и значительно усугубилась. И не малую роль в этом сыграли процессы компьютеризации. Так, Е.Е. Карпова в своей статье подробно освещает тему рисков, связанных с цифровизацией: «Цель интернет провайдеров и поставщиков серверов в ответ на запросы современного общества создать непрерывную интернет-среду, чтобы ни один процесс, регулируемый цифровыми устройствами, не останавливался. Это способствует усилению интернет-аддикций и делает нас зависимыми от умных (smart) цифровых устройств, формирующих наш быт, социальное общение, профессиональную деятельность» [9, с. 111].

Интернет-обозреватель портала sobaka.ru Анна Емельянова о масштабах зависимости современного человека от гаджетов пишет следующее: «Статистика настораживает: средний пользователь прикасается к своему смартфону 2 617 раз в день и проводит в нём около 145 минут, а уже пристрастившийся человек трогает гаджет 5 427 раз, его общее экранное время – 225 минут». Емельянова А. В день мы прикасаемся к смартфону от 2 до 5 тысяч раз. Вот как диджитал-зависимость влияет на наш мозг [10].

Со 2 по 8 июня 2025 года в Нижнем Новгороде состоялось деловое мероприятие по цифровой экономике и технологиям. Конференция проходила на территории «Нижегородской ярмарки и молодежного центра «Высота». В философском ракурсе, обсуждался вопрос о том, что информационное общество теряет ориентиры, теряет смыслы, подрывает культурный код. На этом мероприятии заслуженный преподаватель МГУ, приглашённый профессор Университета Париж-1 Сорбонны. А.А. Костикова выразила следующее мнение, с которым нам трудно не согласиться: «Цифровое время разрушает наше восприятие будущего. Цифровая среда создает иллюзию бесконечного настоящего. Мы теряем различие между прошлым, настоящим и будущим. В – том и есть причина постоянного ощущения нехватки времени и

стресса – мы больше не знаем, куда идем» [11]. Философы и политологи указали на опасности, которые создает для человечества развитие цифровых технологий. А.А. Костикова подчеркнула, что ключом к восстановлению субъектности в эпоху искусственного интеллекта является философия времени, что вполне уместно, на наш взгляд.

По мнению доктора политических наук, профессора Российской Академии наук, директора Института международных отношений и мировой истории М.И. Рыхтика, человечеству необходимо самоорганизоваться и как можно быстрее создать подходящую уровню надвигающейся угрозы ценностную платформу: «Если не самоорганизуемся – нас смоем. Наше общество стремится к быстрым ответам и простым удовольствиям. Но без внутренней организации, без ценностной платформы – мы не успеем даже воспользоваться теми открытиями, свидетелями которых являемся» [11].

Философы и политологи указали на опасности, которые создает для человечества развитие цифровых технологий. Доктор философских наук, профессор, академик Международной академии информатизации, главный редактор журнала «Философия и общество» И.А. Гобозов делает справедливое и во многом пророческое заключение о том, что цифровизация приводит к деинтеллектуализации общества в целом: «Никогда человечество не имело таких возможностей для обогащения духовного мира индивидов. Но никогда общий интеллектуальный уровень людей не падал так низко, как в настоящее время». По его мнению, прежние духовные ценности либо уничтожаются, либо игнорируются: «Средства массовой информации главную свою задачу видят не в формировании духовно богатых и высоконравственных людей, а в том, чтобы развлекать их, особенно молодежь, прививать им псевдо ценности. Главное для СМИ – полезность, доходность, стремление к обогащению. СМИ породили такую страшную болезнь, как социальный идиотизм, под которым следует подразумевать общество, когда оно не может адекватно отражать окружающую социальную действительность» [12, с. 37].

Безусловно, достижения современного информационного общества очевидны, и теперь мы в целом ряде сфер социокультурной практики можем более эффективно использовать информацию с минимальными затратами. Многие из того, что раньше требовало времени, кропотливости, ответственности, стало гораздо доступно проще с использованием цифровых устройств. Но, к сожалению, трагических ошибок и заблуждений человечеству полностью избежать не оправдались. Социальная реальность в контексте

цифровой зависимости во многом стало гораздо более ущербной, а в ряде позиций даже обнулилась. Даже в переводе с арабского, слово «цифра» (صفر (şifr) переводится как «ноль», «пустое место». Потребительское отношение к жизни, погоня за удовлетворением искусственно навязанных потребностей, деградация духовного бытия, мошенничество перестают восприниматься как исключения, но становятся уже нормой жизни. Во многом можно констатировать тот факт, что современный социум достиг точки бифуркации, а дальнейший вектор его развития дрожит как стрелка на датчике.

Список литературы

1. Ильина В.В., Молчанова Л.Н. Историко-ретроспективный анализ исследований интернет-зависимого поведения //Коллекция гуманитарных исследований. – 2019. – № 3(18). – С. 17-24.
2. Иванова А., Малышкина М. Психологические проблемы общения и деятельности поколения цифровых технологий //Ученые записки университета имени П.Ф. Лесгафта. – 2017. – № 7(149). – С. 221-228.
3. Тихомиров Н. Информационно-коммуникационные технологии как фактор современной социализации: проблемы и вызовы //Вестник Прикамского социального института. – 2019. – № 1(82). – С. 193–196.
4. Маленко С.А., Некита А.Г. Гражданская сакральность детства в советской киномифологии //Индустрии впечатлений. Технологии социокультурных исследований (EISCRT). – 2023. – № 1(2). – С. 109–139. [https://doi.org/10.34680/EISCRT-2023-1\(2\)-109-139](https://doi.org/10.34680/EISCRT-2023-1(2)-109-139)
5. Гришин С. Интернет-зависимость молодежи. Информационная безопасность регионов. – 2017. – № 2(27). – С. 44–49.
6. Зиновьева О.Е, Роговина Е.Г, Тыринова Е.А. Синдром дефицита внимания с гиперактивностью у детей //Неврология, нейропсихиатрия, психосоматика. 2014. – № 1. – С. 4–8.
7. Шпитцер М. Антимозг: цифровые технологии и мозг /пер. с нем. Гришина А.Г. – Москва: АСТ, 2014. – 284 с. – URL: <https://iknigi.net/avtor-manfred-shpitcer/77334-antimozg-cifrovye-tehnologii-i-mozg-manfred-shpitcer/read/page-1.html> (дата обращения: 19.09.2025).
8. Лисенкова А.А., Труфанова Е.О. Цифровой эскапизм – от аддикции до аскетизма //Galactica Media: Journal of Media Studies. – 2023. – № 3. – С. 17–34.

9. Карпова Е. Теоретический анализ понятия „цифровая зависимость“ в зарубежных исследованиях //Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. – 2017. – № 4. – С. 111–114.

10. Емельянова А. В день мы прикасаемся к смартфону от 2 до 5 тысяч раз. Вот как диджитал-зависимость влияет на наш мозг //Sobaka.ru: сайт. – URL: <https://www.sobaka.ru/health/health/133640> (дата обращения: 19.09.2025).

11. Философы и политологи указали на опасности, которые создает для человечества развитие цифровых технологий // Фома: журнал. – URL: <https://foma.ru/filosofy-i-politologi-ukazali-na-opasnosti-kotorye-sozdaet-dlya-chelovechestva-razvitie-czifrovyh-tehnologij.html> (дата обращения: 19.09.2025).

12. Гобозов И.А. Цифровизация общества деинтеллектуализация человека // Философия и общество. – 2021. – № 3(100). – С. 35–54.

© Осипова В.Ю., Некита А.Г.,
Маленко С.А., 2025

**СЕКЦИЯ
ФИЗИКО-МАТЕМАТИЧЕСКИЕ
НАУКИ**

**ОБ ОБРАТНОЙ ТЕОРЕМЕ ТЕОРИИ
ПРИБЛИЖЕНИЙ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ФУНКЦИЙ
ПО ГАРМОНИЧЕСКИМ ИНТЕРВАЛАМ**

Капашева Жулдыз Галымкызы

студент

Научный руководитель: **Есенбаева Гульсим Ахмадиевна**

к.ф.-м.н., ассоциированный профессор

Карагандинский национальный исследовательский

университет имени академика Е.А. Букетова

Аннотация: В данной статье исследуется взаимоотношение между структурными разностными свойствами функции и возможностью ее аппроксимации по гармоническим интервалам. Результатом исследования является обратная теорема теории приближений периодических функций по гармоническим интервалам. Статья будет полезна научным сотрудникам и специалистам, чьи интересы лежат в области теории приближений периодических функций со спектром из специальных множеств.

Ключевые слова: гармонический интервал, наилучшее приближение функции по гармоническому интервалу, обратные теоремы теории приближений.

**ON THE INVERSE THEOREM FOR APPROXIMATION THEORY
OF PERIODIC FUNCTIONS OVER HARMONIC INTERVALS**

Kapasheva Zhuldyz Galymkyzy

Scientific adviser: **Yessenbayeva Gulsim Akhmadievna**

Abstract: The relationship between the structural difference properties of a function and the possibility of its approximation over harmonic intervals is investigated in this article. The result of the study is the inverse theorem for the theory of approximations of periodic functions over harmonic intervals. The article will be useful to researchers and specialists whose interests lie in the field of approximation theory of periodic functions with a spectrum from special sets.

Key words: harmonic interval, the best approximation of a function over a harmonic interval, inverse theorems of approximation theory.

Исследование многих прикладных задач приводит к решению вопроса приближения искомого объекта на конкретном специальном множестве. Поскольку возможности и ресурсы приборов, диапазон восприятия органов чувств человека, временной промежуток течения реального процесса ограничены, то при исследовании математической модели прикладной задачи нет необходимости искать приближение искомого объекта на всей числовой прямой, а достаточно найти его на некотором промежутке, отражающем необходимый диапазон восприятия. Гармонические интервалы в некоторой степени моделируют такие промежутки и оказывают помощь в решении задач такого рода.

В теории приближений функций выделяют аппроксимативные свойства и структурные свойства функции. Аппроксимативные свойства характеризуют возможность замены искомой функции другим более простым математическим объектом, близким к искомой функции, что позволяет в дальнейшем упростить работу с ним, и определяют скорость приближения функции. Структурные свойства функции отражают ее внутренние свойства (дифференциальные, разностные и др.).

В обратных теоремах теории приближений устанавливаются неравенства, в которых структурные свойства функции оцениваются через ее аппроксимативные свойства.

В нашем случае аппроксимативные свойства функции будут характеризоваться величиной наилучшего приближения функции по гармоническим интервалам, а структурные свойства функции – r -й разностью функции с шагом h .

Анализ вопроса оценки структурных свойств функции через её аппроксимативные свойства привел к исследованию взаимоотношения L_p -нормы r -й разности функции с шагом h и наилучших приближений функции тригонометрическими полиномами со спектром из гармонических интервалов. Результатом этого исследования является обратная теорема теории приближений (теорема 1), представленная в данной статье.

Определение 1. Пусть $N, k, \nu \in \mathbb{N}$, $k < N$. Множество вида

$$I_k^N = \bigcup_{\nu=-\infty}^{\infty} ([-k; k] + 2\nu N) = \bigcup_{\nu=-\infty}^{\infty} \{m + 2\nu N : m \in [-k; k]\}$$

назовем *гармоническим интервалом* в $\mathbb{Z}$.

Определение 2. Определим через T_k^N множество тригонометрических полиномов вида

$$T_k^N = \left\{ \sum_{v=-s}^s a_v \cdot e^{ivx} : a_v = 0 \text{ при } v \notin I_k^N; s \in \mathbb{N} \right\},$$

где a_v - действительные числа, и назовем T_k^N множеством тригонометрических полиномов по гармоническому интервалу.

Определение 3. Величину

$$E_k^N(f)_p = \inf_{t \in T_k^N} \|f - t\|_p,$$

назовем наилучшим приближением функции по гармоническому интервалу I_k^N функции $f \in L_p[0; 2\pi)$, $1 \leq p \leq \infty$, тригонометрическими полиномами из T_k^N порядка меньше или равного k .

Пусть $N, k, m \in \mathbb{N}$, $k < N$. Через Q_k^N обозначим множество вида

$$Q_k^N = \bigcup_{m=-\infty}^{\infty} ([-N; -k] \cup [k; N] + 2mN).$$

Пусть $m, N \in \mathbb{N}$. Через J_m^N обозначим такое множество

$$J_m^N = [-m; m] \setminus \bigcup_{n=-\infty}^{\infty} ([-d_m; d_m] + 2nN),$$

где

$$d_m = \begin{cases} sN - \frac{|m|}{2}, & \text{если } (2s-1)N \leq |m| \leq 2sN; \\ \frac{|m|}{2} - sN, & \text{если } 2sN \leq |m| \leq (2s+1)N, \quad s \in \mathbb{N}. \end{cases}$$

Определение 4. Пусть $f \in L_p[0; 2\pi)$ и $\sum_{m=-\infty}^{\infty} a_m e^{imx}$ - ее тригонометрический ряд Фурье. Будем говорить, что функция f принадлежит классу функций A_B^N , если для последовательности $\{a_m\}_{m \in \mathbb{Z}}$ выполняется условие

$$|a_m| \leq \frac{B}{|J_m^N|} \cdot \left| \sum_{v \in J_m^N} a_v \right|, \quad (1)$$

где $|J_m^N|$ - количество элементов множества J_m^N .

Условие (1) является более слабым, чем условия монотонности и квазимоноотонности коэффициентов Фурье.

Определение 5. [1] Пусть $f \in L_p[0; 2\pi)$, $1 \leq p \leq \infty$, $r \geq 0$, тогда r -й разностью функции f в точке x с шагом h называется величина

$$\Delta_h^r f(x) = \sum_{k=0}^{\infty} (-1)^k \binom{r}{k} f(x + (r-k)h),$$

где

$$\binom{r}{k} = \begin{cases} \frac{r(r-1)(r-2)\dots(r-k+1)}{k!}, & k \geq 0; \\ 1, & r = k = 0; \\ 0, & k < 0. \end{cases}$$

В случае $r \in \mathbb{N}$ r -я разность функции f в точке x с шагом h определяется формулой

$$\Delta_h^r f(x) = \sum_{k=0}^r (-1)^k C_r^k f(x + (r-k)h) = \sum_{k=0}^r (-1)^{r-k} C_r^{r-k} f(x + kh),$$

$$C_r^k = \frac{r(r-1)(r-2)\dots(r-k+1)}{k!}.$$

Если $k \geq r+1$, то $C_r^k = 0$.

Лемма 1. [2] Пусть $1 < p < \infty$, M_0 – множество всех конечных арифметических прогрессий во множестве целых чисел $\mathbb{Z}$, тогда для любых $f \in L_p[0; 2\pi)$ справедливо соотношение

$$\left(\sum_{k=1}^{\infty} k^{p-2} \cdot \left(\sup_{\substack{|Q| \geq k, \\ Q \in M_0}} \frac{1}{|Q|} \left| \sum_{m \in Q} a_m \right| \right)^p \right)^{\frac{1}{p}} \leq C \|f\|_p.$$

Теорема 1. Пусть $2 < p < \infty$, $r, N \in \mathbb{N}$, тогда для суммируемых с p -й степенью функций $f \in A_B^N$ выполняется неравенство

$$\left\| \Delta_{\frac{\pi}{N}}^r f \right\|_p \leq C(r, p) \cdot \frac{B}{N^r} \cdot \left(\sum_{k=1}^N k^{rp-1} \cdot (E_{k-1}^N(f)_p)^p \right)^{\frac{1}{p}},$$

где B – постоянная, не зависящая от f и N .

Доказательство. Используя свойство r -й разности функции f [1] и применяя теорему Харди-Литтлвуда [3], получим следующее соотношение

$$\left\| \Delta_{\frac{\pi}{N}}^r f \right\|_p^p \leq \left\| \sum_{\nu=-\infty}^{\infty} \left(2i \sin \frac{\pi \nu}{2N} \right)^r a_{\nu} \cdot e^{i\nu x} \right\|_p^p \leq C(r, p) \sum_{\nu=-\infty}^{\infty} \left| \sin \frac{\pi \nu}{2N} \right|^{rp} \cdot |a_{\nu}|^p \cdot |\nu|^{p-2}. \quad (2)$$

В силу периодичности синус-функции неравенство (2) примет вид

$$\begin{aligned} \left\| \Delta_{\frac{\pi}{N}}^r f \right\|_p^p &\leq C(r, p) \sum_{k=-N}^N \left| \sin \frac{\pi k}{2N} \right|^{rp} \sum_{\nu=-\infty}^{\infty} |a_{k+2\nu N}|^p \cdot |k+2\nu N|^{p-2} = \\ &= C(r, p) \left\{ \sum_{k=-N}^0 \left| \sin \frac{\pi k}{2N} \right|^{rp} \sum_{\nu=-\infty}^{\infty} |a_{k+2\nu N}|^p \cdot |k+2\nu N|^{p-2} + \right. \\ &\quad \left. + \sum_{k=1}^N \left| \sin \frac{\pi k}{2N} \right|^{rp} \sum_{\nu=-\infty}^{\infty} |a_{k+2\nu N}|^p \cdot |k+2\nu N|^{p-2} \right\}. \end{aligned} \quad (3)$$

При применении преобразования Абеля [4] к неравенству (3) придем к следующей оценке

$$\begin{aligned} &\sum_{k=-N}^0 \left| \sin \frac{\pi k}{2N} \right|^{rp} \sum_{\nu=-\infty}^{\infty} |a_{k+2\nu N}|^p \cdot |k+2\nu N|^{p-2} \leq \\ &\leq \frac{C(r, p)}{N^{rp}} \sum_{k=-N}^0 |k|^{rp} \sum_{\nu=-\infty}^{\infty} |a_{k+2\nu N}|^p \cdot |k+2\nu N|^{p-2} = \\ &= \frac{C(r, p)}{N^{rp}} \sum_{k=-N}^{-1} \left(|k|^{rp} - |k+1|^{rp} \right) \sum_{m=-N}^k \sum_{\nu=-\infty}^{\infty} |a_{m+2\nu N}|^p \cdot |m+2\nu N|^{p-2} \leq \\ &\leq \frac{C(r, p)}{N^{rp}} \sum_{k=-N}^{-1} |k|^{rp-1} \sum_{m=-N}^k \sum_{\nu=-\infty}^{\infty} |a_{m+2\nu N}|^p \cdot |m+2\nu N|^{p-2} = \\ &= \frac{C(r, p)}{N^{rp}} \sum_{k=1}^N k^{rp-1} \sum_{m=-N}^{-k} \sum_{\nu=-\infty}^{\infty} |a_{m+2\nu N}|^p \cdot |m+2\nu N|^{p-2}, \end{aligned}$$

то есть

$$\begin{aligned} &\sum_{k=-N}^0 \left| \sin \frac{\pi k}{2N} \right|^{rp} \sum_{\nu=-\infty}^{\infty} |a_{k+2\nu N}|^p \cdot |k+2\nu N|^{p-2} \leq \\ &\leq \frac{C(r, p)}{N^{rp}} \sum_{k=1}^N k^{rp-1} \sum_{m=-N}^{-k} \sum_{\nu=-\infty}^{\infty} |a_{m+2\nu N}|^p \cdot |m+2\nu N|^{p-2}. \end{aligned} \quad (4)$$

Таким же образом получаем аналогичную оценку

$$\sum_{k=1}^N \left| \sin \frac{\pi k}{2N} \right|^{rp} \sum_{\nu=-\infty}^{\infty} |a_{k+2\nu N}|^p \cdot |k+2\nu N|^{p-2} \leq$$

$$\begin{aligned}
 &\leq \frac{C(r, p)}{N^{rp}} \sum_{k=1}^N k^{rp} \sum_{\nu=-\infty}^{\infty} |a_{k+2\nu N}|^p \cdot |k+2\nu N|^{p-2} = \\
 &= \frac{C(r, p)}{N^{rp}} \sum_{k=1}^N k^{rp} \cdot b_k = \frac{C(r, p)}{N^{rp}} \sum_{n=1}^{N+1} (N-n+1)^{rp} \cdot b_{N-n+1} = \\
 &= \frac{C(r, p)}{N^{rp}} \sum_{n=1}^N \left\{ (N-n+1)^{rp} - (N-n)^{rp} \right\} \sum_{m=1}^n b_{N-m+1} = \\
 &= \frac{C(r, p)}{N^{rp}} \sum_{k=1}^N \left\{ k^{rp} - (k-1)^{rp} \right\} \sum_{m=k}^n b_m = \\
 &= \frac{C(r, p)}{N^{rp}} \sum_{k=1}^N \left(k^{rp} - (k-1)^{rp} \right) \sum_{m=k}^N \sum_{\nu=-\infty}^{\infty} |a_{m+2\nu N}|^p \cdot |m+2\nu N|^{p-2} \leq \\
 &\leq \frac{C(r, p)}{N^{rp}} \sum_{k=1}^N k^{rp-1} \sum_{m=k}^N \sum_{\nu=-\infty}^{\infty} |a_{m+2\nu N}|^p \cdot |m+2\nu N|^{p-2},
 \end{aligned}$$

где

$$b_k = \sum_{\nu=-\infty}^{\infty} |a_{k+2\nu N}|^p \cdot |k+2\nu N|^{p-2}.$$

Таким образом, имеем неравенство

$$\begin{aligned}
 &\sum_{k=1}^N \left| \sin \frac{\pi k}{2N} \right|^{rp} \sum_{\nu=-\infty}^{\infty} |a_{k+2\nu N}|^p \cdot |k+2\nu N|^{p-2} \leq \\
 &\leq \frac{C(r, p)}{N^{rp}} \sum_{k=1}^N k^{rp-1} \sum_{m=k}^N \sum_{\nu=-\infty}^{\infty} |a_{m+2\nu N}|^p \cdot |m+2\nu N|^{p-2}. \quad (5)
 \end{aligned}$$

В результате, неравенство (3) с учетом (4) и (5) преобразуется к следующему виду

$$\begin{aligned}
 \left\| \Delta_{\frac{\pi}{N}}^r f \right\|_p^p &\leq \frac{C(r, p)}{N^{rp}} \sum_{k=1}^N k^{rp-1} \left\{ \sum_{m=-N}^{-k} \sum_{\nu=-\infty}^{\infty} |a_{m+2\nu N}|^p \cdot |m+2\nu N|^{p-2} + \right. \\
 &\quad \left. + \sum_{m=k}^N \sum_{\nu=-\infty}^{\infty} |a_{m+2\nu N}|^p \cdot |m+2\nu N|^{p-2} \right\} = \\
 &= \frac{C(r, p)}{N^{rp}} \sum_{k=1}^N k^{rp-1} \sum_{|m|=k}^N \sum_{\nu=-\infty}^{\infty} |a_{m+2\nu N}|^p \cdot |m+2\nu N|^{p-2} = \\
 &= \frac{C(r, p)}{N^{rp}} \sum_{k=1}^N k^{rp-1} \sum_{m \in Q_k^N} |a_m|^p \cdot |m|^{p-2},
 \end{aligned}$$

то есть

$$\left\| \Delta_{\frac{\pi}{N}}^r f \right\|_p^p \leq \frac{C(r, p)}{N^{rp}} \sum_{k=1}^N k^{rp-1} \sum_{m \in Q_k^N} |a_m|^p \cdot |m|^{p-2}. \quad (6)$$

При $k < 0$ считаем, что

$$E_k^N(f)_p = E_0^N(f)_p,$$

тогда в силу (1), леммы 1 и свойства $E_k^N(f)_p$ получим оценку в виде

$$\begin{aligned} \sum_{m \in Q_k^N} |a_m|^p \cdot |m|^{p-2} &\leq B^p \sum_{m \in Q_k^N} |m|^{p-2} \cdot \left\{ \frac{1}{|J_m^N|} \left| \sum_{v \in J_m^N} a_v \right| \right\}^p \leq \\ &\leq C(r, p) \cdot B^p \sum_{m \in Q_k^N} |J_m^N|^{p-2} \cdot \left\{ \sup_{|Q| \geq |J_m^N|, Q \in M, Q \subset Q_{\left[\frac{k}{2}\right]}^N} \frac{1}{|Q|} \left| \sum_{v \in Q} a_v \right| \right\}^p \leq \\ &\leq C(r, p) \cdot B^p \sum_{m=1}^{\infty} m^{p-2} \cdot \bar{a}_m^p(M, f_0) \leq C(r, p) \cdot B^p \cdot \|f_0\|_p^p = \\ &= C(r, p) \cdot B^p \left\| \sum_{m \in Q_{\left[\frac{k}{2}\right]}^N} a_m \cdot e^{imx} \right\|_p^p = C(r, p) \cdot B^p \cdot \left\| \sum_{m \in I_{\left[\frac{k}{2}\right]-1}^N} a_m \cdot e^{imx} \right\|_p^p = \\ &= C(r, p) \cdot B^p \cdot \left\| f - \sum_{m \in I_{\left[\frac{k}{2}\right]-1}^N} a_m \cdot e^{imx} \right\|_p^p \leq C(r, p) \cdot B^p \cdot \left(E_{\left[\frac{k}{2}\right]-1}^N(f)_p \right)^p, \\ \sum_{m \in Q_k^N} |a_m|^p \cdot |m|^{p-2} &\leq C(r, p) \cdot B^p \cdot \left(E_{\left[\frac{k}{2}\right]-1}^N(f)_p \right)^p. \end{aligned} \quad (7)$$

Из (6), принимая во внимание (7), имеем неравенство

$$\left\| \Delta_{\frac{\pi}{N}}^r f \right\|_p^p \leq \frac{C(r, p)}{N^{rp}} \sum_{k=1}^N k^{rp-1} \sum_{m \in Q_k^N} |a_m|^p \cdot |m|^{p-2} \leq$$

$$\leq C(r, p) \cdot \frac{B^p}{N^{rp}} \sum_{k=1}^N k^{rp-1} \cdot \left(E_{\left[\frac{k}{2}\right]-1}^N (f)_p \right)^p \leq C(r, p) \cdot \frac{B^p}{N^{rp}} \sum_{k=1}^{\left[\frac{N}{2}\right]} k^{rp-1} \cdot \left(E_{k-1}^N (f)_p \right)^p \leq \\ \leq C(r, p) \cdot \frac{B^p}{N^{rp}} \sum_{k=1}^N k^{rp-1} \cdot \left(E_{k-1}^N (f)_p \right)^p.$$

Следовательно, получили искомое неравенство

$$\left\| \Delta_{\frac{\pi}{N}}^r f \right\|_p \leq \frac{B \cdot C(r, p)}{N^r} \left(\sum_{k=1}^N k^{rp-1} \cdot \left(E_{k-1}^N (f)_p \right)^p \right)^{\frac{1}{p}}.$$

Теорема доказана.

В представленной работе введены элементы теории приближений для гармонических интервалов, доказана обратная теорема теории приближений периодических функций тригонометрическими полиномами со спектром из гармонических интервалов.

Список литературы

1. Смаилов Е.С., Акишев Е.А., Есмаганбетов М.Г. Пособие по спецкурсу «Теория приближения и вложения классов функций многих переменных». – Караганда: КарГУ. – 1986. – 87 с.
2. Нурсултанов Е.Д. Сетевые пространства и их приложения к задачам гармонического анализа: дисс. на соискание звания д.ф.-м.н: 01.01.01. – М.: МИАН. – 1999. – 198 с.
3. Поддубный А.М. Теоремы типа Харди–Литтлвуда // Вестник Брестского университета. Серия 4. Физика. Математика. – 2014. – № 2. – С. 82-87.
4. Ефимов А.И. Числовые и функциональные ряды. Тригонометрические ряды Фурье. – Ростов-на-Дону, Таганрог: Изд-во Южного федерального университета. – 2020. – 232 с.

© Капашева Ж.Г., 2025

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

НАУЧНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ 2025

Сборник статей

III Международного научно-исследовательского конкурса,
состоявшегося 3 ноября 2025 г. в г. Петрозаводске.

Ответственные редакторы:

Ивановская И.И., Кузьмина Л.А.

Подписано в печать 06.11.2025.

Формат 60х84 1/16. Усл. печ. л. 10.58.

МЦНП «НОВАЯ НАУКА»

185002, г. Петрозаводск,

ул. С. Ковалевской, д.16Б, помещ. 35

office@sciencen.org

www.sciencen.org

16+

НОВАЯ НАУКА

Международный центр
научного партнерства

NEW SCIENCE

International Center
for Scientific Partnership

МЦНП «НОВАЯ НАУКА» - член Международной ассоциации издателей научной литературы
«Publishers International Linking Association»

ПРИГЛАШАЕМ К ПУБЛИКАЦИИ

- 1. в сборниках статей Международных
и Всероссийских научно-практических конференций**

<https://www.sciencen.org/konferencii/grafik-konferencij/>

- 2. в сборниках статей Международных
и Всероссийских научно-исследовательских,
профессионально-исследовательских конкурсов**

<https://www.sciencen.org/novaja-nauka-konkursy/grafik-konkursov/>

- 3. в составе коллективных монографий**

<https://www.sciencen.org/novaja-nauka-monografii/grafik-monografij/>

<https://sciencen.org/>